

УПРАВЛЕНИЕ И ПОЛИТИКА

GOVERNANCE
AND
POLITICS

Vol. 5
№ 2
2026

Журнал «УПРАВЛЕНИЕ И ПОЛИТИКА» Governance and Politics»

Цель рецензируемого научного журнала «Governance and Politics» – публикация результатов исследований в области политической науки. Журнал сфокусирован на политической теории, проблемах и трансформации политических институтов и процессов, вопросах политической идеологии и государственного управления. G&P публикует рукописи высокого качества и новизны, охватывающие фундаментальные теоретические и эмпирические исследования в указанных предметных областях.

Журнал издается на русском и английском языках, преследуя цель интеграции международного академического политологического сообщества и развития научного диалога. Авторы из всех стран мира приглашаются к опубликованию в журнале результатов своих исследований. G&P охватывает широкую географию авторов и рецензентов, а также членов редколлегии.

Области исследований

- политическая философия / политическая теория
- история политической науки
- методология политической науки
- политические институты
- политические процессы и тенденции
- политическая культура и идеология
- политические конфликты
- государственное управление и государственная политика
- международная политика

С 1 октября 2024 г. входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (Перечень ВАК) по научным специальностям: 5.5.1. История и теория политики, 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии, 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики, 5.5.4. Международные отношения.

Основатель и издатель

МГИМО МИД России
www.mgimo.ru

Язык

русский / английский

Редакция

119454, Россия, Москва, пр. Вернадского 76
Факультет управления и политики
gp@inno.mgimo.ru

Официальный сайт журнала

<https://www.gp-mgimo.ru>

Редакционная коллегия

Председатель редакционной коллегии

Анатолий Васильевич Торкунов,
профессор, академик РАН, ректор МГИМО МИД России, Россия

Главный редактор

Генри Тигранович Сардарян,
профессор, декан Факультета управления и политики МГИМО МИД России, Россия

Татьяна Александровна Алексеева,
профессор, заведующая кафедрой политической теории МГИМО МИД России, Россия

Ван Вэнь,
профессор, декан Института финансовых исследований «Чунъян», Китайский народный университет

Оксана Викторовна Гаман-Голутвина,
профессор, член-корреспондент РАН, заведующая кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России; президент Российской ассоциации политических наук, Россия

Александр Жебит,
доцент, Федеральный университет Рио-де-Жанейро, Бразилия

Марина Михайловна Лебедева,
профессор, заведующая кафедрой мировых политических процессов МГИМО МИД России, Россия

Рафаэле Маркетти,
профессор, проректор по интернационализации Свободного международного университета социальных наук «Гвидо Карли», Италия

Юрай Немец,
профессор, Масариков университет, Чехия

Леонид Владимирович Сморгун,
профессор, заведующий кафедрой политического управления Санкт-Петербургского государственного университета, Россия

Виталий Викторович Субочев,
профессор, заведующий кафедрой государственного регулирования МГИМО МИД России, Россия

Арчана Упадауй,
профессор Школы международных исследований Университета Джавахарлала Неру, Индия

Августин Квази Фосу,
профессор, Университет Ганы, Гана; Университет Йоханнесбурга, Университет Претории, Южно-Африканская Республика; научный сотрудник, Оксфордский университет, Великобритания

Андрей Юрьевич Шутов,
профессор, декан Факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Россия

Редакция

Научный редактор **Оксана Геннадьевна Харитоновна,** МГИМО МИД России, Россия

Выпускающий редактор **Денис Андреевич Кузнецов,** МГИМО МИД России, Россия

Ответственный секретарь **Юлиана Ников,** МГИМО МИД России, Россия

Верстка **Дмитрий Евгеньевич Волков,** МГИМО МИД России, Россия

ISSN 2782-7062 (Print)
ISSN 2782-7070 (Online)

Управление и политика

Governance and Politics

Aim and Scope

The aim of the Journal is to publish the results of research in the field of political science. The journal is focused on political theory, problems and transformation of political institutions and processes, political ideology as well as public administration. G&P publishes manuscripts of high quality and novelty covering fundamental theoretical and empirical findings in these subject areas. The journal is published in Russian and English, insofar as it considers integration of international academic political science community as its strategic purpose; it encourages international academic dialogue among political scientists. Authors from all over the world are invited to publish in the Journal the results of their research. G&P embraces a wide geography of authors and reviewers as well as the members of the Editorial Board.

Fields of Research

- political philosophy / political theory
- history of political science
- political science methodology
- political institutions
- political processes and trends
- political culture and ideologies
- political conflicts
- public administration and public policy
- international politics

Founder and Publisher

MGIMO University
www.mgimo.ru

Language

Russian / English

Editorial Office

76, av. Vernadsky, Moscow, Russia, 119454
School of Governance and Politics

Official Website

<https://www.gp-mgimo.ru>

Editorial Board

Head of the Editorial Board

Anatoly Torkunov,

Professor, Full Member of Russian Academy of Sciences, Rector of MGIMO University, Russia

Editor-in-Chief

Henry Sardaryan,

Professor, Dean of School of Governance and Politics, MGIMO University, Russia

Tatiana Alekseeva,

Professor, Head of Department of Political Theory, MGIMO University, Russia

Augustin Kwasi Fosu,

Professor, University of Ghana, Ghana; University of Johannesburg, University of Pretoria, the Republic of South Africa; Research Associate, University of Oxford, the United Kingdom

Oxana Gaman-Golutvina,

Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of Department of Comparatives Politics, MGIMO University; President of Russian Political Science Association, Russia

Marina Lebedeva,

Professor, Head of Department of World Politics, MGIMO University, Russia

Raffaele Marchetti,

Professor, Deputy Rector for Internationalization, Free International University of Social Studies Guido Carli, Italy

Juraj Nemec,

Professor, Masaryk University, the Czech Republic

Leonid Smorgunov,

Professor, Head of Department of Political Governance, Saint Petersburg State University, Russia

Andrey Shutov,

Professor, Dean of Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Russia

Vitaly Subochev,

Professor, Head of Department of State Regulation, MGIMO University, Russia

Archana Upadhyay,

Professor, School of International Studies, Jawaharlal Nehru University, India

Wang Wen,

Professor, Executive Dean of Chongyang Institute for Financial Studies, Renmin University of China

Alexander Zhebit,

Associate Professor, Federal University of Rio de Janeiro, Brazil

Editorial Staff

Scientific Editor **Oxana Kharitonova**, Associate Professor, MGIMO University, Russia

Publishing Editor **Denis Kuznetsov**, Associate Professor, MGIMO University, Russia

Executive Secretary **Yuliana Nikov**, MGIMO University, Russia

Layout **Dmitry Volkov**, Russia, MGIMO University, Russia

Содержание

Тема номера:
Страны мирового большинства
в условиях глобальных трансформаций

Вступительное слово главного редактора	8
<i>Г.Т. Сардарян</i>	

ПОЛИТОЛОГИЯ

Управление внешнеполитической деятельностью в Турции	10
<i>В.А. Аватков</i>	
Теоретические подходы к устойчивости конкурентных президентских систем на примере Уругвая и Чили	23
<i>А.Ю. Варшавский</i>	

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА

Переосмысление концепции Глобального Юга в официальном внешнеполитическом дискурсе КНР (2013-2025 г.)	41
<i>Шэнь Дайюй</i>	
Политика стран БРИКС по защите цифрового суверенитета в контексте преодоления вызовов цифрового неоколониализма	51
<i>Н.В. Сидоренко, В.А. Дмитриева, М.И. Савченкова</i>	
Стратегия Европейского союза в отношении Центральной Азии: изменение политики в период 2007-2025 гг.	70
<i>Н.Д. Ручкин, А.В. Вовенда</i>	
Информация для авторов	86

Contents

Special Issue:
Countries of the global majority
amid global transformations

Editor-in-Chief Address	8
<i>Henry T. Sardaryan</i>	

POLITICAL SCIENCE

Foreign Policy Management in Turkey	10
<i>Vladimir A. Avatkov</i>	
Theoretical Approaches to the Stability of Competitive Presidential Systems: The Cases of Uruguay and Chile	23
<i>Arseny Yu. Varshavsky</i>	

INTERNATIONAL POLITICS

Rethinking the Concept of the "Global South" in China's Foreign Policy (2013-2025)	41
<i>Shen Daiyu</i>	
Digital Sovereignty in BRICS Countries: Policy Responses to the Challenges of Digital Neocolonialism	51
<i>Natalia V. Sidorenko, Valentina A. Dmitrieva, Maria I. Savchenkova</i>	
The European Union's Strategy for Central Asia: Policy Shift from 2007 to 2025	70
<i>Nikita D. Ruchkin, Aleksei V. Vovenda</i>	
Brief Author's Guide	86

Слово главного редактора

Уважаемый читатель!

Пятый том журнала «Управление и политика» продолжает обращение к одной из центральных проблем современной политической науки – трансформации мирового порядка и места государств мирового большинства в формирующейся полицентричной системе международных отношений. Статьи в номере всесторонне показывают объективный характер процесса перераспределения политического, экономического и нормативного влияния в мире, сопровождающегося кризисом прежних моделей глобального управления и поиском новых форм международного взаимодействия.

Современный этап развития международной системы характеризуется не только изменением баланса сил, но и многообразием институциональных, цивилизационных и ценностных моделей политической организации. Как показывает опыт последних десятилетий, устойчивость государств и международных объединений определяется не механическим воспроизводством универалистских схем, а способностью адаптировать политические институты к собственным историческим, культурным и стратегическим особенностям. Именно этот исследовательский ракурс объединяет материалы настоящего номера.

Открывает выпуск статья В. А. Аваткова, посвящённая системе управления внешнеполитической деятельностью Турецкой Республики. Автор показывает, что современные механизмы принятия решений в Турции представляют собой своеобразный синтез западных

институциональных форм и характерного для восточных политических культур персоналистского начала. В результате формируется гибридная модель управления, в которой сохраняются формальные государственные институты, однако ключевые решения концентрируются вокруг президента и его ближайшего окружения. Исследование демонстрирует, что подобная система, обеспечивая высокую оперативность, одновременно затрудняет долгосрочное прогнозирование внешнеполитического курса Анкары.

Теоретическое осмысление проблем устойчивости политических систем представлено в статье А. Ю. Варшавского, посвящённой анализу конкурентных президентских режимов на примере Уругвая и Чили. На основе синтеза неинституционального, историко-институционального и социокультурного подходов автор приходит к важному выводу: долговременная стабильность политического порядка обеспечивается не отдельными институтами, а их взаимодействием с исторической памятью, политической культурой и механизмами согласования интересов. Исследование подтверждает один из фундаментальных тезисов современной политической теории: устойчивость государства опирается не только на формальные нормы, но и на укоренённые практики общественного консенсуса.

Особое место в номере занимает статья Шэнь Дайюй, посвящённая эволюции концепции Глобального Юга во внешнеполитическом дискурсе Китайской Народной Республики. На основе конструктивистского подхода автор

показывает, что понятие «Глобальный Юг» постепенно трансформировалось из описательной категории в полноценный политический конструкт, отражающий представления Китая о собственном месте в мировой системе и о перспективах реформирования глобального управления. Тем самым подтверждается возрастающая роль государств мирового большинства как самостоятельных субъектов международной политики и носителей альтернативных моделей развития.

Проблематика технологического суверенитета и новых форм зависимости рассматривается в исследовании Н. В. Сидоренко, В. А. Дмитриевой и М. И. Савченковой. Авторы анализируют феномен цифрового неоколониализма и приходят к выводу, что обеспечение цифрового суверенитета становится важнейшим условием сохранения политической субъектности государств. Особое внимание уделено странам БРИКС, которые, несмотря на различия национальных моделей и наличие внутренних асимметрий, обладают потенциалом для формирования альтернативных подходов к регулированию цифровой среды. Для России данная проблематика приобретает стратегическое значение, поскольку вопросы технологической независимости и защиты критической инфраструктуры становятся неотъемлемой частью национального суверенитета.

Завершает научный раздел статья Н. Д. Ручкина и А. В. Вовенды, посвящённая трансформации политики Европейского союза в Центральной Азии. Авторы показывают, что европейская стратегия эволюционировала от нормативно ориентированных подходов к более прагматичной модели взаимодействия, учитывающей возросшую субъектность государств региона. Вместе с тем открытым остаётся вопрос о том, смогут ли предлагаемые механизмы сотрудничества стать

основой долгосрочного партнёрства или же сохраняют преимущественно декларативный характер.

В совокупности материалы номера демонстрируют важную закономерность современного мирового развития: эпоха универсальных рецептов и линейных моделей политической модернизации уступает место более сложной и многомерной системе международных отношений. Государства мирового большинства всё более уверенно выступают в качестве самостоятельных центров силы, опирающихся на собственные исторические традиции, национальные интересы и цивилизационные особенности. Именно многообразие путей развития, признание суверенного права народов на самостоятельный выбор и отказ от идеологической унификации становятся важнейшими принципами формирующегося многополярного мирового порядка.

Для России, последовательно выступающей за справедливую и полицентричную систему международных отношений, подобные процессы имеют принципиальное значение. Они открывают возможности для укрепления сотрудничества со странами мирового большинства, развития новых институтов международного взаимодействия и формирования более устойчивой архитектуры глобального управления, основанной на принципах равноправия, взаимного уважения и учёта национальной специфики.

Надеемся, что материалы настоящего номера будут способствовать дальнейшему развитию научной дискуссии о трансформации мирового порядка и месте государств мирового большинства в системе международных отношений XXI века.

Главный редактор
доктор политических наук, профессор,
МГИМО МИД России
Г.Т. Сардарян

Управление внешнеполитической деятельностью в Турции

В.А. АВАТКОВ*

Институт научной информации по общественным наукам
РАН (Россия)

Аннотация

В статье анализируется система управления внешнеполитической деятельностью Турции в условиях президентской формы правления, утверждённой после конституционных реформ 2017 года. Автор подчеркивает, что переход к централизованной модели привёл к формированию гибридной структуры принятия решений, сочетающей формальные институты (МИД, Совет национальной безопасности, ВНСТ, МІТ) и неформальные сети (президентские советники, бизнес-ассоциации, религиозные фонды). Цель исследования – систематизация знаний о субъектах и механизмах формирования турецкого внешнеполитического курса. Методологическую основу исследования составили институциональный и системно-структурный анализ, а также анализ нормативно-правовой базы. Выявлено, что актуальная система внешнеполитического управления имеет симбиотические черты западных и восточных подходов к проведению внешней политики: вместе с централизованным «ядром» принятия решений, присущим Востоку, существуют и институциональные формации, которые присущи Западу. В конечном итоге подобное сочетание приводит к хаотичности и затрудняет прогнозирование внешнеполитических шагов Турецкой Республики.

Ключевые слова

Турция, внешняя политика, управление, институты, Эрдоган, Конституционная реформа

Для цитирования

Аватков В.А. (2026). Управление внешнеполитической деятельностью в Турции. *Управление и политика*. 5(2). С. 10–22. DOI: 10.24833/2782-7062-2026-5-2-10-22

Конфликт интересов

автор заявляет об отсутствии конфликтов интересов

* Аватков Владимир Алексеевич – заведующий Отделом Ближнего и Постсоветского Востока, Институт научной информации по общественным наукам РАН, Россия, 117418, Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21.
E-mail: v.avatkov@gmail.com

В современной науке существует два основных подхода к управлению политикой: западный и восточный. Западный тип, по своей сути, представляет собой опору на институционализированные формации и почти полное удаление из уравнения личностного фактора лидеров и должностных лиц из процесса управления внешней политикой. В то же время восточный подход концентрируется на примате личности и группы лиц над институтами (Димитрова, 2008).

За последние 50 лет Турецкая Республика пережила целый ряд метаморфоз в системе внешнеполитического управления. В период преобладания парламентской республики (XX век) Турция представляла собой западное прочтение подходов к этой сфере жизни государства: институционализация внешней политики находилась на крайне высоком уровне и почти все инструменты для ее проведения находились в ведении Министерства иностранных дел и других официальных ведомств (Alanoğlu, 2025).

Современный этап развития Турции, начавшийся с приходом к власти Р. Т. Эрдогана и его Партии справедливости и развития в 2002 году ознаменовал переход к смешанному подходу к управлению внешней политикой: на первый план стала выходить централизация управления под началом президента и приближенных к нему людей, тогда как институциональные образования стали, по большей части, проводниками воли «ядра». Тем не менее, внешние проявления западного подхода до сих пор существуют в виде ряда официальных документов и ведомств,

функционирующих на их основе (Sarra, Melouk, 2021).

Общие положения

Министерство иностранных дел Турции (Dışişleri Bakanlığı) – государственный орган, отвечающий за управление внешнеполитической деятельностью Турецкой Республики. Осуществляет свою деятельность на основании закона № 6004¹ о создании и задачах Министерства иностранных дел. В качестве одной из основополагающих задач законом определяется поддержка формирования и укрепления на региональном и мировом пространстве такой обстановки, которая способствовала бы справедливости и развитию. Хакан Фидан является действующим министром с июня 2023 года. Структура Министерства иностранных дел Турции включает обширный аппарат, насчитывающий около двадцати пяти департаментов, специализирующихся на различных направлениях внешней политики. Ведомство разделено как по географическому принципу (департаменты, отвечающие за отношения с Европой, ЕС, двусторонние отношения с отдельными странами), так и по функциональным блокам. К последним относятся подразделения, занимающиеся политическим планированием, международной безопасностью, многосторонними отношениями, международными договорами, консульскими вопросами, а также информационной и культурной деятельностью за рубежом. Отдельно действует Центр стратегических исследований, который обеспечивает аналитическую поддержку и связь ведомства с академическими кругами (Erdağ, 2014).

¹ Dışişleri bakanlığının kuruluş ve görevleri hakkında kanun. URL: <https://resmigazete.gov.tr/eskiler/2010/07/20100713-3.htm> (дата обращения 26.05.2026)

Основными принципами работы Министерства иностранных дел являются обеспечение мира, защита национальных интересов, прав человека и культурно-природного наследия, укрепление международного права. Министерство формирует и реализует внешнюю политику по поручению президента, представляет страну и главу государства за рубежом, защищает интересы Турции, координирует и контролирует деятельность госорганов за границей, информирует президента о международных событиях, ведет переговоры, заключает и хранит международные договоры, участвует в развитии международного права и судебных процессах (включая ЕСПЧ), обеспечивает работу делегаций, контролирует открытие загранпредставительств, координирует отношения с международными организациями и процессы по ЕС, а также выполняет иные задачи согласно законодательству².

Главным документом, регулирующий внешнеполитический процесс является Конституция. Документ обладает высшей юридической силой. Конституция Турецкой Республики закрепляет полномочия, которыми обладают государственные структуры и первые лица государства в сфере обеспечения и реализации внешнеполитической деятельности³. Среди других источников права, регулирующих внешнеполитическую деятельность Турции, можно выделить принимаемую каждые пять лет Советом безопасности «Красную книгу», которая также носит имя «секретной конституции» и подразумевает

под собой документ, по форме представляющий собой концепцию национальной безопасности государства⁴.

Влияние на принятие внешнеполитических решений

Принятие решений по вопросам внешней политики в Турции разделено между несколькими организациями, а также формальными и неформальными консультативными структурами. Президент является главным лицом, принимающим решения по вопросам внешней политики. Консультативные функции выполняют Министерство иностранных дел, Совет по безопасности и внешней политике, Совет национальной безопасности (Milli Güvenlik Kurulu), Национальная разведывательная организация (Milli İstihbarat Teşkilatı), официально назначенные советники президента, различные лица за пределами администрации (так называемые неформальные советники), а также турецкие военные, оказывающие влияние извне.

Президент. Согласно ст. 104 Конституции Турецкой Республики, президент страны обладает правом вынесения решения о применении вооруженных сил, созыва Совета национальной безопасности, ратификации международных договоров, а также об отправке представителей государства за рубеж. Под председательством президента проводятся заседания Совета министров, в компетенции которого входит объявление режима чрезвычайного и военного положений, а также мобилизации⁵.

² Dışişleri bakanlığının kuruluş ve görevleri hakkında kanun. URL: <https://resmigazete.gov.tr/eskiler/2010/07/20100713-3.htm> (дата обращения 26.05.2026)

³ Türkiye Cumhuriyeti anayasası. URL: <https://www.mevzuat.gov.tr/mevzuatmetin/1.5.2709.pdf> (дата обращения 26.05.2026)

⁴ Türkiye'nin «Kırmızı Kitap»ı güncelleniyor. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/gundem/turkiyenin-kirmizi-kitapi-guncelleniyor/3149693> (дата обращения 26.05.2026)

⁵ Türkiye Cumhurbaşkanı sitesi. URL: <https://tccb.gov.tr/cumhurbaskanlarimiz/> (дата обращения 26.05.2026)

Совет национальной безопасности. Ключевой консультативный орган, созданный в рамках президентской системы для разработки политических предложений, анализа глобальных событий и консультирования президента. Разрабатывает «политику национальной безопасности» («Красную книгу»), которая задает рамки и для внешней политики. Рекомендации имеют значительный вес, особенно по вопросам, связанным с обороной и терроризмом⁶.

Парламент (ВНСТ). Великое Национальное Собрание Турции (ВНСТ) – турецкий парламент (меджлис) является высшим органом законодательной власти страны. Утверждает международные договоры, объявление войны, отправку войск за рубеж. Продление мандатов на проведение военных операций является важным инструментом влияния на внешнюю политику. ВНСТ располагает значительной самостоятельностью в своей внешнеполитической деятельности (межпарламентские связи в рамках международных организаций, международных комитетов). Вместе с тем МИД Турции достаточно «плотно» координирует этот аспект работы ВНСТ, так или иначе участвуя в проработке практически всех внешнеполитических шагов турецкого парламента. Согласно закону 3620, ВНСТ участвует в международных встречах, организуемых иностранными государствами, поддерживает контакты с парламентскими объединениями, группами дружбы и парламентами других стран⁷.

Национальная разведывательная организация (MİT). Разведывательная деятельность играет немаловажную роль при

проведении трансграничных военных операций, в частности, в соседних Сирии и Ираке⁸. Помимо этого, Национальная разведывательная организация подготавливает доклады о текущей ситуации за рубежом и в конкретных странах руководству государства.

Данные организации предоставляют информацию непосредственно Президенту, нет определенной иерархичной системы между всеми ведомствами. Комитет по безопасности и внешней политике, а также неофициальные и официальные советники предоставляют оценки; Министерство иностранных дел, Министерство национальной обороны (Milli Savunma Bakanlığı) и вооружённые силы предоставляют практическую информацию. Вышеупомянутые организации не имеют или имеют очень ограниченные полномочия по принятию решений, а решения принимаются в президентской администрации в узком кругу и индивидуально. Помимо существующих подразделений, формирующих структуру принятия внешнеполитических решений, существует созданный в 2018 году Совет по вопросам безопасности и внешней политики.

Существенное влияние на формирование внешнеполитических ориентиров оказывают политические партии. В программе каждой из них предусмотрена определенная стратегия внешнеполитических действий, призванная определить важнейшие направления внешнеполитической деятельности (Аватков, Сбитнева, 2022). В настоящее время Турция движется к построению внешнеполитического курса, сосредоточенного прежде всего на достижении национальных интересов.

⁶ Milli güvenlik kurulu. URL: <https://www.mgk.gov.tr/> (дата обращения 26.05.2026)

⁷ TBMM sitesi. URL: <https://www.tbmm.gov.tr/> (дата обращения 26.05.2026)

⁸ Milli istihbarat teşkilatı. URL: <https://www.mit.gov.tr/> (дата обращения 26.05.2026)

Помимо политических партий, в вопросе принятия внешнеполитических решений сегодня значительно возрастает роль негосударственных или аффилированных с государством акторов. Главная роль отведена мозговым аналитическим центрам, которые с начала 1990-х гг. все активнее участвуют в разработках внешнеполитических концепций. В настоящее время, по разным данным, на территории Турции функционируют приблизительно 50 центров, занимающихся исследованиями в области внешней политики и международных отношений. Среди наиболее крупных стоит отметить SAM (при МИДе Турции), TURKSAM, BILGESAM, TASAM, ESAM и др.

Существенное влияние на разработку внешнеполитических решений также оказывают профсоюзы, такие как TUSIAD, MUSIAD и ряд других, религиозные объединения, в частности, некоммерческие организации, которые, подразделяются на некоммерческие партнерства (дернеки) и специализированные фонды (вакфы) и нередко занимаются финансированием определенных проектов (Велиева, 2025).

При этом у подобных организаций иногда возникают противоречия с официальной властью. Например, в 2025 г. Эрдоган обвинил TUSIAD во вмешательстве в политику и подрыве деятельности правительства, усилив давление на организацию⁹. Причиной стало высказывание высокопоставленного представителя компании, который раскритиковал

произошедшие судебные репрессии в отношении лидеров оппозиции и журналистов¹⁰.

Расширение круга участников турецкой внешней политики после 2017 года

Турецкая политическая система претерпела ряд изменений в 2017 году. Вновь избранный Р.Т. Эрдоган получил широкие полномочия, стал главой исполнительной власти, пост премьер-министра был упразднен. В прямое ведение главы государства перешли такие структуры, как Национальная разведывательная организация, Управление по делам религии, Совет национальной безопасности, Государственные архивы, Генштаб, Секретариат оборонной промышленности. Фактически новое правительство Турции с этого момента можно разделить на две составляющие: «топ-менеджеров» и руководителей различных профильных департаментов¹¹. Первая группа – это члены Партии справедливости и развития (ПСР), близкие к Эрдогану люди, которым он доверяет и которые не вызывают у него сомнений в своей лояльности.

При администрации президента были созданы девять советов. Это координационно-консультативные органы по науке, технологиям, образованию, экономической политике, юстиции, безопасности и внешней политике, культуре, здравоохранению и др. в непосредственном подчинении президенту. Советы призваны

⁹ Erdogan accuses top Turkish business group of political meddling // Reuters. URL: <https://www.reuters.com/world/middle-east/erdogan-accuses-top-turkish-business-group-political-meddling-2025-02-19/> (дата обращения 26.05.2026)

¹⁰ Turkey probes business group official after criticism of opposition crackdown // Reuters. URL: <https://www.reuters.com/world/middle-east/turkey-probes-business-group-official-after-criticism-opposition-crackdown-2025-02-14/> (дата обращения 26.05.2026)

¹¹ Реформатор или автократ: как Эрдоган изменил Турцию // ТАСС. URL: <https://tass.ru/opinions/5368015> (дата обращения 26.05.2026)

анализировать ситуацию в стране и за ее пределами, предлагать президенту варианты решения тех или иных проблем. После этого в министерства могут поступать соответствующие распоряжения или же издаваться президентские указы, не требующие предварительной санкции парламента для вступления в силу¹².

Особую роль в принятии внешнеполитических решений играет Совет по безопасности и внешней политике (Güvenlik ve Dış Politikalar Kurulu). Его основные полномочия: разработка предложений по внешнеполитическому курсу Турции, усилению её регионального влияния и урегулированию региональных проблем; подготовка аналитических отчетов о глобальных процессах и изменениях в сфере безопасности, включая рекомендации по противодействию угрозам, защите границ; определение миграционной стратегии, мониторинг её реализации и оценка планируемых нормативных поправок¹³.

Стоит отметить, что многие члены Совета обучались за границей и защищали диссертации зарубежом, в частности, в Европе или США, что непосредственно влияет на формирование их внешнеполитических взглядов, и, как следствие,

на характер принимаемых ими решений. Так, д.н. Чагатай Оздемир окончил магистратуру Джорджтаунского университета имени Эдмунда А. Уолша¹⁴, проф. Чагры Эрхан изучал вопросы безопасности в Университете Джорджа Вашингтона¹⁵, проф. Кылыч Бугра Канат получил степень магистра по международным отношениям в Университете Маркетт (США, частный иезуитский университет), степень доктора политических наук в Университете Сиракуз (Италия), в 2015 году получил премию за выдающиеся исследования и премию Совета стипендиатов факультета исследований в Университете Пенн Стейт, также является директором исследований в Фонде SETA в Вашингтоне¹⁶; проф. Мехмет Акиф Киреджчи окончил Пенсильванский университет¹⁷; проф. Мухиттин Атаман получил степень магистра в Центральном университете Оклахомы, докторскую – в Университете Кентукки (США)¹⁸; проф. Мустафа Айдын получил степень магистра по международным отношениям и стратегическим исследованиям в 1991 году и докторскую степень в 1994 году в Ланкастерском университете в Англии, в 2018 году ректор Одесского национального политехнического университета вручил Айдыну диплом почётного доктора¹⁹.

¹² Türkiye Kurumlar. URL: <https://www.turkiye.gov.tr/kurumlar?kurumHarf=S> (дата обращения 26.05.2026)

¹³ Cumhurbaşkanlığı Politika Kurulları Görev ve Yetkileri. URL: <https://turkau.com/cumhurbaskanligi-politika-kurullari-gorev-ve-yetkileri/> (дата обращения 26.05.2026)

¹⁴ Çağatay Ozdemir. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/experts/cagatay-ozdemir> (дата обращения 26.05.2026)

¹⁵ Prof. Dr. Çağrı Erhan, Cumhurbaşkanlığı Başdanışmanı olarak atandı. URL: <https://www.altinbas.edu.tr/nd.pweb?NID=1234> (дата обращения 26.05.2026)

¹⁶ Kılıç Buğra Kanat. URL: <https://www.setav.org/en/experts/kilic-bugra-kanat> (дата обращения 26.05.2026)

¹⁷ Mehmet Akif Kirecci. URL: <https://politicstoday.org/author/mehmet-akif-kirecci/> (дата обращения 26.05.2026)

¹⁸ Muhittin Ataman. URL: <https://www.setav.org/en/experts/muhittin-ataman> (дата обращения 26.05.2026)

¹⁹ Prof. Dr. Mustafa Aydın. URL: <https://mustafaaydin.com/> (дата обращения 26.05.2026)

Ранее в Совет также входил влиятельный в турецких кругах А. Танрыверди, который занимался общественной деятельностью, состоя в различных ассоциациях. Среди них была и Ассоциация отстаивающих справедливость (ASDER), которая состояла из уволенных и отставных военнослужащих. В частности, эта структура, через Центр стратегических исследований подготовила набор предложений по реорганизации Вооруженных сил Турции. В 2012 году А.Танрыверди создал консультационную компанию Sadat Uluslararası Savunma, чье имя часто всплывало в связи с гражданской войной в Сирии и с предоставлением образовательных услуг в сфере «нетрадиционных» боевых действий (Аватков, Сбитнева, 2023). В качестве миссии компании заявлено «содействовать вхождению исламского мира в категорию мировых суперсил». Эта компания является первой и единственной компанией в Турции, которая осуществляет консультационные услуги в сфере международной обороны и военной подготовки и состоит из бывших военнослужащих ВС Турции.

Переход Турции к президентской форме правления повлек за собой значительные изменения в функциях субъектов внешней политики. Турция стала привлекать к планированию и реализации внешней политики различные ведомства и институты. В частности, помимо Министерства иностранных дел, которое традиционно отвечало за внешнюю политику, основными субъектами внешней политики стали Министерство национальной обороны и Национальная разведывательная организация.

Стоит отметить, что участие военных в внешнеполитическом управлении было свойственно турецкой политике, однако это было прекращено после неудачной попытки военного переворота в 2016 году, после которой в армии прошли масштабные чистки, в результате которых новое руководство вооруженных сил предпочло сосредоточиться на укреплении своей роли в решении ряда национальных проблем, а свой взгляд на внешнюю политику излагать на личных встречах с президентом в рамках заседаний Совета национальной безопасности (Acar, 2020).

После этих изменений основными субъектами, занимающимися вопросами внешних угроз и безопасности Турции, стали Министерство национальной обороны, Управление по делам религии, Министерство внутренних дел и Агентство оборонной промышленности (Savunma Sanayii Başkanlığı, SSB).

Старшие советники президента (назначаемые и неназначаемые)

В администрации президента есть несколько назначаемых советников по внешней политике. Например, А. Кылыч – турецкий политик, главный советник президента Турции по внешней политике и безопасности с 6 июня 2023 года. Нынешний вице-президент Турции Джевдет Йылмаз до 2023 г. был советником президента по международным вопросам. Он, например, в интервью «Октагону» в 2020 году настаивал на правоте Азербайджана в карабахском конфликте²⁰. С 2014 по 2023 гг. Ибрагим Калын был пресс-секретарем и главным

²⁰ Советник президента Турции: «У нас особые отношения с Азербайджаном» // Octagon media. URL: https://octagon.media/mir/sovetnik_prezidenta_turcii_u_nas_osoby_e_otnosheniya_s_azerbajdzhanom_.html (дата обращения 26.05.2026)

советником президента по внешней политике и безопасности, сейчас возглавляет Национальную разведывательную организацию (MİT); Яшар Гюлер, занимающий на данный момент пост министра обороны Турции, на протяжении многих лет входил во «внутренний круг» Эрдогана по вопросам безопасности и военных операций за рубежом; М.Х. Чашын – нынешний советник президента Турции, член комитета по безопасности и внешней политике Администрации президента.

Существует мнение, что Эрдоган до сих пор выбирал своих советников в основном на основе личного доверия и лояльности, а не заслуг²¹. Общее число назначенных советников по всем направлениям составляет около 40, это сильно отличается от относительно узкого круга советников, на которых ранее полагался президент Эрдоган. Советники меняются, например, в феврале 2025 г. в официальной газете было опубликовано решение о назначении Ведата Демирёза и профессора доктора Чагры Эрхана советниками президента.

Круг неформальных советников (не назначенных) состоит из различных групп друзей, бизнесменов, учёных, экспертов, работающих в различных аналитических центрах, и экспертов по странам, представляющим интерес для Турции. Так, после сбития российского самолета СУ-24 в урегулировании отношений между Турцией и Россией стали участвовать бизнесмены. Например, Джавит Чаглар – турецкий предприниматель.

Занимавший в то время должность главы Генерального штаба вооруженных сил Турции Хулуси Аккар упомянул, что у бизнесмена Джавита Чаглара есть инвестиции в Республике Дагестан, тем самым он предложил неофициальный канал связи с Россией²². Также есть информация, что Чаглар участвовал в тайных операциях, например, команду Национальной разведывательной организации (MİT), которая в рамках совместной операции с ЦРУ отправилась в Кению, чтобы доставить оттуда лидера РПК Абдуллу Оджалана, перевозил частный самолет Чаглара. Чаглар также сыграл роль в передаче помощи, которую Турция оказывала Гейдару Алиеву в Нахичевани, а позже в Баку²³. Другим неформальным участником является Сельчук Байрактар – совладелец Ваукар Makina и зять президента. Он входит в список 15 богатейших людей Турции.

Также к неформальным участникам процесса управления внешней политикой можно отнести сына Р.Т. Эрдогана – Биляля Эрдогана. Официально у него нет никакой государственной должности, однако Биляль занимает высокие посты в различных фондах, а также владеет долями в крупных бизнесах (например, 50 % акций компании Atagold (торговля ювелирными изделиями), имеет долю в компании BMZ Group (строительство и морские грузоперевозки), которая входит в совет правления фонда TÜGVA, занимающийся подготовкой исламских идеологов. Биляль участвует

²¹ The gang of five': Nepotism, corruption and tender-rigging in Erdoğan's Turkey // DuvarEnglish. URL: <https://www.duvarenglish.com/the-gang-of-five-nepotism-corruption-and-tender-rigging-in-erdogans-turkey-news-56200> (дата обращения 26.05.2026)

²² Eski Devlet Bakanı Cavit Çağlar, «Hulusi Akar'la Yaptığım Görüşmenin Ardından Rusya ile İlişkilerin // Haberler. URL: <https://www.haberler.com/genel/eski-devlet-bakani-cavit-caglar-hulusi-akar-la-10380380-haberi/> (дата обращения 26.05.2026)

²³ Там же

во встречах с иностранными лидерами²⁴, возглавляет турецкие делегации во время правительственных визитов, подписывает международные соглашения от имени Турции. Младший Эрдоган возглавляет Союз Международных демократов (сеть, поддерживающая ПСР). Данная организация мобилизует избирателей, организует собрания и формирует политическое мнение в турецких и мусульманских общинах за рубежом (согласно избирательной системе Турции, бюллетени, поданные за границей, учитываются после подсчета голосов внутри страны. На президентских выборах 2023 года Эрдоган набрал 59,57 % из почти 2 миллионов голосов, поданных за рубежом²⁵).

Биляль возглавляет Турецкий фонд молодежи (TÜGVA), основной целью которого заявлена поддержка разностороннего развития молодежи в Турции. Помимо этого, фонд также предоставляет гранты иностранцам – в основном из тюркских государств. Тем не менее, некоторые турецкие СМИ заявляют, что данный фонд работает с разведывательной организацией Турции и способствует воспитанию сторонников действующей власти²⁶.

Главы крупных холдингов (таких как TAI, ASELSAN, STM, Rönesans Holding), работающих на стратегические государственные проекты, имеют прямой доступ к президенту. Их интересы напрямую влияют на решения по сирийской политике, отношениям с Россией, Украиной, странами Центральной Азии.

Помимо вышеупомянутых ведомств, существенное влияние на управление внешнеполитической деятельностью в Турции оказывает бизнес и неправительственные организации. Например, TÜSİAD (турецкая ассоциация промышленности и бизнеса) играет важную роль в лоббировании интересов Турции в ЕС и США, еще с 2000-х поддерживает тесные связи с европейскими корпорациями, членство базируется на высоком вступительном взносе, члены вносят в турецкую экономику примерно 50% промышленного производства и 80% объема внешней торговли, за исключением энергетики. Ассоциация входит в различные организации для предпринимателей в Тунисе, Бельгии, устанавливает контакты с бизнесменами как на Северном, так и на Южном Кипре, политика организации особенно ориентирована на сотрудничество с США, в структуре TÜSİAD есть официальная должность «Советника по внешней политике», TÜSİAD критикует правительство за отход от демократических норм, давление на бизнес, непредсказуемость экономической политики и конфликты с Западом. Самый яркий пример – февраль 2025 года, когда президент TÜSİAD Орхан Туран и член совета директоров Омер Арас были подвергнуты судебному преследованию (запрет на выезд за границу) после критики арестов оппозиционных политиков и журналистов; MÜSİAD (ассоциация независимых промышленников и бизнесменов) на протяжении десятилетий активно выступает за вступление Турции в ЕС,

²⁴ Erdogan's son emerges as new key figure overseeing Turkey's pro-government diaspora network // NordicMonitor. URL: <https://nordicmonitor.com/2025/12/erdogans-son-emerges-as-new-key-figure-overseeing-turkeys-pro-government-diaspora-network/> (дата обращения 26.05.2026)

²⁵ 2023 Seçimler sonuçları. URL: <https://secim.sozcu.com.tr/secim2023mayis14> (дата обращения 26.05.2026)

²⁶ Bilal Erdoğan'ın yöneticisi olduğu TÜGVA hakkında flaş iddia. MİT ve Emniyet bilgi veriyor TÜGVA takip ettiriyor // YeniÇağ. URL: <https://www.yenicaggazetesi.com/bilal-erdoganin-yoneticisi-oldugu-tugva-hakkinda-flas-iddiamit-ve-emniyet-bilgi-veriyor-tugva-takip-ettiriyor-704223h.htm> (дата обращения 04.06.2026)

осуществляет сотрудничество со странами, MÜSİAD рассматривала страны Ближнего Востока и Центральной Азии как альтернативу ЕС в 1990-х годах, разрабатывала проекты для реализации политики Турции в этих странах, (в мае 2025 года MÜSİAD UK запустила вела переговоры для пересмотра «Соглашения о свободной торговле между Турцией и Великобританией». Представители организации встретились с министром торговли Омером Болатом). У данных организаций разветвленные сети представительств в ключевых столицах мира (Вашингтон, Брюссель, Берлин, Лондон, Пекин и др.). Главы этих представительств (например, Др. Хасан Турунч в Лондоне) являются ключевыми фигурами, которые на месте взаимодействуют с политиками, аналитическими центрами и СМИ, продвигая интересы турецкого бизнеса и, косвенно, государства. DEİK (Совет по внешним экономическим связям), который устанавливает прямые контакты с бизнес-сообществом различных государств, а также ТОВВ (Союз торговых палат и товарных бирж Турции), который координирует взаимодействие торговых палат и товарных бирж со всеми заинтересованными государствами. (Demirkol, 2006).

Изменения в Министерстве иностранных дел после прихода Хакана Фидана

Нынешний министр иностранных дел Хакан Фидан, несомненно, оказывает значительное влияние на принятие внешнеполитических решений. Авторитет и приближенность Фидана к Эрдогану обуславливается его предыдущей деятельностью, которая была направлена на усиление позиций Турции

на международной арене. До Министерства иностранных дел Фидан также работал главой ТІКА (Турецкое агентство сотрудничества и координации) – организации, которая сыграла важную роль в распространении турецкой «мягкой силы» за рубежом, особенно в тюркских и ближневосточных государствах. Фидан 13 лет возглавлял турецкую разведку, оказывал значительное влияние на формирование и реализацию внешней политики, особенно в отношении Сирии. Бытует мнение, что Фидан имеет право голоса во внешней политике и что с ним обсуждаются важные вопросы.

Под руководством Фидана в Министерстве иностранных дел Турции произошли заметные изменения: всё больше руководящих должностей занимают сотрудники Национальной разведывательной организации и политические назначенцы. Эта трансформация меняет традиционную роль министерства, приближая его к функциям разведки и безопасности, а не к обычной дипломатической практике. В 2024 году сообщалось, что в Министерство иностранных дел Турции были назначены высокопоставленные чиновники из Национальной разведывательной организации. Например, Юмит Ульви Джаник, бывший юрисконсультант МІТ, сейчас глава Главного управления юридической службы Министерства иностранных дел. Джаник участвовал в скандале 2014 года, связанном с перехватом грузовика с оружием и боеприпасами, которые предположительно предназначались для группировок, связанных с «Аль-Каидой», в Сирии. Будучи представителем МІТ, Джаник пытался помешать обыску грузовика, а позже представлял МІТ в громких судебных процессах²⁷. Был также создан

²⁷ Turkish FM reveals intelligence recruits and discloses ambassador appointments from intelligence agency // NordicMonitor. URL: <https://nordicmonitor.com/2024/11/turkish-fm-reveals-intelligence-recruits-and-discloses-ambassador-appointments-from-intelligence-agency/> (дата обращения 26.05.2026)

новый отдел, основной задачей которого является координация действий между Министерством иностранных дел, Министерством внутренних дел и службами безопасности. В Турции почти половину руководящих должностей сейчас занимают бывшие сотрудники разведки.

* * *

Таким образом, анализ системы управления внешнеполитической деятельностью Турецкой Республики показывает, что это сложная, многоуровневая и постоянно меняющаяся структура. На законодательном уровне система регулируется законом № 6004²⁸ о создании и задачах Министерства иностранных дел, «Красной книгой», Конституцией, а также отдельными указами президента. Помимо Министерства иностранных дел в управлении внешней политикой Турции принимают участие Совет национальной безопасности, Парламент (ВНСТ), Национальная разведывательная организация, Совет по безопасности и внешней политике, Министерство национальной обороны, а также ряд неформальных участников, включающий неправительственные организации и бизнесменов.

Усиление президентской системы после 2017 года привело к реорганизации порядка управления внешней политикой страны. Теперь окончательные решения принимаются главой государства,

а старшие советники президента (назначаемые и неназначаемые) осуществляют консультативные функции. Среди всех организаций лидирующая роль отводится относительно новому Совету по безопасности и внешней политике (Güvenlik ve Dış Politikalar Kurulu), который состоит из лично назначенных Эрдоганом членов.

Результаты исследования позволяют констатировать, что система внешнеполитического управления Турции характеризуется восточным подходом к управлению. Основные решения принимаются не на основе институциональных образований, а в большинстве случаев на личностном уровне президентом и приближёнными к нему людьми.

Тем не менее, турецкая система внешнеполитического управления имеет и черты западной упорядоченности, оформленные в различные институты, которые, как правило, не имеют решающего голоса в принятии внешнеполитических решений, однако, в отличие от большинства государств Востока, они исправно функционируют и время от времени могут быть услышаны руководством государства.

Подобное сочетание неизбежно приводит к хаотичности и усложнению долгосрочного политического прогнозирования внешнеполитических шагов Турецкой Республики, что затрудняет выстраивание двусторонних отношений, в том числе и для России.

²⁸ Dışişleri bakanlığının kuruluş ve görevleri hakkında kanun. URL: <https://resmigazete.gov.tr/eskiler/2010/07/20100713-3.htm> (дата обращения 26.05.2026)

Received: May 15, 2026
Accepted: June 20, 2026

DOI: 10.24833/2782-7062-2026-5-2-10-22
UDC: 327, 321
Political Science / Research article

FOREIGN POLICY MANAGEMENT IN TURKEY

Vladimir A. Avatkov, Head of the Department of the Middle and Post-Soviet East,
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences,
Russia, 117418, Moscow, Nakhimovsky Prospekt, 51/21.
E-mail: v.avatkov@gmail.com

Abstract: The article analyzes the system of foreign policy management in Turkey under the presidential form of government established following the constitutional reforms of 2017. The author emphasizes that the transition to a centralized model has led to the formation of a hybrid decision-making structure that combines formal institutions (the Ministry of Foreign Affairs, the National Security Council, the Grand National Assembly of Turkey, and the National Intelligence Organization [MIT]) with informal networks (presidential advisors, business associations, and religious foundations). The aim of the study is to systematize knowledge about the actors and mechanisms shaping Turkey's foreign policy course. The methodological foundation of the research comprises institutional and systemic-structural analysis, as well as examination of the legal and regulatory framework. The study reveals that the current foreign policy management system exhibits symbiotic features of both Eastern and Western approaches to conducting foreign policy: alongside a centralized «core» of decision-making characteristic of Eastern models, institutional formations typical of Western systems also persist. Ultimately, this combination results in a degree of unpredictability and complicates the forecasting of foreign policy steps taken by the Republic of Turkey.

Keywords: Turkey, foreign policy, governing, institutions, Erdoğan, constitutional reform

Conflicts of interest: the author has no conflicts of interest to declare

Список литературы / References:

- Acar, K. (2020). Turkey: The Rise and Fall of the Influence of the Military in Politics. In *Oxford Encyclopedia of the Military in Politics*. Oxford University Press.
- Alanoğlu, H. (2025). Demokrat parti dönemi türk dış politikası (1950-1960). *Journal of Anglo-Turkish Relations*, 6(2), 59–78.
- Demirkol, Ö. (2006). *Civil society as foreign policy actor: the case of TÜSİAD*. Bülkent University. 130 p.
- Erdağ, R. (2014). Türkiye Dış Politikası: İlkeler, Aktörler, Uygulamalar. *Uluslararası İlişkiler Dergisi*, 10(40), 172–178.
- Sarra, L. & Melouk, A. (2021). Turkish Foreign Policy under the Justice and Development Party (AKP): Between kemalism and Neo-Ottomanism. *Academic Journal of Legal and Political Researchs*, 5, 67–75.
- Avatkov, V. A. & Sbitneva, A. I. (2023). Odin v pole ne voyn: vedushchie ChVK Turtsii [One man is no fighter in the field: Leading private military companies of Turkey]. *Puti k miruibe-zopasnosti*, 2(65), 219–232. (In Russian)

Avatkov, V.A., Sbitneva, A.I. (2022). Partiinaya sistema i politicheskie partii Turetskoi Respubliki [Party system and political parties of the Turkish Republic]. *Grazhdanin. Vybory. Vlast'*, 2(24), 77–90. (In Russian)

Dimitrova, S.V. (2008). Osobennosti celerealizacii v zapadnyh i vostochnykh strategiayah [Features of aims-achieving in western and eastern strategies]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, (3), 25–29. (In Russian)

Velieva, L.E. (2025). Deyatel'nost' turetskogo prosvetitel'skogo Fonda Maarif (na primere stran Tsentral'noi Azii) [Activities of the Turkish educational Maarif Foundation (the case of Central Asian countries)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennye nauki*, 1(858), 27–32. (In Russian)

Литература на русском языке:

Аватков В.А., Сбитнева А.И. (2022). Партийная система и политические партии Турецкой Республики. *Гражданин. Выборы. Власть*. № 2(24). С. 77–90.

Аватков В.А., Сбитнева А.И. (2023). Один в поле не воин: ведущие ЧВК Турции. *Пути к миру и безопасности*. № 2(65). С. 219–232.

Велиева Л.Э. (2025). Деятельность турецкого просветительского Фонда Маариф (на примере стран Центральной Азии). *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки*. № 1 (858). С. 27–32.

Димитрова С.В. (2008). Особенности целереализации в западных и восточных стратегиях. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. № 3. С. 25–29.

Теоретические подходы к устойчивости конкурентных президентских систем на примере Уругвая и Чили

А.Ю. ВАРШАВСКИЙ*

МИД России (Россия)

Аннотация

Статья посвящена анализу основных теоретических подходов к исследованию выживаемости президентских политических систем в современной сравнительной политологии. В центре внимания находится проблема выживаемости демократий в условиях институциональных, социально-экономических и культурных вызовов, проявившихся после третьей волны демократизации. Автор предлагает сосредоточиться на анализе трёх аналитических направлений — институционального, исторического и социокультурного, которые в совокупности формируют целостную исследовательскую рамку для понимания факторов стабильности современных политических систем с избираемым главой исполнительной власти. В качестве сравнительных примеров рассматриваются Уругвай и Чили как одни из наиболее устойчивых конкурентных президентских систем Латинской Америки, где после завершения периодов авторитарного правления были восстановлены выборные институты, сохранена партийная конкуренция и сформированы устойчивые практики коалиционного взаимодействия. Показано, что устойчивость президентских систем определяется качеством их функционирования, характером взаимодействия политических акторов и степенью институционализированности правил политической конкуренции. Особое внимание уделяется роли механизмов ограничения власти, согласованности элитных стратегий и способности политических институтов интегрировать социальные интересы. Во второй части раскрывается историческая перспектива, объясняющая устойчивость через долгосрочные траектории развития, закреплённые ключевыми поворотными моментами. Делается акцент на институциональной памяти и воспроизводстве практик, которые снижают вероятность резких отклонений от сложившегося порядка, но одновременно могут усиливать инерцию и затруднять реформы. Далее анализируются социокультурные объяснения, связывающие устойчивость с уровнем развития, социальным неравенством, политическим участием и ценностными ориентациями. В заключении статьи на основании кейсов Уругвая и Чили делается вывод о том, каким образом устойчивость современных президентских систем формируется через взаимодействие институтов, исторического наследия, социально-экономических условий и социокультурных характеристик политического развития.

* *Варшавский Арсений Юрьевич* – третий секретарь Посольства России в Никарагуа. МИД России.

E-mail: arsenyvarshavsky@gmail.com

Ключевые слова

полиархия, неоинституционализм, исторический институционализм, тропа зависимости, критические развилки, политическая культура, Латинская Америка, Уругвай, Чили

Для цитирования

Варшавский А.Ю. (2026). Теоретические подходы к устойчивости конкурентных президентских на примере Уругвая и Чили. *Управление и политика*. 5(2). С. 23–40. DOI: 10.24833/2782-7062-2026-5-2-23-40

Конфликт интересов

автор заявляет об отсутствии конфликтов интересов

Проблематика условий сохранения политических систем представительного типа на протяжении последних десятилетий занимает одно из ключевых мест в сравнительной политологии. Дискуссия в этой области приобрела более содержательный характер в ходе третьей волны демократизации¹ и продолжилась после её завершения. Это было обусловлено совокупностью проблем устойчивости, с которыми столкнулись государства, вступившие на путь институциональных преобразований, испытывая при этом серьёзные трудности в условиях ускоренной модернизации и формирования стабильных электоральных, социальных и управленческих институтов (Huntington, 1991, p. 30).

В настоящей статье стабильность политического порядка анализируется через взаимодействие формальных и неформальных правил в понимании Д. Норта. К первым относятся законы и конституционные нормы, ко вторым – традиции, обычаи и негласно признанные практики. В совокупности они связаны с уровнем политической культуры и историческим опытом представительного

правления, что позволяет рассматривать их как факторы долговременного воспроизводства системы (North, 1990).

В качестве эмпирических примеров для конкретизации теоретических положений настоящей статьи используются кейсы Уругвая и Чили. Оба государства пережили авторитарные периоды во второй половине XX в., восстановили конкурентные формы правления и сохранили президентскую систему. В каждом случае длительное функционирование конкурентного политического порядка опиралось на разные институциональные траектории. Для Уругвая ключевыми факторами стали фракционная структура партий, переговорные практики и традиция участия оппозиции в принятии решений. Для Чили особое значение имели сильная президентская власть, коалиционная логика партийной конкуренции и поставторитарные механизмы согласования. Сопоставление этих стран позволяет предметно показать, как институциональный, исторический и социокультурный подходы раскрывают разные основания стабильности президентских систем.

¹ По терминологии С.Хантингтона, третья волна демократизации затрагивала период с 1974 по 1991 годов. – прим. автора.

Неоинституциональные подходы анализа стабильности президентских политических систем

Концептуальной отправной точкой в современной дискуссии об устойчивости систем с политическим соперничеством выступает разработанная в середине 1950-х годов Р. Далем и Ч. Линдбломом теория полиархии, которая описывает представительные системы с институционализированной политической конкуренцией (Dahl & Lindblom, 1953). Р. Даль выделяет следующие политические институты полиархического порядка: выборы должностных лиц; свободные, честные, часто проводимые выборы; свобода выражения; альтернативные источники информации; автономия ассоциаций и всеобщие гражданские права (Dahl, 2005). В последующих работах он подчёркивает, что долгосрочная устойчивость конкурентной политической системы определяется их практической эффективностью. Данный подход дополняет О.М. Соловьёв, рассматривая институты как единство организации, норм и отношений (Соловьёв, 2003).

Анализируя политические институты, Г. О’Доннелл обращает внимание на «конституциональную структуру полиархии», включающую как постоянные механизмы власти в виде парламента и судов, так и периодические, например, выборы (O’Donnell, 1994, p. 5). Такая структура задаёт границы участия акторов, регулирует их взаимодействие с социальными группами и формируют механизмы представительства. Через правила и процедуры они закрепляют предсказуемые модели поведения между участниками политического процесса и агрегируют интересы, обеспечивая долгосрочную устойчивость политического порядка (O’Donnell, 1994, p. 7). Эти характеристики лежат в основе

концепции либерально-конституционного устройства, ориентированного на ограничение исполнительной власти через разделение властей и систему сдержек и противовесов (Mechkova & Lührmann, 2017).

Целесообразно отметить, что с начала демократических переходов в президентских системах Латинской Америки в 1980-1990-е гг. в сравнительной политологии сохраняется устойчивый интерес к конфигурациям, способствующим консолидации соревновательных систем. В литературе подчёркивается значение транзитов, основанных на межэлитных соглашениях и сопровождаемых реформированием политических правил (Karl, 1990). Количественные исследования показывают, что согласие ключевых акторов и институционализация партийных, законодательных и судебных структур являются важными условиями стабильности в посттранзитный период (Guo & Stradiotto, 2014; Lowenthal & Bitar, 2015; Elster et al., 2018).

В современных работах уделяется внимание связи между устойчивостью демократических систем, поведением акторов и качеством электоральных процессов. Рассматривая президентские системы Латинской Америки,

С. Мэйнуоринг и А. Перес-Линьян обращают внимание на значение устойчивых демократических предпочтений элит и регионального контекста (Mainwaring & Pérez-Liñan, 2013, p. 13). В схожей логике выделяется конструктивная роль оппозиционных партий и институционализированной конкуренции в снижении конфликтности и упорядочении соперничающих интересов участников политического процесса (Svolik, 2015; Hicken, 2020). Дополнительное значение имеет «конституционный консенсус», при котором граждане и элиты признают легитимность существующих процедур (Pevnick, 2024). В этом отношении

Г. Мунк указывает на полиархию как «необходимый минимум демократии» (Munck, 2010).

Одно из центральных мест в формировании поведения политических акторов в демократических системах играют электоральные институты. А. Пшеворский указывает, что выборы поддерживают ожидание возможности институционализированных перемен (Przeworski, 2019). Устойчивость полиархий также прямо коррелирует с конкурентными электоральными процедурами, автономией государственных институтов и координированным взаимодействием элит и граждан (Freidenberg, 2024, p. 31). В трактовке

В. Меркеля и А. Люрманн стабильность означает способность системы, институтов и её участников воспроизводить демократический порядок в условиях внутренних и внешних вызовов (Merkel & Lührmann, 2021, p. 6). Легитимность институтов, таким образом, формируется через достижение заявленных целей, соответствие культурным нормам и установленным пределам политической власти (March & Olsen, 2005, p. 16).

Неоинституциональный подход показывает, что устойчивость президентских систем зависит от взаимодействия легально-правовых институтов, неформальных норм и установок элит и граждан. В логике С. Левитски и Д. Зиблатта стабильность демократических систем обеспечивается сочетанием конституционных ограничений и неписаных правил политического поведения (Levitsky and Ziblatt, 2018, p. 13).

Исторический подход к анализу стабильности президентских полиархий

Междисциплинарный характер политической науки, сформировавшийся в 1960-1970-х гг., послужил основой

развития «нового институционализма» (неоинституционализма), в рамках которого институты рассматриваются как совокупность формальных и неформальных правил, укоренённых в социальном взаимодействии, культуре и историческом контексте (Meyer & Rowan, 1977; DiMaggio & Powell, 1991). На основании работ Б. Мура, С. Хантингтона, Т. Скочпол и Ч. Тилли исторический институционализм получил самостоятельное оформление как направление, изучающее факторы, определяющие траектории социально-политических изменений (Moore, 1966; Huntington, 1968; Skocpol, 1979; Tilly, 1994). Метод сравнительного исторического анализа сохраняет широкое применение в исследованиях устойчивости демократий.

Исторический институционализм трактует эволюцию политических систем как непрерывный процесс, в рамках которого изменение укоренённых институтов происходит постепенно. Стабильность такого порядка обеспечивается сочетанием формальных и неформальных ограничений, организованных в иерархические структуры, трансформация которых сопряжена с более высокими издержками, чем их сохранение (North, 1990, p. 22).

Формирование институционального порядка инициируется критическими развилками, представляющими собой переломные моменты, сопровождающиеся радикальными изменениями в управленческих структурах и доминирующих установках. Такие события создают условия для выбора новой траектории развития, в рамках которой институты адаптируются и эволюционируют (Collier and Collier, 2002; Thelen, 1999; Munck, 2022; Carroccia, 2016, p. 3).

В политологическом сообществе сложился консенсус относительно того, что критические развилки приводят

к долгосрочным изменениям, воспроизводимым после утраты первоначальными факторами своего непосредственного воздействия (Scully, 1992; Roberts, 2014; Munck, 2022, p. 9). Они являются «критическими» именно потому, что задают институциональные траектории, изменение которых впоследствии оказывается крайне затруднённым (Mahoney, 2001; Pierson, 2004).

В результате формируется тропа зависимости, определяющая дальнейшую динамику через адаптацию акторов к установленным институциональным рамкам. Прошлые решения и события ограничивают спектр будущих политических и социальных изменений (Thelen, 2000; Pierson, 2004; Carroccia & Kelemen, 2007.; Патцельт, 2012; Bernhard, 2015). С точки зрения автора настоящей статьи, сопоставление концепций «критической развилки» и «тропы зависимости» позволяет утверждать, что ключевые переломные события задают направление институционального развития политической системы, тогда как её долговременная устойчивость обеспечивается механизмами воспроизводства выбранной траектории. При этом, как отмечают Дж. Капоччия и А. Соренсен, часть трансформаций происходит постепенно и не имеет чётко фиксированной исходной точки (Carroccia, 2016, p. 2; Sorensen, 2022).

Устойчивость институциональных траекторий в рамках тропы зависимости обеспечивается двумя ключевыми механизмами: возрастающей отдачей и реактивной последовательностью. Возрастающая отдача описывает процесс самоусиления (*self-reinforcing process*), при котором первоначальный институциональный выбор закрепляется и со временем делает альтернативные траектории развития экономически и политически затратными. В результате события,

произошедшие в конкретный исторический момент, приобретают определяющее значение для долгосрочной динамики развития государства (Thelen, 1999, p. 392; Pierson, 2004).

Реактивная последовательность представляет собой иной механизм тропы зависимости и характеризуется цепочкой событий, чаще всего конфликтного характера, которые воспринимаются как неизбежные и формируют новую траекторию развития политической системы (Mahoney, 2000: 509; Pierson, 2004; Arestis & Sawyer, 2009). Она включает эпизоды обратного действия (*backlash processes*), радикально трансформирующие первоначальные институциональные установки. Каждое последующее событие в такой последовательности одновременно является реакцией на предшествующие процессы и источником дальнейших изменений (Beyer, 2010; Martin & Sunley, 2010; Munck, 2016, p. 19).

По мере развития государственной организации в рамках выбранной траектории происходит укоренение самоподдерживающихся процессов, проявляющееся в политической мобилизации, институционализации правил и формировании устойчивых ценностных ориентаций. Данный процесс соотносится с понятием исторической обусловленности А. Стинчкомба, согласно которому прошлые процессы продолжают воспроизводиться после исчезновения первоначальных условий (Stinchcombe, 1968). Анализ институциональной динамики в длительной перспективе позволяет выявлять устойчивые причинно-следственные связи. П. Пирсон и Т. Скочпол подчёркивают, что долгосрочные институциональные эффекты следует рассматривать как побочные результаты социальных процессов, а не как прямое следствие целерационального поведения акторов. В более поздних исследованиях акцент делается

на роли политических акторов в формировании направлений институционального развития (Pierson & Skocpol, 2002, p. 14).

Устойчивость соревновательных политий во многом зависит от демократической традиции, при этом её развитие шире логики тропы зависимости. Д. Коллер и Дж. Мунк предлагают концепцию институционального наследия, понимаемого как совокупность самовоспроизводящихся последствий критических развилок (Collier & Munck, 2017). Такие последствия сохраняются благодаря действию механизмов воспроизводства (mechanisms of reproduction). Современные работы связывают наследственную природу конкурентных систем с реактивными последовательностями, создающими эффекты, превосходящие возможные отклонения институционального развития.

А. Перес-Линьян и С. Мэйнуоринг развивают эту линию через концепцию «наследия режима», которая акцентирует влияние исторического прошлого на текущее качество демократии и возможность институционального восстановления после авторитаризма (Pérez-Liñán and Mainwaring, 2013). Их выводы показывают, что наличие демократического наследия является ключевым фактором качества демократии после третьей волны демократизации. В качестве примера исследователи приводят Уругвай и Чили², где сохранение партийной системы и независимой судебной власти сыграло решающую роль в восстановлении

демократических институтов, подтверждая значение институциональной памяти и преемственности для долгосрочной устойчивости политической системы.

Социокультурные подходы к анализу стабильности президентских полиархий

Классическим вкладом в изучение устойчивости систем с институционализированным политическим соперничеством является работа С.М. Липсета, в которой стабильность связывается с экономическим развитием (Lipset, 1959). Липсет выделяет благосостояние, индустриализацию, урбанизацию и образование как факторы сохранения выборно-соревновательной политики, подчёркивая особую роль образования в расширении политического участия и легитимации институтов (Lipset, 1959, p. 75).

Модель Липсета стала предметом дискуссий, прежде всего в части связи между экономическим развитием и устойчивостью демократии. В исследованиях подчёркивается, что экономическое развитие скорее способствует выживанию установившихся демократий, чем их формированию (Przeworski and Limongi, 1997, p.4). Инклюзивные институты, в свою очередь, могут предшествовать экономическому росту и становлению устойчивых форм политического соперничества (Acemoglu, Johnson et al., 2008, p. 832).

Этот тезис развивается в работах, посвящённых социально-экономическим факторам устойчивости. В частности,

² В Уругвае в 1973-1985 гг. действовал гражданско-военный авторитарный режим, характеризовавшийся роспуском парламента, ограничением политических прав и существенным усилением роли вооружённых сил в управлении государством. В Чили в 1973-1990 гг. установилась военная диктатура во главе с А. Пиночетом, основанная на персоналистском военном правлении, приостановке действия демократических институтов, систематических репрессиях и глубокой институциональной трансформации политической системы. – *прим. автора.*

высокий уровень образования и доходов положительно связан с выживаемостью выборно-соревновательных политий, тогда как наличие обратной зависимости не подтверждается (Murtin & Wacziarg, 2014). Для президентских стран Латинской Америки особое значение придаётся качеству образовательных систем, влияющих на функционирование институтов и гражданскую вовлечённость (Boulding C. E. & Nelson-Nuñez, 2014; Rød E. G., Knutsen, 2020).

Другое направление исследований связывает устойчивость с перераспределением доходов и снижением издержек для элит (Boix & Stokes, 2003). В этой логике институты представительства могут сохраняться даже при высоком уровне неравенства, если обеспечивают предсказуемость политического процесса и защиту ключевых элитных интересов. Чрезмерное социальное расслоение при этом способно ослаблять легитимность, снижая доверие граждан к эффективности политического участия (Ansell & Samuels, 2018).

В то же время теория дистрибутивного конфликта как объяснение устойчивости институтов подвергается эмпирической критике. Исследования с применением метода каузального анализа (causal process observation) показывают ограниченность объяснительной силы показателей социального неравенства в долгосрочной перспективе, указывая на необходимость учитывания качества институтов, общественной вовлечённости и международного контекста (Haggard & Kaufman, 2012).

Несмотря на это, теория модернизации продолжает занимать важное место в дискуссиях об устойчивости полиархий. В рамках условной теории модернизации (*conditional modernization theory*) экономическое развитие рассматривается как фактор, формирующий благоприятную

среду для устойчивости демократии (Treisman, 2020). Рост благосостояния расширяет средний класс, доступ к образованию и распространение ценностей самовыражения. На устойчивость институтов оказывает влияние также совокупное развитие институциональной и социальной среды, включая образование, здравоохранение, урбанизацию, технологическое развитие и административный потенциал (Rød E. G., Knutsen C. H., Negr, 2020). В этой логике доходы выступают важным, но не определяющим фактором устойчивости.

Социально-экономические условия устойчивости систем тесно связаны с политической культурой и демократическими ценностями. Начало изучения данной взаимосвязи было положено Г. Алмондом и С. Вербой, которые рассматривали политическую культуру как совокупность устойчивых ориентаций граждан и подчёркивали, что демократия нуждается в ценностном и поведенческом основании (Almond & Verba, 1963). Культура, поддерживающая гражданскую активность, плюрализм и толерантность, выступает условием легитимности и устойчивости полиархий.

Эти идеи получили развитие в работах Р. Инглхарта и К. Вельцеля, которые связывают устойчивость либеральной демократии с доминированием ценностей самовыражения (Inglehart & Welzel, 2005). В интерпретации

А. Морлино политическая культура отражает систему установок и убеждений, влияющих на восприятие политических институтов и роли граждан в политическом процессе (Morlino et al., 2004). Массовое распространение гражданских ценностей способствует институционализации демократии, однако их формирование ограничивается в условиях низкой социальной и политической защищённости (Inglehart & Welzel, 2005:

173; Gorodnichenko & Roland, 2015; Ruck, Matthews & Atkinson, 2020).

Современные исследования фиксируют положительную связь культурных установок с инновационной активностью, качеством управления и антикоррупционной политикой. Экономическое развитие расширяет ресурсы граждан и спектр их политических действий (Williams & McGuire, 2010; Kumar, Giridhar & Sadarangani, 2019; Dangelico, Fraccascia & Nastasi, 2020; Čábelková & Strielkowski, 2013; Kluch & Vaux, 2017). При этом С. Далум и К. Х. Нутсен не подтверждают прямого влияния ценностей самовыражения на устойчивость политической системы (Dalum & Knutsen, 2016).

Влияние ценностей самовыражения также трактуется опосредованно, через уровень развития политических институтов. В рамках институционального подхода демократия рассматривается как система конкурентного участия, где ключевыми параметрами выступают политическое участие и конкуренция, что подчёркивается в работах Т. Ванханена (Vanhanen, 2019). Статистический анализ показывает, что увеличение доли малых партий положительно коррелирует с устойчивостью выборно-соревновательных политических систем (Norris, 2011; Møller & Skaaning, 2014).

Сравнительный анализ устойчивости президентских систем Уругвая и Чили

После рассмотрения основных теоретических подходов, видится целесообразным обратиться к примерам Уругвая и Чили в качестве двух особых случаев устойчивых конкурентных президентских систем Латинской Америки. Оба государства прошли через авторитарные периоды, восстановили выборные институты и сохранили многопартийную

конкуренцию (Pérez-Liñán & Mainwaring, 2013). Их сопоставление примечательно тем, что стабильность в каждом случае складывалась через разное сочетание президентских полномочий, партийной организации, исторической преемственности, социально-экономических условий и политической культуры.

В Уругвае институциональная устойчивость президентской системы связана с сочетанием значимых полномочий главы государства и высокой фракционной организованности партий. Президент обладает заметными инструментами влияния в сфере законодательной инициативы, бюджета, вето, назначения министров и срочного рассмотрения законопроектов. При этом партийные секторы сохраняют автономию, а парламентское согласование остаётся необходимым условием проведения политической программы (Chasquetti & Buquet, 2004).

Уругвайская партийная система исторически строилась вокруг двух традиционных партий – Партии Колорадо (Partido Colorado) и Национальной партии (Partido Nacional, Blanco), возникших в XIX в. и постепенно превратившихся в широкие политические объединения с устойчивыми внутренними фракциями (Buquet, 2016). В этой связи применительно к Уругваю важно учитывать особый тип партийной организации, при котором коалиционность проявляется внутри самих партий. В современной партийно-политической системе страны особое место занимает коалиция «Широкий фронт» (Frente Amplio), представляющая собой объединение левых и левоцентристских сил, каждая из которых являет собой отдельную партийную структуру (Buquet, Chasquetti & Moraes, 1998; Варшавский, 2019).

В Чили институциональный баланс складывался на иной основе. Президент обладает значительной

повесткообразующей ролью, бюджетной инициативой и инструментами определения приоритетности рассмотрения законопроектов (Alemán & Navia, 2009). Отсутствие у главы государства права роспуска Национального конгресса усиливает значение парламентского согласования и делает поддержку союзников необходимым условием реализации правительственного курса (Siavelis, 2016). После восстановления демократии в 1989 г. чилийская партийная конкуренция была организована вокруг крупных коалиционных блоков. Объединение левых и левоцентристских партий «Консертасьон» (Concertación de Partidos por la Democracia) стало главной демократической силой поставленного периода. Правоцентристская коалиция «Альянса» (Alianza por Chile) сформировала второй полюс новой партийной системы. Тем не менее длительное доминирование «Консертасьон» с 1990 по 2010 гг. показало, что устойчивость чилийского президентства обеспечивалась не только полномочиями главы государства, но и способностью межпартийных блоков поддерживать парламентское согласование на протяжении нескольких электоральных циклов (Alemán & Navia, 2009; Siavelis, 2016; Alemán, Cabezas & Calvo, 2021).

Институциональный опыт Уругвая и Чили показывает, что устойчивость систем с сильными конституционными президентскими полномочиями может обеспечиваться за счёт развитой партийной организации и регулярных механизмов парламентского согласования. выполняют фракционная структура партий, автономия внутренних секторов и переговорные практики. В Чили сходную роль играют межпартийные коалиции, обеспечивающие парламентскую поддержку президентской повестки. В обоих случаях стабильность президентской системы поддерживается регулярным

согласованием интересов между главой государства, партиями и парламентскими фракциями.

Историческая траектория Уругвая демонстрирует значение раннего формирования партийных идентичностей для устойчивости президентской системы. «Колорадо» постепенно закреплялась как сила, связанная с Монтевидео, городскими слоями, секулярной повесткой и централизованным пониманием государственной власти. «Бланко» опиралась на сельские департаменты, местные элиты и традицию территориальной автономии. Во второй половине XIX в. это противостояние сохраняло конфликтный характер, поскольку Колорадо чаще контролировала центральную власть, тогда как Бланко добивалась участия в управлении через давление региональных сил и вооружённые выступления. Пакт апреля 1872 г. стал результатом такого конфликта и закрепил институт территориального соправления (*coparticipación*), при котором представители «Бланко» получили управление рядом департаментов и были включены в политический процесс (Buquet & Moraes, 2018). Конституция 1918 г. институционализировала элементы дуалистической исполнительной власти и стала важным этапом балансирования между основными партийными силами (Buquet & Moraes, 2018). Коллегиальные формы управления и система двойного одновременного голоса, позволявшая партиям выдвигать несколько списков кандидатов от разных фракций, укрепили практики распределения влияния, внутрипартийной фракционности и межпартийного согласования (Chasquetti & Buquet, 2004; Buquet, 2016). В результате партии постепенно превратились в сложные организационные структуры, где внутренняя конкуренция сочеталась с устойчивыми правилами представительства (Buquet, 2016).

Во второй половине XX в. устойчивость уругвайской партийной системы проявилась в её способности интегрировать новые политические силы. Экономические трудности модели импортозамещения, рост социальной мобилизации и усиление левых настроений ослабили способность «Колорадо» и «Бланко» представлять расширявшийся спектр общественных интересов. На этом фоне в 1971 г. возникла партия «Широкий фронт», объединившая в себе широкий спектр представителей левых и левоцентристских движений. Победа «Широкого фронта» на выборах 2004 г., последовавшая за его возвращением в легальное политическое пространство после диктатуры, показала, что уругвайская партийная система сохранила способность к институциональной интеграции новых политических сил (Vuquet & Piñeiro, 2016). В этом отношении уругвайский опыт демонстрирует, что устойчивость президентской полиархии зависит от исторической преемственности партий и их способности адаптироваться к социальным изменениям.

Чилийская партийная система формировалась через последовательное наложение нескольких линий политического конфликта. Первоначально устойчивые партии возникли вокруг размежевания между клерикальными и секулярными силами, связанного с ролью церкви в государстве и общественной жизни (Scully, 1992). В первой половине XX в. этот раскол был дополнен социально-классовыми противоречиями, связанными с ростом профсоюзов, массовой политики и идеологических движений. Конституция 1925 г. закрепила президентскую

республику с прямыми выборами главы государства и отделением церкви от государства, создав институциональную основу для дальнейшего развития партийной конкуренции (Valenzuela, 1999). К середине прошлого столетия в партийной системе страны укрепились христианско-демократическое, социалистическое, коммунистическое, радикальное, либеральное и консервативное направления, выражавшие разные социальные группы и политические программы (Scully, 1992). Партийная конкуренция в Чили, таким образом, приобрела устойчивую социальную и идеологическую основу, что усиливало организационную прочность партийной системы (Luna, 2024).

Военный переворот 1973 г. стал травматической развилкой для чилийского политического развития. После плебисцита 1988 г. и восстановления конкурентного электорально-выборного порядка партийная система была реорганизована вокруг раскола «демократия – авторитаризм» (Варшавский, 2025). На этой основе «Консертасьон» объединила левоцентристские и центристские силы, выступавшие за демократический переход через институциональные процедуры. «Альянса» консолидировала правые партии, включая силы, связанные с либерально-консервативной повесткой поставторитарного периода. В результате политическая конкуренция после восстановления демократии стала развиваться преимущественно через два крупных блока, которые структурировали парламентскую поддержку президента и распределение ответственности в системе управления (Siavelis, 2016). Биноминальная избирательная система³,

³ Биноминальная система, введённая в Чили в 1989 г., предусматривала выборы в 60 двухмандатных округах. Мандаты обычно распределялись между двумя крупнейшими списками, что стимулировало укрупнение коалиций и ограничивало шансы независимых кандидатов и малых партий. – прим. автора.

введённая в 1989 г., институционально закрепила такую конфигурацию, ограничив фрагментацию и побуждая партии к участию в широких коалициях (Gamboa & Morales, 2016). Избирательная реформа 2015 г.⁴ изменила стимулы представительства и расширила пространство для малых партий, сохранив коалиционное согласование как важное условие президентско-парламентского взаимодействия (Gamboa & Morales, 2016; Alemán, Cabezas & Calvo, 2021).

Социокультурные и социально-экономические условия формировали разные основания устойчивости президентских систем Уругвая и Чили. В Уругвае партийная конкуренция развивалась в среде длительного секуляризма, гражданского образования и публичных дебатов. Эти условия укрепляли устоявшуюся традицию переводить политический конфликт в парламентские, внутрипартийные и переговорные процедуры (Caetano, 2016). Приход «Широкого фронта» к власти в 2004 г. показал способность партийной системы включать левую повестку в существующие правила конкуренции. Социальные реформы 2000-2010-х гг. усилили связь между политическим представительством, социальной инклюзией и доверием к институтам (Buquet & Piñeiro, 2016). В уругвайском случае устойчивость президентской полиархии поддерживалась политической культурой, ориентированной на признание общих правил и согласование интересов.

В Чили общественные основания устойчивости складывались в условиях экономической модернизации и коалиционного управления после восстановления демократии. Экономический рост

и межпартийные соглашения обеспечивали предсказуемость политического процесса и поддерживали институциональную стабильность (Siavelis, 2016). В последующие десятилетия снижение партийной идентификации, сохранявшееся социальное неравенство и протестная мобилизация после 2019 г. выявили разрыв между устойчивостью институтов и ожиданиями значительной части общества (Luna, 2024; De la Cerda, 2022). Чилийский случай показывает, что долгосрочная устойчивость президентской системы требует обновления каналов представительства, через которые партии и коалиции реагируют на запросы о перераспределении, участии и пересмотре сложившихся правил политического посредничества.

Сравнение Уругвая и Чили показывает, что устойчивость конкурентного президентства формируется через постоянные каналы согласования между сильной исполнительной властью, партиями и парламентом. В Уругвае такую стабильность обеспечивают фракционная организация партий, практики межпартийных договорённостей и политическая культура компромисса, сложившаяся через историческое включение оппозиции. В Чили её поддерживают коалиционное президентство, институциональная память поставторитарного перехода и электоральные правила, ориентировавшие партии на блоковую конкуренцию. Оба случая демонстрируют, что президентская система сохраняет стабильность, когда историческая преемственность, партийное представительство и социальные запросы получают институциональное выражение в предсказуемых

⁴ Реформа 2015 г. заменила 60 двухмандатных округов на 28 многомандатных, увеличила число депутатов со 120 до 155 и сенаторов с 38 до 50. Это повысило пропорциональность представительства и расширило возможности малых партий. – *прим. автора.*

процедурах политического посредничества. В этой связи Уругвай и Чили выступают в качестве наглядных примеров для анализа президентских систем, где сильная исполнительная власть действует в условиях многопартийности, парламентского представительства и развитых механизмов согласования интересов.

Выводы

В настоящей статье была рассмотрена эволюция и текущее состояние теоретических дискуссий, посвящённых анализу устойчивости полиархических политических систем. Сопоставление неинституциональных, историко-институциональных и социокультурных подходов позволяет выявить многомерный характер данного феномена и отказаться от редукционистских объяснений.

С позиций неинституционализма устойчивость полиархии определяется степенью институционализации формальных правил и устойчивостью неформальных норм, регулирующих поведение политических акторов и обеспечивающих воспроизводство процедур политической конкуренции. Исторический институционализм акцентирует внимание на критических развилках и траекториях развития, подчёркивая роль институциональной памяти и преемственности в долгосрочной стабилизации политических систем. Концепция институционального наследия дополняет данный подход, показывая, что элементы прошлых политических порядков могут выполнять стабилизирующую функцию в процессе восстановления демократических институтов.

Социокультурный подход позволяет выйти за рамки формально-институционального анализа и выявить роль политической культуры и ценностных ориентаций граждан как внутреннего ресурса устойчивости. В совокупности представ-

ленные теоретические рамки демонстрируют, что устойчивость полиархических систем формируется во взаимодействии институциональных структур, исторических траекторий и социокультурных факторов, а её поддержание зависит от способности политической системы адаптироваться к изменениям, сохраняя базовые принципы участия, конкуренции и подотчётности власти.

Проведённый анализ показывает, что устойчивость президентских полиархий формируется через взаимодействие институциональных правил, исторической преемственности и социокультурных условий. Сопоставление неинституциональной, историко-институциональной и социокультурной перспектив позволяет рассматривать устойчивость конкурентного политического порядка как результат совокупного влияния формальных институтов, неформальных норм, партийных структур и общественного признания политических процедур. В качестве эмпирического продолжения рассмотренных теоретических оснований используются примеры двух наиболее стабильных латиноамериканских президентских систем – Уругвая и Чили, где устойчивость президентских систем формировалась через разные сочетания институтов, партийной конкуренции и политической культуры.

Неинституциональная перспектива выявляет значение правил, процедур и норм, регулирующих поведение политических акторов и поддерживающих воспроизводство политической конкуренции. Исторический институционализм показывает роль критических развилки, институциональной памяти и наследия прошлых политических порядков в долгосрочной стабилизации системы. Социокультурный подход раскрывает значение политической культуры, социально-экономических условий и общественного признания конкурентных процедур.

Синтез этих подходов показывает, что устойчивость полиархии зависит от способности политической системы адаптироваться к изменениям при сохранении базовых принципов участия, конкуренции и подотчётности власти.

Пример Уругвая примечателен тем, что подтверждает значение институционализированной партийной конкуренции, исторической преемственности и политической культуры согласования для устойчивости президентской полиархии. В этом случае фракционность, межпартийные договорённости и включение новых политических сил выступают механизмами адаптации системы к социальным изменениям. Опыт Уругвая показывает, что сильная исполнительная власть может сохранять устойчивость в условиях развитых партийных структур, признанных процедур представительства и высокой готовности акторов к компромиссу.

Чилийский кейс раскрывает устойчивость президентской полиархии через способность коалиционной архитектуры удерживать политическую конкуренцию в управляемых институциональных

рамках. Центральное значение здесь имеет согласование президентской повестки с парламентской поддержкой, опирающееся на межпартийные блоки и институциональную память переходного периода. Такой механизм обеспечивал предсказуемость правительственного курса, распределение ответственности и сохранение управляемости в условиях сильного президентства. В долгосрочной перспективе опыт Чили показывает, что стабильность конкурентной системы требует регулярного обновления каналов представительства, через которые партии и коалиции реагируют на изменение социальных ожиданий и сохраняют доверие к процедурам политического согласования.

Рассмотренные подходы показывают, что устойчивость конкурентного президентства целесообразно анализировать через связь формальных полномочий, партийных структур и норм политического согласования. В такой перспективе стабильность выступает процессом, в котором управляемость, представительство и подотчётность власти поддерживаются в условиях меняющихся социальных ожиданий.

Received: September 16, 2026

Accepted: January 19, 2026

DOI: 10.24833/2782-7062-2026-5-2-23-40

UDC: 321

Political Science / Research article

THEORETICAL APPROACHES TO THE STABILITY OF COMPETITIVE PRESIDENTIAL SYSTEMS: THE CASES OF URUGUAY AND CHILE

Arseny Yu. Varshavsky, Third Secretary of the Embassy of Russia to Nicaragua.
Ministry of Foreign Affairs of Russia.
E-mail: arsenyvarshavsky@gmail.com

Abstract: This article examines the main theoretical approaches to the study of the stability of presidential political systems in contemporary comparative political science. The analysis centers on the problem of democratic survival in the context of institutional, socio-economic, and cultural challenges that have become particularly salient in the aftermath of the third wave of democratization. The author proposes concentrating on three analytical perspectives—institutional, historical, and sociocultural—which together form an integrated research framework for understanding the factors of stability in contemporary political systems with an elected head of the executive branch. Uruguay and Chile are examined as comparative examples of some of the most stable competitive presidential systems in Latin America, where, after the end of authoritarian rule, electoral institutions were restored, party competition was preserved, and stable practices of coalition interaction were established. The article shows that the stability of presidential democracies is determined by the quality of their functioning, the nature of interaction among political actors, and the degree of institutionalization of the rules of political competition. Particular attention is paid to the role of mechanisms that limit power, the coherence of elite strategies, and the capacity of political institutions to integrate social interests.

The second part examines the historical perspective, which explains stability through long-term trajectories of development shaped by key turning points. It emphasizes institutional memory and the reproduction of practices that reduce the likelihood of abrupt deviations from the established order, while also potentially reinforcing inertia and complicating reform. The third part analyzes sociocultural explanations that link stability to levels of development, social inequality, political participation, and value orientations. The conclusion, based on the cases of Uruguay and Chile, shows how the stability of contemporary presidential systems is formed through the interaction of institutions, historical legacies, socioeconomic conditions, and the sociocultural characteristics of political development.

Keywords: polyarchy, neo-institutionalism, historical institutionalism, path dependence, critical junctures, political culture, Latin America, Chile, Uruguay

Conflicts of interest: the author has no conflicts of interest to declare

Список литературы / References:

- Acemoglu, D., Johnson, S., Robinson, J. A., Yared, P. (2008). Income and democracy. *American Economic Review*, 98 (3), 808–842. DOI: 10.1257/aer.98.3.808
- Alemán, E., & Navia, P. (2009). Institutions and the legislative success of 'strong' presidents: An analysis of government bills in Chile. *The Journal of Legislative Studies*, 15(4), 401–419. DOI: 10.1080/13572330903302471
- Alemán, E., Cabezas, J. M., & Calvo, E. (2021). Coalition Incentives and Party Bias in Chile. *Electoral Studies*, 72, Article 102362. DOI: 10.1016/j.electstud.2021.102362
- Almond, G. A. & Verba, S. (1963). *The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations*, Princeton University Press, 574 p.
- Ansell, B. W., & Samuels, D. J. (2018). Why Inequality Not Undermine Democracy. *Cambridge University Press*, 1–46.
- Arestis, P. & Sawyer, M. (Eds.) (2009). *Path Dependency and Macroeconomics*, Palgrave Macmillan, 261 P.
- Bermeo, N. (2016). On democratic backsliding. *Journal of Democracy*, 27 (1), 5–19. DOI: 10.1353/jod.2016.0012
- Bernard, M. (2015). Chronic Instability and the Limits of Path Dependence. *Perspectives on Politics*, 13 (4), 976–991. DOI: 10.1017/S1537592715002261
- Beyer, J. (2010). The Same or Not the Same. On the Variety of Mechanisms of Path Dependence. *International Journal of Social Sciences*, 5 (1), 1–11.
- Boix, C., & Stokes, S. C. (2003). Endogenous democratization. *World Politics*, 55 (4), 517–549. DOI: 10.1353/wp.2003.0019
- Boulding, C. E. & Nelson-Nuñez, J. (2014). Civil Society and Support for the Political System in Times of Crisis. *Latin American Research Review*, 49 (1), 128–154. DOI: 10.1353/lar.2014.0015

Buquet, D., & Moraes, J. A. (2018). Construyendo un Equilibrio Democrático: La Reforma Constitucional de Uruguay en 1917. *Revista Uruguaya de Ciencia Política*, 27(1), 19–39. DOI: <https://doi.org/10.26851/rucp.27.1>

Buquet, D., & Piñeiro, R. (2016). The Quest for Good Governance: Uruguay's Shift from Clientelism. *Journal of Democracy*, 27(1), 139–151. DOI: 10.1353/jod.2016.0008

Buquet, D., Chasquetti, D., & Moraes, J. A. (1998). *Fragmentación Política y Gobierno en Uruguay: ¿Un Enfermo Imaginario?* Instituto de Ciencia Política, Facultad de Ciencias Sociales, Universidad de la República.

Čábelková, I., Strielkowski, W. (2013). Is the Level of Taxation a Product of Culture? A Cultural Economics Approach. *Society and Economy*. 35 (4), 513–529. DOI: 10.1556/soc.2013.0007

Capoccia, G. (2016) When Do Institutions “Bite”? Historical Institutionalism and the Politics of Institutional Change. *Comparative Political Studies*. 49 (8), 1–33. DOI: 10.1177/0010414015626449

Capoccia, G., & Kelemen, R. D. (2007). The study of critical junctures: Theory, narrative, and counterfactuals in historical institutionalism. *World Politics*, 59 (3), 341–369. DOI: 10.1177/0043887100020852

Chasquetti, D., & Buquet, D. (2004). La Democracia en Uruguay: Una Partidocracia de Consenso. *Política*, 42, 221–247.

Collier, D. & Munck, G. L. (2017). Building Blocks and Methodological Challenges: A Framework for Critical Junctures. *Qualitative & Multi-Method Research*. 15 (1), 2–9.

Collier, R. B., & Collier, D. (2002). *Shaping the political arena: Critical junctures, the labor movement, and regime dynamics in Latin America* (2nd ed.). University of Notre Dame Press, 122 P.

Dahl, R. A. (2005). *On democracy* (2nd ed.). Yale University Press, 557 P.

Dahl, R. A., & Lindblom, C. E. (1953). *Politics, economics, and welfare: Planning and politico-economic systems resolved into basic social processes*. Harper & Brothers, 557 P.

Dalum, S. & Knutsen, C. H. (2016). Democracy by Demand? Reinvestigating the Effect of Self-Expression Values on Political Regime Type. *British Journal of Political Science*. 47 (2), 437–461. DOI: 10.1017/S0007123415000447

Dangelico, R. M., Fraccascia, L., Nastasi, A. (2020). National Culture's Influence on Environmental Performance of Countries: A Study of Direct and Indirect Effects. *Sustainable Development*. 28 (6), 1773–1786. DOI: 10.1002/sd.2123

De la Cerda, N. (2022). Unstable Identities: The Decline of Partisanship in Contemporary Chile. *Journal of Politics in Latin America*, 14(1), 3–30. DOI: 10.1177/1866802X211069378

De la Cerda, N. (2022). Unstable Identities: The Decline of Partisanship in Contemporary Chile. *Journal of Politics in Latin America*, 14(1), 3–30. DOI: 10.1177/1866802X211069378

DiMaggio, P. J., & Powell, W. W. (1991). Introduction. In W. W. Powell & P. J. DiMaggio (Eds.), *The new institutionalism in organizational analysis* (pp. 1–38). University of Chicago Press.

Elster, J., Gargarella, R., Naresh, V., & Rasch, B. E. (2018). *Constitution-making and transitions to democracy*. Cambridge University Press.

Freidenberg, F. (2024). Democracy in Latin America: Between Backsliding and Resilience. *Athena – Critical Inquiries in Law, Philosophy and Globalization*. 4 (1), 68–109. DOI: 10.6092/issn.2724-6299/19152

Gorodnichenko, Y., & Roland, G. (2015). Culture, institutions, and democratization. *Review of Economics and Statistics*, 97 (2), 492–506. DOI: 10.1162/REST_a_00473

Guo, S., & Stradiotto, G. A. (2014). *Democratic transitions: Modes and outcomes*. Routledge, 138 P.

Haggard, S., & Kaufman, R. R. (2012). Inequality and regime change: Democratic transitions and the stability of democratic rule. *American Political Science Review*, 106 (3), 495–516. DOI: 10.1017/S0003055412000287

Hicken, A. (2020). *The Role of Political Parties in Making Democracy Work*. V-Dem Institute. Briefing Paper #3.

Huntington, S. P. (1968). *Political order in changing societies*. Yale University Press, 499 P.

- Huntington, S. P. (1991). Democracy's Third Wave. *Journal of Democracy*. 2 (2), 12-34. DOI: 10.1353/jod.1991.0016
- Inglehart, R., & Welzel, C. (2005). Modernization, cultural change, and democracy: The human development sequence. Cambridge University Press, 344 P.
- Karl, T. L. (1990). Dilemmas of democratization in Latin America. *Comparative Politics*, 23 (1), 1-21. DOI: 10.2307/422302
- Kluch, S. P., Vaux, A. (2017). Culture and Terrorism: The Role of Cultural Factors in Worldwide Terrorism (1970–2013). *Terrorism and Political Violence*. 29 (2), 323-341. DOI: 10.1080/09546553.2015.1038523
- Kumar, S., Giridhar, V., Sadarangani, P. (2019). A Cross-National Study of Environmental Performance and Culture: Implications of the Findings and Strategies. *Global Business Review*. 20 (4), 1051–1068. DOI: 10.1177/0972150919845260
- Levitsky, S. and Ziblatt, D. (2018). *How Democracies Die*. Penguin Random House, 320 P.
- Lipset, S. M. (1959). Some social requisites of democracy: Economic development and political legitimacy. *American Political Science Review*, 53 (1), 69-105. DOI: 10.2307/1951731
- Lowenthal, A. F. & Bitar, S. (2015). *Democratic Transitions: Conversations with World Leaders*. Johns Hopkins University Press, 488 P.
- Luna, J. P. Disjointed Polarization in Chile's Enduring Crisis of Representation (2024). *Latin American Politics and Society*. 67 (3), 1-3. DOI 10.1017/lap.2024.19
- Mahoney, J. (2000). Path dependence in historical sociology. *Theory and Society*. 29 (4), 507-548. DOI: 10.1023/A:1007113830879
- Mahoney, J. (2001). *The legacies of liberalism: Path dependence and political regimes in Central America*. Johns Hopkins University Press, 416 P..
- Mainwaring, S. & Pérez-Liñan, A. (2013). Democratic Breakdown and Survival. *Journal of Democracy*. 24 (2), 123-137. DOI: 10.1353/jod.2013.0037
- March, J. G. & Olsen, J. P. (2005). Elaborating the "New Institutionalism". *ARENA Working Papers*. 11, 1-28. DOI: 10.1093/oxfordhpb/9780199548460.003.0001
- Martin, R., & Sunley, P. (2010). *The place of path dependence in an evolutionary perspective on the economic landscape*. In R. Boschma & R. Martin (Eds.), *The handbook of evolutionary economic geography* (pp. 62–92). Edward Elgar.
- Mechkova, V., Lührmann, A. & Lindberg, S. I. (2017). How much democratic backsliding? *Journal of Democracy*. 28 (4), 162–169. DOI: 10.1353/JOD.2017.0075
- Merkel, W. and Lührmann, A. (2021). Resilience of democracies: responses to illiberal and authoritarian challenges. *Democratization*. 28 (5), 869-DOI: 10.1080/13510347.2021.1928081 884
- Meyer, J. W., & Rowan, B. (1977). Institutionalized organizations: Formal structure as myth and ceremony. *American Journal of Sociology*, 83 (2), 340-363.
- Møller, J. & Skaaning, S. (2014). *The Rule of Law: Definitions, Measures, Patterns and Causes*. Palgrave Macmillan, 2014, 210 p.
- Moore, B. (1966). Social origins of dictatorship and democracy: Lord and peasant in the making of the modern world. Beacon Press, 586 p.
- Morlino L. (2004). The Quality of Democracy: An Overview. *Journal of Democracy*. 15 (4), 20-31. DOI: 10.1353/jod.2004.0060
- Munck, G. L. (2010). Los Orígenes y la Durabilidad de la Democracia en América Latina: Avances y Retos de una Agenda de Investigación. *Revista de Ciencia Política*. 30 (3), 573-597.
- Munck, G. L. (2022). *The Theoretical Foundations of Critical Juncture Research: Critique and Reconstruction* / Collier D. and Munck G. L. (eds.) *Critical Junctures and Historical Legacies: Insights and Methods for Comparative Social Science*. – Lanham, MD: Rowman & Littlefield.
- Murtin, F., & Wacziarg, R. (2014). The democratic transition. *Journal of Economic Growth*. 19 (2), 141–181. DOI: 10.1007/s10887-013-9100-6
- Norris, P. (2011). *Democratic deficit: Critical citizens revisited*. Cambridge University Press.

- North, D. C. (1990). *Institutions, institutional change and economic performance*. Cambridge University Press, 159 p.
- O'Donnell, G. (1994). Delegative democracy. *Journal of Democracy*. 5 (1), 55-69. DOI: 10.1353/jod.1994.0010
- Pérez-Liñán, A. and Mainwaring, S. (2013). Regime Legacies and Levels of Democracy: Evidence from Latin America. *Comparative Politics*. 45 (4), 379-397. DOI: 10.5129/001041513X13815259182785
- Pevnick, R. (2024). Democratic Stability and Backsliding. *Political Philosophy*. 1 (2), 514-544. DOI: 10.16995/pp.17029
- Pierson, P. (2004). *Politics in time: History, institutions, and social analysis*. Princeton University Press, 208 p.
- Pierson, P., & Skocpol, T. (2002). *Historical institutionalism in contemporary political science*. In I. Katznelson & H. V. Milner (Eds.), *Political science: The state of the discipline* (pp. 693–721). W. W. Norton.
- Przeworski, A. (2019). *Crises of democracy*. Cambridge University Press, 239 p. DOI: 10.1017/9781108671019
- Przeworski, A., & Limongi, F. (1997). Modernization: Theories and facts. *World Politics*. 49 (2), 155–183. DOI: 10.1353/wp.1997.0004
- Rød E. G., Knutsen C.H., Hegre H. (2020). The Determinants of Democracy: A Sensitivity Analysis. *Public Choice*. 185 (2), 87–111. DOI: 10.1007/s11127-019-00742-z
- Ruck, D. J., Matthews, L. J., & Atkinson, Q. D. (2020). The cultural foundations of modern democracies. *Nature Human Behavior*. 4 (3), 265–269. DOI: 10.1038/s41562-019-0769-1
- Scully, T. R. (1992). *Rethinking the Center: Party Politics in Nineteenth and Twentieth Century Chile*. Stanford University Press.
- Siavelis, P. M. (2016). Crisis of Representation in Chile? The Institutional Connection. *Journal of Politics in Latin America*, 8(3), 61–93. DOI: 10.1177/1866802X1600800303
- Skocpol, T. (1979). *States and social revolutions: A comparative analysis of France, Russia, and China*. Cambridge University Press, 407 P.
- Somer, M., McCoy, J., & Luke, A. (2021). Pernicious polarization and democratic backsliding. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 681 (1), 69–90. DOI: 10.1177/0002716218818781
- Sorensen, A. (2022). Taking critical junctures seriously: theory and method for causal analysis of rapid institutional change. *Planning Perspectives*. 38 (5), 929–947. DOI: 10.1080/02665433.2022.2137840
- Stinchcombe, A. L. (1968). *Constructing social theories*. Harcourt, Brace & World, 320 p..
- Svolik, M. W. (2015). Which democracies will last? The article. *Journal of Democracy*. 26 (4), 17–30. DOI: 10.1353/jod.2015.0065
- Thelen, K. (1999). Historical institutionalism in comparative politics. *Annual Review of Political Science*. 2, 369–404. DOI: 10.1146/annurev.polisci.2.1.369
- Thelen, K. (2000). Timing and temporality in the analysis of institutional evolution and change. *Studies in American Political Development*. 14 (1), 101–108. DOI: 10.1017/S0898588X00003011
- Tilly C. (1994). *Coercion, Capital, and European States, AD 990–1992*. Blackwell, 271 p.
- Treisman, D. (2020). Economic development and democracy: Predispositions and triggers. *Annual Review of Political Science*. 23 (1), 241–257. DOI: 10.1146/annurev-polisci-050718-043546
- Valenzuela, A. (1999). Chile: Origin and Consolidation of a Latin American Democracy. In L. Diamond, J. Hartlyn, J. J. Linz, & S. M. Lipset (Eds.), *Democracy in Developing Countries: Latin America* (2nd ed., pp. 191–247). Lynne Rienner Publishers.
- Vanhanen, T. (2004). *Democratization: A comparative analysis of 170 countries*. Routledge. DOI: 10.4324/9780203614501
- Williams, L. K. & McGuire, S. J. (2010). Economic Creativity and Innovation Implementation: The Entrepreneurial Drivers of Growth? Evidence from 63 Countries. *Small Business Economics*. 34 (4), 391–412. DOI: 10.1007/s11187-008-9145-7

Patzelt, V. (2012). Evolutsiya institutov, morfologiya i uroki istorii. Mozhno li izvlekat uroki iz istorii? *Politicheskaya nauka*, 3, 50–70. (In Russian)

Solovyov, O. M. (2003). *Politicheskie instituti*, SPbGU, 145 P. (In Russian)

Varshavsky, A. Y. (2019). Institutsional'nye osnovy vnutripartiinykh koalitsii v prezidentskikh sistemakh: primer Urugvaya. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya*, 21(4), 673–686. doi: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-673-686 (In Russian)

Varshavsky, A. Y. (2025). Peremenchivaya ustoichivost': vseobshchie vybory v Chili kak institutsional'noe otrazhenie demokraticeskikh traditsii. *Sravnitel'naya politika*, 16(1), 89–111. DOI: 10.46272/2221-3279-2025-1-16-5 (In Russian)

Литература на русском языке:

Варшавский, А. Ю. (2019). Институциональные основы внутрипартийных коалиций в президентских системах: пример Уругвая. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*, 21(4), 673–686. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-673-686

Варшавский, А. Ю. (2025). Переменчивая устойчивость: всеобщие выборы в Чили как институциональное отражение демократических традиций. *Сравнительная политика*, 16(1), 89–111. DOI: 10.46272/2221-3279-2025-1-16-5

Патцельт, В. (2012). Эволюция институтов, морфология и уроки истории. Можно ли извлекать уроки из истории? *Политическая наука*, (3), 50–70.

Соловьёв О. М. *Политические институты*. Изд-во СПбГУ, 2003. 145 с.

Переосмысление концепции Глобального Юга в официальном внешнеполитическом дискурсе КНР (2013-2025 г.)

ШЭНЬ ДАЙЮЙ*

Институт Китая и современной Азии РАН (Россия)

Аннотация

Статья посвящена анализу трансформации концепции «Глобальный Юг» во внешнеполитическом дискурсе Китайской Народной Республики в 2013–2025 гг. Цель исследования – выявить механизмы формирования, институционализации и функциональной эволюции данного понятия в китайской дипломатической терминологии. На основе конструктивистского подхода и дискурсивного анализа официальных документов МИД КНР, правительственных заявлений и материалов агентства «Синьхуа» прослеживаются два этапа: семантическое накопление (2013–2022) и концептуализация с последующей институционализацией (с 2023 г.). Делается вывод, что «Глобальный Юг» трансформировался из описательной категории развития в стратегический политический конструкт, отражающий идентичность Китая и его роль в реформировании глобального управления.

Ключевые слова

Глобальный Юг, внешняя политика КНР, сотрудничество Юг–Юг, многополярность, институционализация

Для цитирования

Шэнь Дайюй (2026). Переосмысление концепции Глобального Юга в официальном внешнеполитическом дискурсе КНР (2013–2025 г.). *Управление и политика*. 5(2). С. 41–50. DOI: 10.24833/2782-7062-2026-5-2-41-50

Конфликт интересов

автор заявляет об отсутствии конфликтов интересов

* Шэнь Дайюй – аспирант, Институт Китая и современной Азии, РАН, Россия, Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32.
E-mail: sd-yu@rambler.ru

На фоне глубокой трансформации нынешней международной системы и ускоренной реструктуризации глобальной структуры управления, международная структура власти и формирование глобальной повестки дня претерпевают значительные изменения. С момента окончания холодной войны однополярная структура, долгое время доминировавшая в международном порядке, ослабевает, и тенденция к многополярности непрерывно усиливается. Это структурное изменение стало одним из ключевых вопросов современной теории международных отношений (Ikenberry, 2011). В то же время отмечается укрепление стран Глобального Юга в мировой экономической системе и международных отношениях, а доля развивающихся экономик в мировой экономике продолжает расти. Их коллективный потенциал действий по таким вопросам, как управление климатом, финансирование развития и институциональные реформы, постоянно повышается (Achaarya, 2014). В докладе Конференции ООН по торговле и развитию также отмечается, что вес развивающихся стран в глобальной экономической структуре меняет модель международного экономического управления (United Nations Conference, 2023). На этом фоне «Глобальный Юг» постепенно становится важным понятием, обладающим высокой символической значимостью и стратегической направленностью в международном политическом контексте.

В этом историческом процессе Китай не только участвовал в качестве ключевого актора Глобального Юга, но и постепенно стал значимым сторонником и формирователем дискурса, связанного с этой концепцией. (王金强, 黄梅波, 2025). Постоянное присутствие темы «Глобального Юга» в официальном

дипломатическом дискурсе Китая свидетельствует о его трансформации из технического термина классификации экономического развития в политическую конструкцию, имеющую значение для формирования идентичности и стратегической интеграции. На фоне реструктуризации вопросов многостороннего управления, расширения механизма БРИКС и ускоренного процесса глобального институционального перебалансирования эта концепция постепенно укоренилась во внешнеполитической стратегической риторике Китая, став важным дискурсивным инструментом для интерпретации изменений глобального порядка. В связи с этим систематическое отслеживание пути формирования и процесса институционализации «Глобального Юга» в официальном дипломатическом дискурсе Китая с точки зрения построения дискурса имеет важное теоретическое и практическое значение.

Цель данной работы – систематическое изучение механизма формирования концепции и пути институционализации понятия «Глобальный Юг» в официальном дипломатическом дискурсе Китая с точки зрения дискурсивного анализа и конструктивистской теории (Wendt, 1999). Основное внимание будет уделено ценностной основе этой концепции на этапе семантического наполнения, его дальнейшей трансформации под влиянием международных политических условий и эволюции от концепции развития и классификации к стратегическому политическому конструкту, выполняющему функции формирования идентичности и институционального руководства.

Для достижения вышеуказанных целей данная работа ставит перед собой следующие конкретные задачи: во-первых, проследить поэтапную эволюцию понятия «Глобальный Юг» в рамках официальной системы дискурса Китая и определить

узлы его семантической трансформации; во-вторых, проанализировать семантическую связь и функциональное разделение труда между смежными понятиями (такими как «сотрудничество Юг-Юг» и «развивающиеся страны») и «Глобальным Югом» на разных этапах; и в-третьих, выявить функциональную трансформацию этого понятия на этапе институционализации и роль в процессе реформирования институтов многостороннего взаимодействия.

Основными источниками данных для данной работы являются политические документы, выступления лидеров и стенограммы пресс-конференций, опубликованные на официальном сайте Министерства иностранных дел Китая в период 2013–2025 гг.; «белые книги» и программные заявления, размещенные на официальном портале Государственного совета КНР за тот же период. Эти тексты обладают высокой институциональной репрезентативностью и политическим авторитетом, систематически отражая стратегическую позицию Китая, обеспечивая надежную базу данных для анализа эволюции концепции.

В данной статье предпринята попытка построить аналитическую основу для объяснения возникновения, эволюции и институционализации концепции «Глобального Юга» в контексте китайской дипломатии, что позволяет сформировать концептуальную основу для понимания роли Китая и его дискурсивной стратегии в процессах трансформации системы глобального управления.

Теоретические основы и методы исследования

Теоретико-методологическую основу данной работы составляют конструктивистская теория международных отношений и анализ политического дискурса.

Согласно конструктивистскому подходу, национальная идентичность и интересы не predetermined, а непрерывно конструируются и воспроизводятся во взаимодействии и дискурсивной практике (Wendt, 1999). Поэтому «Глобальный Юг» – это не только описательная классификация объективных уровней экономического развития, но и политически значимый инструмент конструирования идентичности и стратегическая нарративная структура. С этой точки зрения, в данной работе «Глобальный Юг» рассматривается как важный дискурсивный конструкт для позиционирования идентичности Китая и институциональных инициатив в специфической международной среде. Это понимание в значительной степени перекликается с акцентом Николаса Онуфа на конструктивной роли «речевых актов» в формировании правил и социальной реальности (Onuf, 1989). Кроме того, важными теоретическими ориентирами для данной работы являются российские академические интерпретации конструктивизма в области международного дискурса и политики идентичности, например, исследования А.П. Цыганкова о взаимодействии национальной идентичности и внешней политики (Цыганков, 2008).

В методологическом плане в данной работе используется исследовательский подход, сочетающий качественный анализ текста с поэтапным анализом эволюции дискурса. Сначала систематически извлекаются политические документы, речи лидеров, стенограммы пресс-конференций и официальные пресс-релизы, опубликованные на авторитетных платформах, таких как официальный сайт Министерства иностранных дел Китая, сайт правительства Китая и информационное агентство Синьхуа. Затем отбираются, классифицируются и систематизируются тексты, содержащие ключевые слова, такие как «сотрудничество

Юг-Юг», «развивающиеся страны» и «глобальный Юг», за период с 2013 по 2025 год.

Этап 1: Семантическое накопление и функциональное сотрудничество (2013-2022)

2013 год ознаменовал официальное вступление Си Цзиньпина на пост Председателя КНР и переход под его непосредственное руководство дипломатической стратегии Китая, в рамках которой была предложена инициатива «Один пояс, один путь». С тех пор китайская дипломатическая стратегия постепенно сместилась от политики «сдержанности» к более активному участию в глобальном управлении и формировании институтов (Yan, 2014).

В течение длительного периода с 2013 по 2022 год термин «Глобальный Юг» еще не закрепился в официальном китайском дипломатическом дискурсе. Систематический поиск соответствующих текстов на веб-сайте Министерства иностранных дел, веб-сайте китайского правительства и информационном агентстве Синьхуа показывает, что термин «Глобальный Юг» практически полностью отсутствовал в официальных дипломатических текстах за последнее десятилетие. Однако это отсутствие на терминологическом уровне не отменяло существования соответствующего семантического пространства. Напротив, риторика, связанная с сотрудничеством с развивающимися странами, характеризовалась устойчивой тенденцией к расширению, хотя дискурс

в основном ограничивался такими понятиями, как «сотрудничество Юг-Юг», «развивающиеся страны» и «общее развитие».

На этом этапе «сотрудничество Юг-Юг» стало ключевой концептуальной основой дискурса. В двусторонних переговорах, на заседаниях ООН или при участии в механизме БРИКС и инициативе «Один пояс, один путь», «сотрудничество Юг-Юг» неоднократно упоминалось и постепенно трансформировалось в устойчивую дискурсивную формулу¹. В официальных дипломатических документах данный концепт раскрывался объяснялась преимущественно в контексте вопросов развития, с акцентом на конкретные области, такие как торговля, строительство инфраструктуры, сотрудничество в области производственных мощностей, финансовая поддержка и проекты по сокращению бедности. Логика сотрудничества подчеркивала реальные потребности развития и прагматичные политические механизмы, а структурно-смысловое ядро дискурса выстраивалось вокруг механизмов и проектов, но не на макроуровневом формировании общей идентичности или институциональных альянсов.

Речь президента Си Цзиньпина на Саммите ООН по развитию в 2015 году представляет собой репрезентативный пример официального дискурса этого периода². В речи четко определено, что сотрудничество Юг-Юг представляет собой важный путь содействия сокращению бедности, индустриализации и устойчивому развитию в развивающихся странах, подчеркивался принцип взаимовыгодного

¹ Министерство иностранных дел КНР. Китайско-эфиопские отношения: образец превосходного сотрудничества Юг-Юг. Пекин, 2015. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/wjzbzhd/201412/t20141201_351254.shtml (дата обращения: 14.02.2026); 10.

² Министерство иностранных дел КНР. Си Цзиньпин выступает с речью за круглым столом по сотрудничеству Юг-Юг. Нью-Йорк, 2015. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/zyxw/201509/t20150927_334723.shtml (дата обращения: 15.02.2026)

сотрудничества, а также объявлялось о создании специального фонда развития и программы помощи. В этом контексте отношения сотрудничества представлялись скорее как политические инструменты для содействия экономическому росту и социальному развитию, а не как концепция идентичности, имеющая большое значение для политической интеграции. Такая ориентированная на развитие дискурсивная логика оставалась относительно устойчивой в период с 2013 по 2022 год.

Анализ текстов с точки зрения дискурсивной структуры выявляет четкую функциональную характеристику их выражения. Дипломатические документы часто фокусируются на конкретных результатах сотрудничества и институциональных механизмах, подчеркивая эффективность сотрудничества, масштабы инвестиций и количество проектов, акцентируя внимание на практическом аспекте и уровне реализации политики. Одновременно с этим аксиологический базис опирался на концепции развития, такие как «общее развитие», «справедливость и законность» и «инклюзивный рост», однако данные понятия были подчинены решению экономических задач и не формировали единого политического концепта с четко выраженной идентичностью. Иными словами, артикуляция своей идентичности присутствует в текстах, но носит периферийный характер в дискурсе о развитии.

Примечательно, что в этот период Китай неоднократно подчеркивал свою идентичность как «крупнейшая развивающаяся страна» на многочисленных международных мероприятиях. Такое самопозиционирование укрепило структурную связь между Китаем и подавляющим большинством развивающихся стран

и сформировало потенциальное чувство общности на когнитивном уровне (Zhao, 2018).

В более широком смысле этот этап совпал с развитием инициативы «Один пояс, один путь», углублением механизма БРИКС и продолжающимся ростом глобальных проблем развития. На практике Китай постоянно расширял масштабы сотрудничества со странами Азии, Африки и Латинской Америки, и сеть сотрудничества постепенно приобрела тенденцию к масштабированию и институционализации (Prakash, 2015). Однако официальный дискурс в этот период придерживался относительно осторожного подхода, подчеркивая открытость, инклюзивность и взаимную выгоду и не определяя международный порядок посредством новой структурно-ориентированной концепции.

Таким образом, период с 2013 по 2022 год можно рассматривать как типичную фазу семантического накопления. В этот период происходило содержательное углубление концепции развития, расширялась практика сотрудничества, при этом происходило формирование аксиологической основы.

С конструктивистской точки зрения, формирование концепций часто требует долгосрочного семантического фундамента и процесса построения идентичности. Прежде чем понятие «Глобальный Юг» официально вошло в официальные тексты, китайский дипломатический дискурс создавал нарративную основу для поддержки политических выражений более высокого уровня, неоднократно подчеркивая сотрудничество Юг-Юг и солидарность между развивающимися странами. На данном этапе происходило теоретическое накопление содержательной основы лаконичной и стратегически ориентированной концепции.

Этап 2: Концептуализация и институционализация (с 2023 года по настоящее время)

Если рассматривать период с 2013 по 2022 год как подготовительный этап для семантического накопления и функционального сотрудничества, то июль 2023 года стал дискурсивным поворотным моментом, так как термин «Глобальный Юг» впервые закрепился в официальном дискурсе Министерства иностранных дел. Этот ранее отсутствовавший термин начал обретать институциональное выражение и быстро трансформировался в одно из ключевых понятий в дипломатическом нарративе Китая. Это изменение – не просто терминологическая замена, а качественный сдвиг на уровне дискурсивной структуры. В отчетах о соответствующей дипломатической деятельности, опубликованных в июле 2023 года, «Глобальный Юг» впервые был помещен в международный политический контекст³. В отличие от предыдущих дискуссий о «сотрудничестве Юг-Юг», которые больше фокусировались на вопросах развития, в этом тексте «Глобальный Юг» выходит за рамки экономического партнерства и представлен как политическое образование с целостной платформой. Данный концепт тесно связан с такой проблематикой, как реформирование институтов глобального управления, трансформация многостороннего порядка, а также международной

справедливости и законности. Такая дискурсивная формула знаменует собой значительный сдвиг в функции концепции: от описания механизмов развития к выражению политики идентичности и институционального позиционирования.

По сравнению с первым этапом, тексты, начиная с 2023 года, демонстрируют более четкую структурную интеграцию. Термин «Глобальный Юг» стал использоваться для концептуализации общей ситуации и стремлений развивающихся стран в рамках глобальной системы и был напрямую связан с вопросом реформы международного порядка в условиях многосторонней дипломатии. Само понятие перестало быть инструментом развития, а постепенно стало важным дискурсивным инструментом для объяснения изменений в глобальной структуре управления. На этом этапе «Глобальный Юг» был наделен четкой политической символикой, и его семантическое значение вышло за рамки развития.

В начале второй половины 2024 года частота упоминания «Глобального Юга» на сайте Министерства иностранных дел и в отчетах о дипломатической деятельности значительно возросла. В многочисленных отчетах о многосторонних встречах и мероприятиях высокого уровня концепция неоднократно подчеркивалась и связывалась с расширением БРИКС, реформой глобальной системы управления и модернизацией сотрудничества Юг-Юг⁴. На текстуальном уровне концепт

³ Министерство иностранных дел КНР. Ван И выдвинул четыре предложения по укреплению сотрудничества между странами «Глобального Юга». Йоханнесбург, 2023. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/wjzbzhd/202307/t20230726_11117824.shtml (дата обращения: 18.02.2026)

⁴ Министерство иностранных дел КНР. Ван И: Совместное освещение «южного момента» глобального управления. Пекин, 2024. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/wjzbzhd/202403/t20240307_11254974.shtml (дата обращения: 17.02.2026); Министерство иностранных дел КНР. Ван И принял участие в тематическом мероприятии, посвященном запуску инициатив глобального развития «Глобальные инициативы развития в поддержку стран Глобального Юга – Китай в действии». Пекин, 2024. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/wjzbzhd/202412/t20241218_11496456.shtml (дата обращения: 17.02.2026); Министерство иностранных дел КНР.

«Глобальный Юг» перестал играть вспомогательную роль и постепенно превратился в центральную ось официального нарратива. В отличие от положений первого этапа, которые были сосредоточены на конкретных проектах сотрудничества, соответствующие тексты 2024 года уделяли больше внимания глобальным структурным вопросам, подчеркнув права развивающихся стран на представительство и институциональное участие в международной системе.

Этот сдвиг указывает на то, что концепция не только получила широкое распространение, но и начала приобретать структурную интегративную функцию. Она объединяет ранее разрозненные выражения, такие как «развивающаяся страна», «солидарность Юг-Юг» и «справедливость и законность» в более символическую общую структуру. Благодаря этой интеграции китайский дипломатический дискурс претерпел трансформацию на аксиологическом уровне: от самопозиционирования как «крупнейшей развивающейся страны» к выражению своей роли как «важного члена и конструктивной силы Глобального Юга». Идентичность перестала быть просто описанием стадии развития и стала политическим субъектом в контексте нарратива об институциональных реформах.

Эта тенденция получила дальнейшее развитие в дипломатических текстах 2025 года. В новых отчетах о дипломатической

деятельности «Глобальный Юг» интерпретировался в более широком контексте международной структуры, его появление тесно связано с реструктуризацией глобального порядка, продвижением глобальных инициатив в области развития и углублением механизмов многостороннего сотрудничества⁵. Такое использование термина демонстрирует, что концепт получил институциональное оформление и закрепился в официальном дискурсе. По сравнению с первоначальным относительно сдержанным позиционированием в 2023 году, в текстах 2025 г. концепт приобретает смысловое наполнение и геополитическую направленность.

С точки зрения эволюции дискурса, наиболее значимой характеристикой этого этапа является окончательная консолидация идентичности «Глобального Юга». Функциональные выражения, окружающие «сотрудничество Юг-Юг», которые существовали уже давно, после 2023 года были реинтегрированы в более структурно ориентированную концепцию. Декларируемые ранее принципы экономического сотрудничества, вопросы развития и императивы справедливости не утратили своей актуальности и были интегрированы на более высоком уровне в структуру новой дискурсивной рамки.

Данная тенденция тесно связана с изменениями в международной системе. В условиях ускоряющейся тенденции к многополярности, фрагментации

Ван И: Объединение стран глобального Юга для достижения самодостаточности и солидарности. Пекин, 2024. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/wjzbzhd/202412/t20241218_11496914.shtml (дата обращения: 17.02.2026)

⁵ Министерство иностранных дел КНР. Ван И говорит о замечательном развитии стран Глобального Юга: «Ветер поднимается с юга, прилив приходит с юга». Пекин, 2025. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/wjzbzhd/202503/t20250307_11570120.shtml (дата обращения: 18.02.2026); Министерство иностранных дел КНР. Ван И: Мы должны активно реагировать на требования глобального Юга и совершенствовать архитектуру глобального управления. Пекин, 2025. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/wjzbzhd/202510/t20251027_11741237.shtml (дата обращения: 18.02.2026)

вопросов глобального управления и растущего влияния новых механизмов Китая необходима ключевая концепция в его дипломатическом нарративе, которая могла бы интегрировать идентичность развивающейся страны с его требованиями институциональных реформ. В этом контексте «Глобальный Юг» получил институциональное пространство (Stuenkel, 2016). Сохраняя семантическую основу сотрудничества в области развития, концепт одновременно укрепляет структурное политическое выражение, что позволяет Китаю более лаконично излагать свои позиции и инициативы в условиях многосторонней дипломатии.

Выводы

Систематический дискурс-анализ официального сайта Министерства иностранных дел Китая и соответствующих авторитетных текстов за период с 2013 по 2025 год показывает, что появление понятия «Глобальный Юг» в официальном дипломатическом дискурсе Китая не было линейным процессом, а ознаменовалось структурным сдвигом от семантического накопления к концептуальной конкретизации.

В период с 2013 по 2022 год, хотя термин «Глобальный Юг» еще не вошел в формальную систему дипломатических текстов, устойчивая структура, сосредоточенная вокруг таких ключевых слов, как «сотрудничество Юг-Юг», «развивающиеся страны», «общее развитие» и «справедливость и законность», заложила прочную семантическую основу для последующего формирования концепции. В этот период акцент в дипломатическом нарративе Китая был сделан в основном на функциональном сотрудничестве, подчеркивая экономическое развитие, меры по сокращению бедности и институциональную согласованность, укрепляя

практические связи с развивающимися странами посредством конкретных проектов и механизмов. Осознание идентичности не отсутствовало в текстах, но было слабо интегрировано в нарратив развития, еще не будучи объединено единой политической концепцией.

В июле 2023 года термин «Глобальный Юг» впервые официально вошел в текстовую систему официального сайта Министерства иностранных дел, что ознаменовало значительный сдвиг в структуре дискурса. Ранее накопленные семантические ресурсы были реинтегрированы в новый международный контекст, и это понятие стало использоваться для абстрактного выражения идентичности и институциональных нарративов. В отличие от функционального выражения первого этапа, сосредоточенного на вопросах развития, второй этап помещает «Глобальный Юг» в макроконтекст реструктуризации глобального управления и реформы многостороннего порядка, постепенно трансформируя его в концептуальную основу с целостной политической ориентацией. После 2024 года частотность использования термина существенно возросла, и он занял устойчивое место в институтах многосторонней дипломатии, в том числе благодаря расширению механизма БРИКС. К 2025 году его семантические границы и политические функции были дополнительно уточнены, что свидетельствовало о том, что концепция завершила свою трансформацию от предварительного использования к рутинному выражению.

С конструктивистской точки зрения, этот эволюционный процесс отражает типичный механизм формирования идентичности: долгосрочное практическое взаимодействие и выражение ценностей формируют семантический каркас, в то время как официальное закрепление концепта знаменует завершение процесса

конструирования идентичности (Wendt, 1999). Отсутствие понятия и высокая частотность его употребления обладают одинаковой значимостью. Первое свидетельствует о процессе накопления семантических ресурсов, а второе характеризует этап институционализации стратегического выражения. В этом процессе «Глобальный Юг» не только стал общим термином для партнеров по сотрудничеству, но стал общим аксиологическим базисом для объяснения изменений в международной структуре управления

и выражения требований по реформированию международных институтов. Опираясь на преемственность парадигмы развития, сформированную в период «сотрудничества Юг-Юг» концепт зафиксировал переход идентичности на качественно новый уровень в новой международной среде. Благодаря этой концепции китайский дипломатический дискурс претерпел трансформацию от функциональной модели сотрудничества к выраженной политике идентичности.

Received: March 27, 2026

Accepted: June 17, 2026

DOI: 10.24833/2782-7062-2026-5-2-41-50

UDC: 327

International Politics / Research article

RETHINKING THE CONCEPT OF THE "GLOBAL SOUTH" IN CHINA'S FOREIGN POLICY (2013-2025)

Shen Daiyu, Postgraduate Student, Institute of China and Contemporary Asia
of the Russian Academy of Sciences,
Russia, 117997, Moscow, Nakhimovsky Prospekt, 32.
E-mail: sd-yu@rambler.ru

Abstract: This article analyzes the transformation of the concept of the "Global South" in the foreign policy discourse of the People's Republic of China from 2013 to 2025. The aim of the study is to identify the mechanisms of formation, institutionalization, and functional evolution of this concept in Chinese diplomatic terminology. Based on a constructivist approach and a discursive analysis of official documents of the PRC Ministry of Foreign Affairs, government statements, and Xinhua News Agency materials, two stages are traced: semantic accumulation (2013–2022) and conceptualization followed by institutionalization (since 2023). It is concluded that the "Global South" has transformed from a descriptive development category into a strategic political construct reflecting China's identity and its role in reforming global governance.

Keywords: Global South, China's foreign policy, South–South cooperation, multipolarity, institutionalization

Conflicts of interest: the author has no conflicts of interest to declare

Список литературы / References:

Acharya, A. (2014). *The End of American World Order*. Cambridge: Polity Press.

Ikenberry, G. J. (2011). *Liberal Leviathan: The Origins, Crisis, and Transformation of the American World Order*. Princeton: Princeton University Press.

Onuf, N. G. (1989). *World of Our Making: Rules and Rule in Social Theory and International Relations*. Columbia: University of South Carolina Press.

Prakash, B. S. (2015). Book review. Stuenkel, Oliver. The BRICS and the Future of Global Order. *Indian Foreign Affairs Journal*, 10(2), 187–190.

Stuenkel, Oliver. (2016). *Post-Western World: How Emerging Powers Are Remaking Global Order*. Polity Press.

United Nations Conference on Trade and Development. (2023). *Trade and Development Report 2023: Growth, Debt and Climate*. New York; Geneva: United Nations.

Wendt, A. (1999). *Social Theory of International Politics*. Cambridge: Cambridge University Press.

Yan, Xuetong. (2014) From Keeping a Low Profile to Striving for Achievement. *The Chinese Journal of International Politics*, 7(2), 153–184. DOI: 10.1093/cjip/pou027

Zhao, Suisheng. (2018). A Revisionist Stakeholder: China and the Post-World War II World Order. *Journal of Contemporary China*, 27(113), 643–658. DOI: 10.1080/10670564.2018.1458029

王金强, 黄梅波. 西方“全球南方”话语构建与中国的理论超越. *东北亚论坛*. 2025. 3. DOI: 10.13654/j.cnki.naf.2025.03.001

Tsygankov, A. P. (2008). *Vneshnyaya politika Rossii ot Gorbachova do Putina: formirovaniye natsional'noy identichnosti* [Russia's Foreign Policy from Gorbachev to Putin: Formation of National Identity]. Moscow: Nauchnaya kniga.

Литература на русском языке:

Цыганков А. П. (2008). *Внешняя политика России от Горбачёва до Путина: формирование национальной идентичности*. М.: Научная книга.

Политика стран БРИКС по защите цифрового суверенитета в контексте преодоления вызовов цифрового неоколониализма

Н.В. СИДОРЕНКО*

МГИМО МИД России (Россия)

В.А. ДМИТРИЕВА**

МГИМО МИД России (Россия)

М.И. САВЧЕНКОВА***

МГИМО МИД России (Россия)

Аннотация

Статья посвящена анализу феномена цифрового неоколониализма и проблематике обеспечения цифрового суверенитета государств в условиях трансформации глобального цифрового пространства. Концепция цифрового суверенитета в последние годы набирает популярность в мировых общественно-политических кругах: так, вопросы цифрового суверенитета поднимаются на надгосударственном (ЕС, Всемирный экономический форум) и государственном (например, Канада) уровнях. Страны БРИКС не отстают от этой тенденции: в каждой стране на текущем этапе реализуются инициативы по усилению государственного цифрового суверенитета, закрепленные в государственном регулировании. Некоторые исследователи связывают это с возрастающим «колониализмом данных» транснациональных цифровых корпораций, использующих данные населения стран в обмен на услуги (в некоторых статьях феномен получил название цифрового неоколониализма). В рамках исследования ставятся следующие задачи: во-первых, конкретизировать понятия «цифровой суверенитет» на основе современных отечественных и зарубежных академических подходов; во-вторых, провести сравнительный анализ институциональных, нормативно-правовых и стратегических основ политики стран-членов объединения БРИКС в сфере защиты цифрового суверенитета; в-третьих, сформулировать и обосновать сценарий развития сотрудничества стран БРИКС по вопросам защиты цифрового суверенитета в контексте международных вызовов

* **Сидоренко Наталья Валерьевна** – кандидат политических наук, преподаватель кафедры мировых политических процессов, Факультет управления и политики, МГИМО МИД России, 119454, Москва, проспект Вернадского 76.

E-mail: nataly.sidorenko@bk.ru

** **Дмитриева Валентина Андреевна** – кандидат политических наук, МГИМО МИД России, 119454, Москва, проспект Вернадского 76.

E-mail: dmitrieva.v.a@my.mgimo.ru

*** **Савченкова Мария Игоревна** – аналитик Проектного офиса Минобрнауки России на базе МГИМО, магистрант, Управление магистерской подготовки, МГИМО МИД России 119454, Москва, проспект Вернадского 76.

E-mail: savchenkova.maria@mail.ru

цифрового неоколониализма. Цель настоящей статьи – определить современный политический курс стран БРИКС по защите цифрового суверенитета в связи с возникающими вызовами цифрового неоколониализма. Для этого представляется необходимым выявить черты цифрового суверенитета и дать определение цифрового неоколониализма, отметить общие шаги стран БРИКС в контексте защиты цифрового суверенитета, определить национальные модели защиты цифрового суверенитета (с учетом новых участников) и выявить ограничения для развития общего подхода стран БРИКС к цифровому суверенитету. Для реализации поставленной цели применяются методы кейс-стади, анализа документов, сравнительный метод и сценарный метод. Полученные выводы позволяют оценить потенциал и пределы кооперации стран БРИКС в сфере цифровой политики и определить возможные направления формирования согласованных подходов к защите цифрового суверенитета.

Ключевые слова

цифровой суверенитет, цифровой колониализм, неоколониализм, страны БРИКС, вопросы защиты, вестфальская система, цифровая среда, транспарентность

Для цитирования

Сидоренко Н.В., Дмитриева В.А., Савченкова М.И. (2026). Политика стран БРИКС по защите цифрового суверенитета в контексте преодоления вызовов цифрового неоколониализма. *Управление и политика*. 5(2). С. 51–69. DOI: 10.24833/2782-7062-2026-5-2-51-69

Конфликт интересов

авторы заявляют об отсутствии конфликтов интересов

Благодарности

Исследование выполнено за счет средств гранта №КМУ-16/02 «Политика стран БРИКС по защите цифрового суверенитета в контексте преодоления вызовов цифрового неоколониализма».

Авторы выражают признательность А.А. Игнатову и В.М. Жорнист за полезные замечания.

Понятия «цифровой суверенитет государства» и «цифровой неоколониализм», подобно многим категориям политической науки, демонстрируют различия в трактовках, обусловленные принадлежностью исследовательских традиций к различным школам.

В отечественном (русском) подходе цифровой суверенитет, как правило, рассматривается через призму безопасности, контроля над критической инфраструктурой.

В западном подходе акцент научных публикаций лежит в более прикладной плоскости: в центре большинства западных исследований лежит баланс между государственным регулированием и защитой

цифровых прав индивида. В западной школе изучения цифрового суверенитета выделяются направления исследований, фокусирующиеся на концепте «data governance», вопросах транспарентности работы платформ, обсуждении наднациональных регуляторных механизмов (например, в рамках ЕС). Ключевыми вопросами, связанными с понятием цифрового суверенитета западной традиции, являются управление цифровыми потоками и стандартами.

Однако при анализе терминов необходимо вернуться к истокам. Вопрос о цифровом суверенитете невозможно рассматривать изолированно от эволюции самого понятия суверенитета, укорененного в вестфальской политико-правовой традиции.

Несмотря на растущий интерес академического сообщества к вопросам цифрового суверенитета и цифрового неокOLONиализма, в научной литературе по-прежнему сохраняется фрагментарность понятийного аппарата и недостаточная сопоставимость национальных кейсов, особенно в отношении стран БРИКС. Это обуславливает необходимость конкретизации ключевых понятий, а также комплексного сравнительного анализа нормативно-правовой базы государств объединения в цифровой сфере.

Особое значение проблематика цифрового суверенитета приобретает для стран БРИКС, выступающих важными акторами формирующегося многополярного мирового порядка. Страны БРИКС демонстрируют различный уровень технологического развития, что влияет на многообразие подходов к регулированию цифрового пространства. В то же время объединение обладает значительным потенциалом для выработки альтернативных моделей цифрового развития и коллективного реагирования на вызовы цифрового неокOLONиализма.

Понятия «цифровой суверенитет государства» и «цифровой неокOLONиализм» в зарубежной и российской научной традиции

В рамках вестфальской парадигмы международного порядка суверенитет государства мыслится как абсолютная, неделимая и территориально закреплённая верховная власть, предполагающая исключительное право политического центра на регулирование процессов внутри собственной юрисдикции

и автономное осуществление внешнеполитических функций. Как отмечает профессор М.М. Лебедева, именно вестфальское понимание суверенитета сформировало устойчивую нормативно-институциональную основу мировой системы, в которой государство выступает первичным и самодостаточным носителем политической субъектности (Лебедева, 2008). Однако в условиях стремительной цифровизации международного пространства, формирования транснациональных инфраструктур данных и экспансии негосударственных технологических акторов традиционные параметры суверенитета оказываются концептуально размытыми, а сама возможность государства осуществлять верховное регулирование все более проблематизируется.

Данный принцип суверенности, основанный на идее неприкосновенности пространства и монополии государства на принятие политико-правовых решений, на протяжении нескольких столетий обеспечивал устойчивость мировой системы. Формирование глобальной цифровой среды, сетевой организации власти и возрастающая роль негосударственных акторов приводят к эрозии ключевых принципов вестфальской модели.

С этой позиции формирование понятия цифрового суверенитета выступает не только как адаптация вестфальского принципа к новым условиям развивающихся технологий, но и как реконфигурация самой логики суверенитета в сторону инфраструктурной и алгоритмической автономии¹.

Цифровой суверенитет интерпретируется как расширенная форма суверенной компетенции, включающая

¹ Niall Ferguson: 'Westerns don't understand how vulnerable freedom is' // The Guardian. 20.02.2011. URL: <https://www.theguardian.com/books/2011/feb/20/niall-ferguson-interview-civilization> (accessed: 20.11.2025).

способность государства осуществлять стратегический и регулятивный контроль над национальным цифровым контуром, над критически значимыми данными и над архитектурой сетевой инфраструктуры. Российский специалист А.А. Игнатов отмечает, что «определение понятия «цифровой суверенитет» еще не сложилось». Автор выделяет «среднюю» позицию, которая заключается в «утверждении суверенитета как способности государства осуществлять независимую цифровую политику» (Игнатов, 2025). Действительно, предложенная «средняя» позиция, понимающая суверенитет как способность государства проводить независимую цифровую политику, выглядит наиболее сбалансированной и аналитически продуманной, поскольку позволяет избежать как узко-технологического, так и чрезмерно политизированного объяснения данной категории.

Еще одно схожее определение дано С.С. Морозовой, которая описывает цифровой суверенитет как «право и способность контролировать инфраструктуру, данные и потоки информации в пределах своих границ, а также определять правила игры в цифровом пространстве» (Морозова, 2025).

В результате цифровой суверенитет можно рассматривать как ключевое направление трансформации вестфальской модели: он фиксирует переход от территориально-центричной логики к логике сетевой, инфраструктурной власти, в рамках которой суверенитет перестает быть исключительно территориальным феноменом и превращается в способность

государства контролировать цифровую среду на множестве уровней, определяющую динамику политического и социально-экономического развития.

Е.С. Зиновьева и С.В. Шитьков утверждают, что «суверенитет никогда не был статичной категорией, эволюционировал и включает в себя не только территориальный суверенитет, но и суверенитет в области территориальных вод, воздушного пространства государства, валютный суверенитет и ряд других компонентов» (Зиновьева, Шитьков, 2023). Данный подход позволяет рассматривать цифровой суверенитет как логическое продолжение и адаптацию традиционных принципов суверенитета к современным условиям.

В условиях, когда критические инфраструктуры, например от простых вычислений до алгоритмических систем, становятся объектами контроля транснациональных платформ (Ш. Зубофф описывает этот процесс как *surveillance capitalism* — «надзорный капитализм»²), возникает необходимость в переосмыслении категории суверенитета. Как отмечает Е. Морозов, цифровые платформы приобрели способность выполнять функции, ранее присущие только государству – распределять доступ к информации, формировать поведенческие стимулы, регулировать цифровые практики³.

В коллективной монографии *Digital Sovereignty in the BRICS Countries* (2025) подчеркивается, что исследования, посвященные цифровой сфере, преимущественно вписываются в парадигму изучения управления Интернетом и цифрового

² Zuboff S. 2029. *Surveillance capitalism and the challenge of collective action*. New Labor Forum. 22.01.2019. URL: <https://newlaborforum.cuny.edu/2019/01/22/surveillance-capitalism> (accessed: 20.11.2025).

³ Conversation: Yanis Varoufakis on Crypto & the Left, and Techno-Feudalism. the crypto syllabus. URL: <https://the-crypto-syllabus.com/yanis-varoufakis-on-techno-feudalism/> (accessed: 20.11.2025).

управления. Авторы отмечают, что значительная часть научных работ фокусируется на анализе институтов, механизмов и нормативных структур управления цифровым пространством, тогда как вопросы цифрового суверенитета нередко рассматриваются лишь косвенно, то есть через призму регулирования трансграничных потоков данных, стандартов Интернета и контроля над цифровой инфраструктурой (Schiffrin et al., 2025).

Особую значимость цифровой суверенитет приобретает в контексте дискуссий о *цифровом неокOLONIALИЗМЕ*. Доминирование глобальных технологических корпораций формирует асимметричные зависимости, сопоставимые по структурному воздействию с колониальными практиками прошлого, но реализуемые через механизмы контроля над данными, стандартами и алгоритмами.

В своей работе Ш. Зубофф, анализируя феномен «капитализма наблюдения/слежки», фактически подводит его под категорию, которую все чаще используют современные исследователи, — цифрового неокOLONIALИЗМА. По ее мнению, этот режим экономической власти представляет собой своеобразную мутацию, возникшую в Кремниевой долине и стремительно распространившуюся на различные отрасли экономики⁴. Его распространение стало возможным благодаря тому, что модели, основанные на систематическом наблюдении, сборе поведенческих данных и предсказательном анализе, оказались чрезвычайно успешными. В результате можно говорить о формировании нового экономического порядка,

построенного на тотальном мониторинге, который сегодня встроен в широкий спектр сервисов, влияя на как индивидов, так и на государства.

В свою очередь М.В. Харкевич обращается к проблеме глобального управления и отмечает цифровую слежку, рассматривая ее в контексте такой формы управления, как «правительственность». Автор отмечает, что данная форма властных практик начала складываться в странах Европы еще в XVII веке, постепенно расширяя инструменты наблюдения и контроля⁵. В дальнейшем она вышла на глобальный уровень, проявляясь в распространении международных рейтингов, развитии политических механизмов, усилении практик секьюритизации, а также внедрении цифровых технологий мониторинга. Можно сделать вывод, что в этом контексте цифровая слежка или цифровое наблюдение рассматривается как современное проявление «правительственности», усиливающее возможности надзора и управления в транснациональном масштабе.

По мнению Е.С. Зиновьевой и С.В. Шитькова, в развивающихся странах обеспечение цифрового суверенитета невозможно рассматривать в отрыве от процессов неокOLONIALИЗМА (Зиновьева, Шитьков 2023). Стоит отметить, что современные формы цифровой зависимости, включая контроль над данными, доминирование иностранных технологических корпораций и влияние транснациональных стандартов, создают новые асимметричные отношения, схожие по своему воздействию с историческими

⁴ Zuboff S. 2019. *Surveillance capitalism and the challenge of collective action*.

⁵ Харкевич М.В. 2023. Глобальное управление в эпоху обострения конкуренции между великими державами. Российский совет по международным делам. 05.12.2023. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/globalnoe-upravlenie-v-epokhu-obostreniya-konkurentsii-mezhdu-velikimi-derzhavami/> (дата обращения: 30.11.2025).

колониальными практиками. Так, укрепление цифрового суверенитета становится не только технической и экономической задачей, но и политическим и технологическим инструментом, необходимым для снижения уязвимости государств и обеспечения равноправного участия в глобальном цифровом пространстве.

Можно сделать вывод, что разделение на отечественный и западный подходы отражает более глубокие различия между моделями политического регулирования: первая ориентирована на укрепление государственности, вторая – на институциональное регулирование цифровых систем при сохранении открытости и правовых гарантий.

В данном исследовании мы хотели бы предложить авторское понимание терминов «цифровой суверенитет» и «цифровой неоколониализм». На наш взгляд, цифровой колониализм – это система асимметричных властных отношений в глобальном цифровом пространстве, при которой транснациональные технологические корпорации и государства-лидеры цифрового развития устанавливают контроль над данными, цифровой инфраструктурой, алгоритмами и стандартами, тем самым формируя зависимость развивающихся стран от внешних центров технологической силы.

На основании статьи А.А. Игнатова (Игнатов, 2025) авторы доработали определение цифрового суверенитета, который рассматривается как способность государства к следующим действиям:

1. Определять цели, принципы, механизмы функционирования цифровой среды;
2. Контролировать критически важную инфраструктуру;
3. Обеспечивать независимость цифровой инфраструктуры;
4. Формировать свои решения вне зависимости от внешних акторов (стимулировать собственных национальных решений);
5. Контролировать ситуацию рынка цифровых платформенных услуг;
6. Контролировать содержание распространяемой информации;
7. Контролировать оборот данных;
8. Формировать устойчивость населения к киберугрозам (кибергигиену)⁶.

Сравнительный анализ институциональной, нормативно-правовой и стратегической основ политики стран-членов БРИКС по вопросам защиты цифрового суверенитета государства

Для формирования представления о политике цифрового суверенитета в странах БРИКС важным пунктом является изучение существующих национальных институциональных, нормативно-правовых и стратегических основ политики по вопросам защиты своего суверенитета. Необходимо отметить, что в концептуальных документах почти всех стран БРИКС этот термин найти не удастся: понятие «цифровой суверенитет» появляется в Национальном политическом курсе по цифровым коммуникациям Индии 2018 г.⁷,

⁶ Об этом пункте отчасти говорили страны БРИКС в своей декларации 2025 г., согласно которой они обязаны обеспечить безопасность населения от рисков использования искусственного интеллекта. Источник: BRICS Leaders' statement on the global governance of artificial intelligence. BRICS. 06.07.2025. URL: <https://brics.br/en/documents/presidency-documents> (accessed: 03.12.2025).

⁷ India's National Digital Communications Policy 2018. Department of Telecommunications India. 2018. URL <https://dot.gov.in/sites/default/files/EnglishPolicy-NDCP.pdf> (accessed: 30.11.2025).

а концепция «суверенитета в киберпространстве» находит отражение в Международной стратегии сотрудничества в киберпространстве Китая⁸. Однако такое понятие часто встречается в устной речи и выступлениях ряда политиков, например, в речи президента Индонезии Джоко Видодо⁹ и интервью заместителя руководителя администрации президента России С. Кириенко¹⁰.

Тем не менее представляется, что этот вопрос является для стран достаточно важным: это подтверждают высокие позиции стран в глобальном индексе кибербезопасности¹², проведенные исследования в академической сфере (Игнатов, 2025), совместные усилия (двусторонние и многосторонние) объединения в сфере кибербезопасности и информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) (Zinovieva, Ignatov, 2024), а также нормативно-правовые и концептуальные документы, в которых использование ИКТ в целях нарушения безопасности отмечается как одна из угроз безопасности государства. При этом в соответствии с глобальным индексом кибербезопасности считается, что в странах БРИКС сложилась неравномерная ситуация с точки

зрения реализации стратегий кибербезопасности: так, есть абсолютные мировые лидеры (пять стран БРИКС — Бразилия, Египет, Индия, Индонезия, ОАЭ), относительно преуспевающие в реализации повестки (Китай, Россия и ЮАР), а также страны, которые пока устанавливают свою политику по кибербезопасности (Иран и Эфиопия)¹².

Проведено сравнение стран по семи критериям, выделенным в качестве описания феномена цифрового суверенитета (Таблица №1):

- 1) Контроль над критически важными технологиями и производственными цепочками;
- 2) Контроль над инфраструктурой связи и интернета;
- 3) Контроль над ситуацией на рынке цифровых платформенных услуг;
- 4) Контроль над содержанием распространяемой информации;
- 5) Контроль над оборотом данных;
- 6) Развитие собственных технологий для снижения зависимости от зарубежных технологий;
- 7) Обучение населения навыкам кибербезопасности.

⁸ China's International Strategy of Cooperation on Cyberspace. Xinhua. 01.03.2017. URL: http://www.xinhuanet.com/english/china/2017-03/01/c_136094371_2.htm (accessed: 30.11.2025).

⁹ Digital Transformation Realizes Digital Sovereignty and Independence, President Jokowi Says. Cabinet Secretariat of the Republic Indonesia. 26.02.2021. URL: <https://setkab.go.id/en/digital-transformation-realizes-digital-sovereignty-and-independence-president-jokowi-says/> (accessed: 30.11.2025).

¹⁰ Россия получила полный цифровой суверенитет в интернет-сфере, наряду с США и Китаем — Кириенко. Интерфакс. 24.09.2025. URL: <https://www.interfax-russia.ru/rossiya-i-mir/rossiya-poluchila-polnyy-cifrovoy-suverenitet-v-internet-sfere-naryadu-s-ssha-i-kitaem-kirienko> (дата обращения: 30.11.2025).

¹¹ Global Cybersecurity Index. ITU. 2024. URL: <https://www.itu.int/hub/publication/d-hdb-gci-01-2024/> (accessed: 30.11.2025).

¹² Global Cybersecurity Index.

Таблица №1.

Сравнение концептуальных, нормативно-правовых и институциональных основ стран БРИКС в сфере цифрового суверенитета

Table 1.

Comparison of the conceptual, regulatory, and institutional frameworks of BRICS countries in the area of digital sovereignty

Страна	Контроль над критически важной инфр-рой (КВИ)	Контроль над инфр-рой связи	Контроль над ситуацией на рынке цифровых платформенных услуг	Контроль над содержанием распространяемой информации	Контроль над оборотом данных	Развитие собственных технологий для снижения зависимости	Обучение населения навыкам кибербезопасности
Бразилия	КВИ: объекты информационной и цифровой безопасности. Угроза: киберугрозы	Уголовная ответственность за нарушение целостности компьютерных устройств, кражу и мошенничество с помощью электронных средств или через Интернет	Попытки контроля путем передачи функции контроля Национальному агентству по коммуникациям. Посредники признаны ответственными по размещаемому контенту	Провайдеры не контролируют информацию, фейковые новости и дезинформация могут быть удалены по решению суда	Угрозы: шпионаж, утечки информации. Намерение усилить безопасность данных между системами и цифровыми каналами	Стимулирование национальных технологий, минимальных стандартов кибербезопасности для снижения зависимости от зарубежных технологий	Повышение осведомленности населения о безопасном поведении, поддержке, борьбе с киберпреступлениями
Египет	Программа укрепления безопасности КВИ и продвижения национальных стандартов	Сертификация компаний, предоставляющих услуги по кибербезопасности	Законодательство по контролю на рынке	Закон о киберпреступлениях: контроль над распространяемой информацией и возможность блокировки сайтов	Контроль и наказания за нарушения, установление ответственных лиц за данные. Обработка и защита данных в соответствии с национальным законодательством	Не найдено направления	Обучение населения пошагово от простого к сложному, в том числе в части осведомленности о безопасном поведении
Индия	ИКТ не входят в КВИ, но планируется включить их в состав	Создание собственной устойчивой цифровой инфраструктуры, периодическое отключение сети	Установлены ограничения по регистрации компаний платформенных услуг	Контроль над контентом в соответствии с правом правительства по защите суверенитета страны	Контроль над данными, конфиденциальностью, некоторые типы данных могут храниться только на территории Индии. Планируется усиление защиты	Создание собственной цифровой инфраструктуры, стимулирование новых технологий	Обучение населения кибергигиене, включение обучения кибергигиене в школьное образование
Индонезия	Принята стратегия для защиты КВИ (в т.ч. ИКТ), ответственность возлагается на провайдера услуг	Периодическое отключение сети	Установлены ограничения для частных операторов электронных систем	Контроль над контентом, планируется ограничения социальных сетей	Контроль над персональными данными, передача данных за границу при соблюдении законодательства. Планируется ужесточение законодательства	Не найдено направления	Население обучают цифровой грамотности и цифровой безопасности
ОАЭ	Программа по защите КВИ (в т.ч. ИКТ) принята в 2025 г.	Создание устойчивой инфраструктуры по кибербезопасности	Национальная политика облачной безопасности, которая определяет требования к провайдерам облачных услуг	Осуществляется контроль над контентом путем борьбы с распространением фейковых новостей и слухов, а также соблюдения стандартов медиаконтента	Передача данных за границу разрешена на установленных законодательством условиях, требования по локализации данных для ряда отраслей. Проблема передачи данных между СЭЗ и остальной частью ОАЭ	Создание программы национальных наград для стимулирования развития кибербезопасности	Обучение населения для определения рисков и практики кибергигиены разных сегментов населения
Россия	Недопущение иностранного контроля над объектами КВИ	Намерение в недопущении иностранного контроля над национальным сегментом сети, противодействие вмешательству во внутренние дела	Усиливается контроль над цифровыми платформенными услугами с 2026 г.	Действует законодательство о запрете фейковых новостей, установлен контроль над распространяемым контентом	С 2025 г. запрещено хранение персональных данных россиян за рубежом (за исключением ряда случаев)	Обеспечение технологической независимости технологий, в т.ч. ОПК, и приоритетного использования российских ИКТ	Обучение населения кибергигиене

Китай	Защита КВИ — приоритет	Усиление контроля над сетью как приоритет развития законодательства	Есть контроль над операторами в отношении данных	Действует контроль над контентом с запретом фейковой информации	Персональные данные китайцев должны храниться на территории Китая	Законы о данных как стимул технологической индустрии и снижения зависимости от иностранных компаний	Обучение населения как приоритет правительства
ЮАР	Защита КВИ — приоритет	Есть контроль над сетью	Есть контроль над посредниками в вопросах удаления контента	Действует контроль над медиаконтентом, контроль над ложной информацией	Жесткие требования по локализации данных, письменное обоснование для передачи данных за рубеж	Не найдено направления	В процессе разработки, но не реализуется
Иран	Не найдено направления	Инtranet под контролем государства	Действует система выдачи лицензий платформам	Действует контроль над контентом, запрет отдельных платформ	Есть требования по хранению данных на территории Ирана	Блокировка зарубежных платформ и санкции стимулируют снижение зависимости	Обучение населения ограничено отдельными курсами для сотрудников
Эфиопия	Не найдено направления	Выключение интернета, инtranet под контролем государства	Не найдено направления	Контроль над контентом, выключение интернета, блокировка платформ, платформа проверки	Есть требования по хранению данных на территории Эфиопии	Не найдено направления	Не найдено направления

Источник: составлено авторами на основе академических статей (Chipangura, Gustave, 2022; Karimnia et al., 2022; Popova, 2024; Calandro, 2024; Cong, 2024; Krylov, 2025; Zinovieva, Ignatov, 2024; Vadiati, Mehran, 2025) и нормативно-правовых актов и концептуальных документов¹³, официальных публикаций, речей руководящего состава стран БРИКС, оценок специализированных агентств кибербезопасности, материалов СМИ¹⁴.

¹³ Decreto Nº 9.573 «Aprova a Política Nacional de Segurança de Infraestruturas Críticas». 22.11.2018. URL: http://www.planalto.gov.br/ccivil_03/_ato2015-2018/2018/decreto/D9573.htm (accessed: 30.11.2025); Decreto Nº 10.569 «Aprova a Estratégia Nacional de Segurança de Infraestruturas Críticas». 09.12.2020. URL: http://www.planalto.gov.br/ccivil_03/_ato2019-2022/2020/decreto/D10569.htm (accessed: 30.11.2025); Decreto Nº 11.200 «Aprova o Plano Nacional de Segurança de Infraestruturas Críticas». 15.09.2022. URL: http://www.planalto.gov.br/ccivil_03/_Ato2019-2022/2022/Decreto/D11200.htm (accessed: 30.11.2025); Legislação // Gabinete de Segurança Institucional. 24.11.2020. URL: <https://www.gov.br/gsi/pt-br/seguranca-da-informacao-e-cibernetica/legislacao> (accessed: 30.11.2025); Lei Nº 14.460 «Transforma a Autoridade Nacional de Proteção de Dados (ANPD) em autarquia de natureza especial e transforma cargos comissionados». 25.10.2022. URL: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/_ato2019-2022/2022/lei/l14460.htm (accessed: 30.11.2025); Lei Nº 14.155 «Altera o Decreto-Lei nº 2.848, de 7 de dezembro de 1940 (Código Penal)». 27.05.2021. URL: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/_ato2019-2022/2021/lei/L14155.htm (accessed: 30.11.2025); Lei Nº 12.737 «Dispõe sobre a tipificação criminal de delitos informáticos...». 30.11.2012. URL: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/_Ato2011-2014/2012/Lei/L12737.htm (accessed: 30.11.2025); E Ciber 2025 Inglês Digital. 2025. URL: <https://www.calameo.com/read/0075181912e2c2b6a7b92> (accessed: 30.11.2025); Question 3/2: Securing information and communication networks: Best practices for developing a culture of cybersecurity // ITU. 2025. URL: <https://www.itu.int/hub/publication/d-stg-sg02-03-2-2025/> (accessed: 30.11.2025); Decreto Nº 12.572 «Institui a Política Nacional de Segurança da Informação e dispõe sobre a governança da segurança da informação no âmbito da administração pública federal». 04.08.2025. URL: <https://www2.camara.leg.br/legin/fed/decret/2025/decreto-12572-4-agosto-2025-797812-publicacaooriginal-176047-pe.html> (accessed: 30.11.2025); Lei Geral de Proteção de Dados Pessoais (LGPD). 2018. URL: <https://www.gov.br/esporte/pt-br/aceso-a-informacao/lgpd> (accessed: 30.11.2025); Política Nacional de Defesa. Ministério da Defesa. 02.09.2024. URL: https://www.gov.br/defesa/pt-br/assuntos/copy_of_estado-e-defesa/politica-nacional-de-defesa (accessed: 30.11.2025); Livro Branco de Defesa Nacional (LBDN). Ministério da Defesa. 19.11.2025. URL: https://www.gov.br/defesa/pt-br/assuntos/copy_of_estado-e-defesa/livro-branco-de-defesa-nacional-lbdn-1 (accessed: 30.11.2025); Decreto Nº 12.725 «Aprova a Política Nacional de Defesa, a Estratégia Nacional de Defesa e o Livro Branco de Defesa Nacional». 18.11.2025. URL: https://www.gov.br/defesa/pt-br/assuntos/copy_of_estado-e-defesa/livro-branco-de-defesa-nacional-lbdn-1/arquivos/

livro-branco-de-defesa-nacional/decreto-no-12-725-de-18-de-novembro-de-2025-dou_lbdn.pdf (accessed: 30.11.2025); Brazil Supreme Court Ruling Redefines Framework for Platform Liability. TechPolicy.press. 20.11.2025. URL: <https://www.techpolicy.press/brazil-supreme-court-ruling-redefines-framework-for-platform-liability/> (accessed: 30.11.2025); Translation of Law No. 151 of 2020 «Issuance of the Personal Data Protection Law». Andersen. 03.06.2025. URL: <https://eg.andersen.com/wp-content/uploads/2025/06/Law-No.-151-OF-2020.pdf> (accessed: 30.11.2025); The National Cybersecurity Strategy of Egypt (2023-2027). DigWatch. 06.2023. URL: <https://dig.watch/resource/the-national-cybersecurity-strategy-of-egypt-2023-2027> (accessed: 30.11.2025); India's National Digital Communications Policy 2018; The Digital Personal Data Protection Act, 2023. 11.08.2023. URL: <https://www.meity.gov.in/static/uploads/2024/06/2bf1f0e9f04e6fb4f8fef35e82c42aa5.pdf> (accessed: 30.11.2025); Indonesia's Fourth Industrial Revolution. Ministry of Industry Indonesia. 24.07.2018. URL: https://sea-vet.net/images/seb/initiatives/appendix_file/570/making-indonesia-40-bppi.pdf (accessed: 30.11.2025); Data Sovereignty in UAE. InCountry Staff. 29.04.2025. URL: <https://incountry.com/blog/data-sovereignty-in-the-uae/> (accessed: 30.11.2025); Cybersecurity Laws and Regulations Indonesia 2026. ICLG. 21.11.2025. URL: <https://iclg.com/practice-areas/cybersecurity-laws-and-regulations/indonesia> (accessed: 30.11.2025); UAE National Cybersecurity Strategy. Telecommunications Regulatory Authority. URL: <https://tdra.gov.ae/userfiles/assets/Lw3seRUaIMd.pdf> (accessed: 30.11.2025); Critical Information Infrastructure Protection Policy. UAE. 07.05.2025. URL: <https://u.ae/en/about-the-uae/strategies-initiatives-and-awards/policies/transport-and-infrastructure/critical-information-infrastructure-protection-policy> (accessed: 30.11.2025); National Cloud Security Policy. UAE. 23.10.2025. URL: <https://u.ae/en/about-the-uae/digital-uae/digital-transformation/strategies-policies-and-initiatives/National-Cloud-Security-Policy> (accessed: 30.11.2025); Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В.Путиным 31 марта 2023 г.).МИД России. 31.03.2023. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 30.11.2025); Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400. Президент России. 02.07.2021. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 30.11.2025); Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. Совет Безопасности РФ. 05.12.2016. URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/information/document5/> (дата обращения: 30.11.2025); Федеральный закон от 28.02.2025 № 23-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О персональных данных» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальное опубликование правовых актов. 28.02.2025. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202502280034?index=1> (дата обращения: 30.11.2025); Федеральный закон «О внесении изменений в статью 15.3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 18.03.2019 N 31-ФЗ // Консультант Плюс. 18.03.2019. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_320401/ (дата обращения: 30.11.2025); International Strategy of Cooperation on Cyberspace; India's Global Initiative on Data Security. UNODA. 03.2022. URL: <https://documents.unoda.org/wp-content/uploads/2022/03/Position-paper-Global-Initiative-on-Data-Security-submitted-by-China.pdf> (accessed: 30.11.2025); China's The Global Security Initiative Concept Paper. ChinaDiplomacy. URL: https://en.chinadiplomacy.org.cn/pdf/The_Global_Security_Initiative_Concept_Paper.pdf (accessed: 30.11.2025); China's National Cyberspace Security Strategy. China Copyright and Media. 27.12.2016. URL: <https://china-copyrightandmedia.wordpress.com/2016/12/27/national-cyberspace-security-strategy/> (accessed: 30.11.2025); Data Security Law of the People's Republic of China. The National People's Congress of the People's Republic of China. 10.06.2021. URL: http://www.npc.gov.cn/englishnpc/c2759/c23934/202112/t20211209_385109.html (accessed: 30.11.2025); Personal Information Protection Law of the People's Republic of China. The National People's Congress of the People's Republic of China. 29.12.2021. URL: http://en.npc.gov.cn.cdurl.cn/2021-12/29/c_694559.htm (accessed: 30.11.2025); China's Digital Data Sovereignty Laws and Regulations. InCountry. 20.08.2024. URL: <https://incountry.com/blog/chinas-digital-data-sovereignty-laws-and-regulations/> (accessed: 30.11.2025); South Africa's Localization Regulation / ITIF. 09.06.2025. URL: <https://itif.org/publications/2025/06/09/south-africa-localization-regulation/> (accessed: 30.11.2025); Iran: Personal Data Protection and Safeguarding Draft Act. Article19. URL: <https://www.article19.org/wp-content/uploads/2019/06/Legal-Analysis-of-Draft-Data-Protection-Act.pdf> (accessed: 30.11.2025); Digital Ethiopia 2025. Ethiopia. 2025. 148 p. URL: https://www.lawethiopia.com/images/Policy_documents/Digital-Ethiopia-2025-Strategy-english.pdf (accessed: 30.11.2025).

- ¹⁴ A Review of Content Moderation Policies in Latin America. TechPolicy.press. 08.07.2024. URL: <https://www.techpolicy.press/a-review-of-content-moderation-policies-in-latin-america/> (accessed: 30.11.2025); The imperative of digital sovereignty. Ahramonline. 22.05.2025. URL: <https://english.ahram.org.eg/NewsContentP/4/546567/Opinion/The-imperative-of-digital-sovereignty>.

Лидеры в сфере мер кибербезопасности и их цифровой суверенитет

Как показывает сравнение, лидеры в сфере мер кибербезопасности стремятся

закрепить в своих нормативно-правовых актах почти все направления цифрового суверенитета. Исключение составляет направление собственных технологий,

aspx (accessed: 30.11.2025); Tsebee D., Adaramola V. Review of Ethiopia's Data Protection Act. Tech Hive Advisory. 18.11.2024. URL: <https://www.techhiveadvisory.africa/insights/review-of-ethiopia-s-data-protection-act> (accessed: 30.11.2025); Ethiopia. RSF. URL: <https://rsf.org/en/country/ethiopia> (accessed: 30.11.2025). South Africa. Policy and Regulations for Community Networks. URL: <https://policy.communitynetworks.group/country-profiles/south-africa> (accessed: 30.11.2025); South Africa challenges US tech giants. ET Insights. 03.03.2025. URL: <https://etedge-insights.com/featured-insights/geopolitics-and-strategy/south-africa-challenges-us-tech-giants/> (accessed: 30.11.2025); Cyber safety and digital security// UAE. 12.11.2025. URL: <https://u.ae/en/information-and-services/justice-safety-and-the-law/cyber-safety-and-digital-security> (accessed: 30.11.2025); С 1 октября 2026 года в России вводится официальное регулирование деятельности платформ. Минэкономразвития России. 22.07.2025. URL: https://economy.gov.ru/material/news/s_1_oktyabrya_2026_goda_v_rossii_vvoditsya_oficialnoe_regulirovanie_deyatelnosti_platform.html (дата обращения: 30.11.2025); Iran unveils plan for tighter internet rules to promote local platforms. AlJazeera. 24.02.2024. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2024/2/24/iran-unveils-plan-for-tighter-internet-rules-to-promote-local-platforms/> (accessed: 30.11.2025); India's Search for Digital Sovereignty. TechPolicy.press. 30.10.2025. URL: <https://www.techpolicy.press/indias-search-for-digital-sovereignty/> (accessed: 30.11.2025); Egypt Sets New Rules For Cybersecurity Firms: What To Know // Business monthly. 08.10.2025. URL: <https://businessmonthlyeg.com/egypt-sets-new-rules-for-cybersecurity-firms-what-to-know/> (accessed: 30.11.2025); Sharmraev R.A., Kurbatova T.A., Lindre Yu.A., Ignatiev A.G. Egypt as a Digital State: opportunities for cooperation // Center for global IT-cooperation. 18.11.2024. URL: <https://www.cgic.ru/en/media/egypt-as-a-digital-state-opportunities-for-cooperation/> (accessed: 30.11.2025); Authoritarian Diffusion in the Cyberspace: How Egypt Learns, Emulates, and Cooperates in Digital Authoritarianism. European Center for Populism Studies. 09.05.2025. URL: <https://www.populismstudies.org/authoritarian-diffusion-in-the-cyberspace-how-egypt-learns-emulates-and-cooperates-in-digital-authoritarianism/> (accessed: 30.11.2025); India expands censorship powers, lets lower officials demand takedowns. AlJazeera. 08.09.2025. URL: <https://www.aljazeera.com/features/2025/9/8/india-expands-censorship-powers-lets-lower-officials-demand-takedowns> (accessed: 30.11.2025); E-commerce regulation in India: what you need to know if you want to sell online. IndiaConnected. 07.11.2024. URL: <https://www.indiaconnected.co.uk/blog-articles/market-focus-e-commerce-in-india/> (accessed: 30.11.2025); Delhi schools promote digital safety awareness to prevent cybercrimes among students and staff // The Times Of India. 25.05.2025. URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/city/delhi/delhi-schools-promote-digital-safety-awareness-to-prevent-cybercrimes-among-students-and-staff/articleshow/121394056.cms> (accessed: 30.11.2025); Digital Transformation Landscape in Indonesia //Digital Transformation Center Indonesia. 2023. URL: <https://cgd.abc-institute.id/wp-content/uploads/2024/10/DTLI-2023.pdf> (accessed: 30.11.2025); Towards Indonesia's ICS OT Cyber Security National Standard. Fedco International. URL: <https://fedco.co.id/towards-indonesias-ics-ot-cyber-security-national-standard/> (accessed: 30.11.2025); Indonesia's bid for social media control raises alarm about future of digital freedom. SCMP. 02.10.2025. URL: <https://www.scmp.com/week-asia/lifestyle-culture/article/3327538/indonesias-bid-social-media-control-raises-alarm-about-future-digital-freedom> (accessed: 30.11.2025); Indonesia applies blacklist model to control digital content: Ministry. The Indonesia.Co. 28.06.2024. URL: <https://www.theindonesia.co/news/2024/06/28/190000/indonesia-applies-blacklist-model-to-control-digital-content-ministry> (accessed: 30.11.2025); Data Protection in Indonesia. DLA Piper. 20.01.2025. URL: <https://www.dlapiperdataprotection.com/?t=law&c=ID> (accessed: 30.11.2025); Internet Shutdown in Indonesia: The New Normal Policy to Censor Information Online?. SAFEnet. URL: <https://safenet.or.id/2020/10/internet-shutdown-in-indonesia-the-new-normal-policy-to-censor-information-online/> (accessed: 30.11.2025); Silveira A.C.R.D., Camelo A.P., Schmitt Katano B.Y., Wagner F.R., de Perdigão Lana P., Gatto R.F. Internet Impact Brief. Proposals to Regulate Digital Platforms in Brazil: Potential Impacts for the Internet. São Paulo: CEPI FGV DIREITO SP; ISOC Brasil, 2024. 10 p. URL: <https://www.internetsociety.org/wp-content/uploads/2025/02/Brazil-IIB.pdf> (accessed: 30.11.2025); Egypt's Cybersecurity, Cybercrime, and Data Protection Laws: A Legal Overview // Ibrachy & Derkamar Law Firm. URL: <https://id.com.eg/egypts-cybersecurity-cybercrime-and-data-protection-laws-a-legal-overview/> (accessed: 30.11.2025).

которые не стимулирует ряд стран, хотя наблюдается проблема зависимости от зарубежных компаний (Ларионова, Шелепов 2024). Представляется, что это направление будет развиваться в последствии.

В *Бразилии* термин «цифровой суверенитет» используется представителями гражданского и научно-экспертного сообщества. Под суверенитетом подразумевается снижение зависимости от транснациональных цифровых компаний и защиты данных граждан Бразилии от использования в целях корпораций¹⁵, что является для Бразилии серьезной проблемой (Ларионова, Шелепов, 2024). Государство активно действует в вопросах цифрового суверенитета: к реализации вопросов привлечено большое количество институтов разных уровней, большой объем нормативно-правовых документов, продолжающих формироваться: например, все еще в процессе обсуждения законопроект о фейковых новостях (Законопроект 2630). В результате Бразилия стремится уделять внимание всем аспектам цифрового суверенитета, однако заметен явный перекос в сторону вопросов критически важной инфраструктуры как основного пункта деятельности. При этом реализация, согласно изучению практики, явно отстает от концептуальных и нормативно-правовых аспектов (Игнатов, 2025).

В *Египте* государство развивает стратегию по кибербезопасности, но при этом не все аспекты цифрового суверенитета внедряются на данном этапе (некоторые только планируются к внедрению).

Институциональная система уже создана (например, правительственный центр данных и облачных технологий, Верховный совет по кибербезопасности), но стратегическая и нормативно-правовая системы продолжают совершенствоваться и дорабатываться. Так планируется внедрение новых стандартов, а также обучение граждан Египта грамотности и информационным технологиям¹⁶.

В *Индии* цифровой суверенитет как термин определяется в нормативно-правовых документах и сочетает в себе конфиденциальность данных, выбор данных и безопасности граждан¹⁷. При этом сама нормативно-правовая система является достаточно молодой и начала формироваться только в 2018 г. (Zinovieva, Ignatov, 2024). Страна планирует переключаться на альтернативные сервисы западным сервисам технических гигантов (в страну активно проникают китайские технические корпорации (Ларионова, Шелепов, 2024)), а также прорабатывается вопрос создания собственного браузера, что говорит об усилении стремления к цифровому суверенитету¹⁸. Параллельно развивается институциональная структура: учреждена Коллегия по защите данных Индии¹⁹. Также в Индии действуют достаточно жесткие требования по локализации данных и модерации контента и периодически происходят отключения интернета (Thumfart, 2024).

В *Индонезии* используются понятия цифровой суверенитет и суверенитет данных²⁰. Отмечается нормативно-правовое и концептуальное оформление вопроса,

¹⁵ Carta Soberania Digital. Carta Soberania Digital. 2022. URL: <https://cartasoberaniadigital.lablivre.wiki.br/carta/> (accessed: 30.11.2025).

¹⁶ The National Cybersecurity Strategy of Egypt (2023-2027).

¹⁷ India's National Digital Communications Policy 2018.

¹⁸ India's Search for Digital Sovereignty

¹⁹ The Digital Personal Data Protection Act, 2023.

²⁰ Digital Transformation Landscape in Indonesia.

в 2020-х гг. приняты законы и стратегии по реализации цифровой трансформации и, следовательно, расширения цифрового суверенитета, проведено объединение законодательства по защите данных. При этом законодательство продолжает разрабатываться, как и институциональная система, состоящая на данный момент из государственных агентств.

В ОАЭ достаточно сложная ситуация с нормативно-правовой базой ввиду существования нескольких свободных экономических зон, однако ОАЭ в соответствии со своей стратегией кибербезопасности планируют создать правовые рамки для борьбы с киберпреступлениями и защиты технологий, уже приняли Политику защиты критически важной инфраструктуры (в эмирате Дубай принята своя стратегия кибербезопасности)²¹. При этом продолжает совершенствоваться институциональная структура ОАЭ, создан Совет по кибербезопасности ОАЭ, планируется создать новые институты, которые возьмут на себя функции, вводимые концептуальными и нормативно-правовыми документами²². Для снижения зависимости пока требуется дальнейшее развитие законодательства.

Относительно преуспевающие страны

В России достаточно много концептуальных и нормативно-правовых документов, регулирующих вопросы цифрового суверенитета (начиная от общих внешнеполитических и заканчивая специализированными документами, посвященными кибербезопасности). При этом

законодательство продолжает дорабатываться во всех сферах цифрового суверенитета, несмотря на комментарии правительства о том, что цифровой суверенитет был достигнут. Одним из наиболее важных вопросов является вопрос критической инфраструктуры, так, существует специальный институт, реагирующий на киберинциденты²³. Критикуется недостаточное вовлечение в восполнение производственных цепочек и собственное производство компонентов (Игнатов, 2025).

Китай, определяющий государство центральным (Морозова, 2025) в вопросах суверенитета в киберпространстве, свою концептуальную, институциональную и нормативно-правовую основы развивает целенаправленно и планомерно, что делает его своеобразным лидером в контексте развития документов. При этом Китай предлагает эту модель на экспорт через Цифровой Шелковый путь путем строительства цифровой инфраструктуры в других развивающихся странах²⁴. Важной чертой подхода к цифровому суверенитету является концептуальное закрепление экстерриториальности, которая позволяет использовать законодательство за пределами Китая и использовать персональные данные за пределами Китая в ряде случаев (Cong, 2024).

В ЮАР вопросы цифрового суверенитета пока не развиваются достаточно активно, однако в части кибербезопасности действуют нормативно-правовые акты и институты. Так, существует Информационный регулятор ЮАР, который занимается вопросами персональной

²¹ Cyber Safety and Digital Security.

²² National Cybersecurity Strategy.

²³ Global Cybersecurity Index

²⁴ How China Governs Its Internet and Plans to Export Its Model. TechPolicy.Press. 24.07.2025. URL: <https://www.techpolicy.press/how-china-governs-its-internet-and-plans-to-export-its-model/> (accessed: 30.11.2025).

информации²⁵. Также создан проект Национальной политики данных и облачных данных, согласно которой сейчас основные обладатели данных – иностранные компании и государства.

Страны, устанавливающие политику кибербезопасности

Будучи под санкциями, Иран усилил контроль над внутренней инфраструктурой (Vadiati, Mehran, 2025). На данный момент основным направлением является контроль не только над инфраструктурой, но и над распространяемым контентом (блокировка международных приложений, выключение интернета). Тем не менее, наблюдается пробел в концептуальных и нормативно-правовых документах в сфере контроля над критически важной инфраструктурой (Karimnia et al., 2022).

Эфиопия обладает достаточным потенциалом в реализации политики цифрового суверенитета: концептуальные и нормативно-правовые основы с институтами-регуляторами вносят в это свой вклад. Ситуацию осложняет низкое распространение интернета и недостаточно построенная инфраструктура (в т.ч. и оснащение электричеством, и зависимость от гидроресурсов), поэтому стремление к цифровизации страны отодвигает вопросы построения цифрового суверенитета на второй план²⁶.

Сценарий развития сотрудничества стран БРИКС по проблемам защиты цифрового суверенитета в контексте цифрового неокOLONиализма

Укрепление цифрового суверенитета государств БРИКС становится стратегической задачей объединения на фоне стремительного усложнения глобальной

технологической конкуренции. Для стран группы, значительная часть которых исторически сталкивалась с внешней зависимостью, цифровое пространство превращается в поле соперничества за контроль над данными, нормами, платформами и алгоритмами. В подобных условиях развитие сотрудничества БРИКС может двигаться по сценарию, в котором приоритетом становится формирование коллективной архитектуры устойчивости, способной снизить уязвимость государств перед структурной силой западных технологических центров и применяемыми ими практиками цифрового неокOLONиализма (Барандова, 2025).

Ключевым направлением будущего взаимодействия БРИКС выступает формирование собственной нормативной базы в сфере цифровых технологий и искусственного интеллекта. Страны объединения обладают разными моделями регулирования, однако их объединяет стремление избежать импорта западных стандартов, которые могут ограничивать национальные интересы. Создание согласованной рамки регулирования данных, алгоритмической ответственности, кибербезопасности и платформенной деятельности позволит БРИКС стать самостоятельным центром международного нормотворчества. В перспективе БРИКС получает шанс сформировать модель «суверенного цифрового развития», которая будет учитывать культурные, экономические и политические особенности стран Глобального Юга.

Другим системным элементом сценария является создание совместной цифровой инфраструктуры: распределённых центров обработки данных, безопасных каналов передачи информации, облачных

²⁵ Information Regulator (South Africa). URL: <https://info regulator.org.za/> (accessed: 30.11.2025).

²⁶ A Digital Ethiopia 2025 Strategy.

платформ и коммуникационных систем. Развитие собственных каналов связи позволит минимизировать риски внешнего вмешательства, обеспечить безопасность государственных данных и создать условия для автономного развития цифровых экосистем.

Важным вектором кооперации станет совместное развитие и адаптация технологий ИИ, в том числе крупные языковые модели (LLM), системы компьютерного зрения, роботизированные комплексы и средства интеллектуального анализа данных. Страны БРИКС обладают разным уровнем технологической зрелости, однако в совокупности их научно-исследовательский потенциал способен конкурировать с ведущими западными центрами разработки ИИ. В перспективе возможно формирование консорциумов университетов и исследовательских центров БРИКС, направленных на создание открытых, но защищённых платформ коллективного обучения моделей, что позволит странам объединения избежать зависимости от иностранных технологических гигантов. Параллельно БРИКС может выстроить механизм «этического федерализма», в котором ценностные принципы использования ИИ будут определяться государствами самостоятельно, без навязывания западных подходов.

Особое значение в будущем приобретет сотрудничество стран БРИКС в сфере информационной и когнитивной безопасности. Учитывая высокую уязвимость государств БРИКС к когнитивным воздействиям, логичным развитием становится создание коллективной системы раннего предупреждения и взаимной поддержки при выявлении признаков внешнего вмешательства. Механизм, в частности, может включать координированные центры мониторинга информационных кампаний, обмен методиками анализа сетевой активности, совместную разработку

технологий выявления и нейтрализации когнитивных атак.

Экономический контекст также определяет необходимость совместных шагов. Доминирование западных цифровых корпораций на глобальном рынке создает угрозу вытеснения национальных компаний и утраты контроля над внутренними рынками данных. БРИКС способен развивать собственные транснациональные цифровые платформы, например, в сфере электронных платежей, торговли, финансовых услуг, логистики и образования. В перспективе страны группы становятся ядром альтернативной цифровой глобализации, в рамках которой обмен технологиями, инвестиции в инфраструктуру и стандартизация обеспечивают устойчивое развитие и минимизируют риски внешнего давления.

В ближайшем будущем сотрудничество БРИКС может перейти от кооперации к формированию полноценного цифрового пространства объединения, что может включать собственные стандарты, данные, инфраструктуру и модели регулирования. Центральной идеей становится формирование коллективного иммунитета против цифрового неокOLONиализма, который включает технологическую автономию, информационную устойчивость и нормативную субъектность.

Заключение

Проведенный анализ позволил авторам сделать вывод, что страны БРИКС структурно неравномерно готовы к реализации общего институционально оформленного подхода к защите цифрового суверенитета. Как показывает данное исследование, существенные различия в уровне технологического развития, масштабе цифровых рынков, готовности нормативно-правового регулирования и роли государства в цифровом

пространстве формируют асимметричные условия. В результате цифровой суверенитет для одних государств выступает как инструмент закрепления уже достигнутой технологической автономии, тогда как для других – долгосрочная цель, ориентированная на преодоление зависимости от внешних цифровых инфраструктур и платформ.

Анализ национальных стратегий показывает, что задачи защиты цифрового суверенитета в странах БРИКС в ряде случаев носят принципиально различный характер. Расхождение между государствами затрудняет выработку универсальных подходов и ограничивает возможности институционализации сотрудничества в цифровой среде.

В этом контексте особого внимания заслуживает вопрос роли Китая. С одной стороны, Китай объективно является тем государством, которое способно предложить альтернативные западным цифровые платформы, инфраструктурные решения и технологические стандарты, что позволяет рассматривать его как важный фактор снижения глобальной технологической монополизации. С другой стороны, масштаб и экспансия китайских цифровых экосистем позволяют поставить вопрос о потенциальном воспроизводстве элементов цифрового неокOLONиализма, однако в отличной от западной форме. Это создает внутреннее напряжение в рамках БРИКС, поскольку доминирование одного

участника в цифровой сфере может привести к асимметрии, что противоречит политике объединения.

Для России данная конфигурация имеет двойственный характер: сотрудничество с Китаем в цифровом пространстве отвечает интересам диверсификации технологических связей и снижению зависимости от западных платформ, но и избыточная ориентация на китайские технологии несет риски замещения одной формы цифровой зависимости другой. В данных условиях интересы России в рамках БРИКС требуют выстраивания более сбалансированной модели сотрудничества, предполагающей не только использование китайских технологических решений, но и развитие собственных цифровых компетенций.

В целом выявленные противоречия свидетельствуют о том, что для БРИКС как института проблема цифрового суверенитета становится не только внешним, но и внутренним вызовом. Без учета структурной неоднородности стран-участниц, потенциальных асимметрий внутри объединения и различий в национальных интересах БРИКС рискует сохранить преимущественно декларативный характер цифрового взаимодействия. В то же время признание этих вызовов создает основу для обеспечения конструктивного сотрудничества, соответствующего как философии объединения, так и национальным интересам его участников.

Received: January 26, 2026

Accepted: March 1, 2026

DOI: 10.24833/2782-7062-2026-5-2-51-69

UDC: 327

International Politics / Research article

DIGITAL SOVEREIGNTY IN BRICS COUNTRIES: POLICY RESPONSES TO THE CHALLENGES OF DIGITAL NEOCOLONIALISM

Natalia V. Sidorenko, PhD in Political Science, Lecturer,
Department of World Political Processes, Faculty of Governance and Politics, MGIMO University,
76 Vernadsky Prospect, Moscow, 119454, Russia.
E-mail: Nataly.sidorenko@bk.ru

Valentina A. Dmitrieva, PhD in Political Science, MGIMO University,
76 Vernadsky Prospect, Moscow, 119454, Russia.
E-mail: dmitrieva.v.a@my.mgimo.ru

Maria I. Savchenkova, Analyst, Project Office of the Ministry of Science
and Higher Education of the Russian Federation based at MGIMO University;
Master's Student, MGIMO University,
76 Vernadsky Prospect, Moscow, 119454, Russia.
E-mail: savchenkova.maria@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the analysis of digital neocolonialism and the issues of ensuring state digital sovereignty amid the transformation of the global digital space. In recent years, the concept of digital sovereignty has been gaining prominence in global political and public discourse: issues related to digital sovereignty are raised at both supranational (the EU, the World Economic Forum) and national levels (for example, Canada). The BRICS countries are not lagging behind this trend: at the current stage, each member state is implementing initiatives aimed at strengthening state digital sovereignty, enshrined in national regulatory frameworks. Some scholars associate this trend with the growing «data colonialism» of transnational digital corporations that exploit population data in exchange for services – a phenomenon referred to in the literature as digital neocolonialism. The study sets the following objectives: first, to clarify the concept of «digital sovereignty» based on contemporary domestic and international academic approaches; second, to conduct a comparative analysis of the institutional, legal-regulatory, and strategic foundations of BRICS member states' policies on protecting digital sovereignty; third, to formulate and substantiate a scenario for the development of BRICS cooperation on digital sovereignty protection in the context of international challenges posed by digital neocolonialism. The purpose of this article is to identify the current political course of the BRICS countries in protecting digital sovereignty in response to emerging challenges of digital neocolonialism. To achieve this aim, the study seeks to identify the key features of digital sovereignty and to define digital neocolonialism; to outline common steps taken by BRICS countries in protecting digital sovereignty; to determine national models of digital sovereignty protection (including new members); and to identify constraints on the development of a common BRICS approach to digital sovereignty. The research employs case study methods, document analysis, the comparative method, and scenario method. The findings make it possible to assess the potential and limits of cooperation among BRICS countries in the field of digital policy and to identify possible directions for developing coordinated approaches to the protection of digital sovereignty.

Keywords: digital sovereignty, digital colonialism, neocolonialism, BRICS countries, protection, Westphalian system, digital environment, transparency

Conflicts of interest: the author has no conflicts of interest to declare

Список литературы / References:

Calandro, E. (2025). South African digital sovereignty at the crossroad of securitization and development. In: Schiffrin, A., Donahue, E. & Mancini, M. (eds.). *Digital Sovereignty in the BRICS Countries*. Cambridge: Cambridge University Press, 81–102.

Chipangura, B. & Gustave, D.-N. (2022). Securing the cybersafety of South African online high school learners beyond COVID-19. *The Journal for Transdisciplinary Research in Southern Africa*, 18 (1), Article a1256. DOI: 10.4102/td.v18i1.1256.

Cong, W. (2025). The spatial expansion of China's digital sovereignty. In: Schiffrin, A., Donahue, E. & Mancini, M. (eds.). *Digital Sovereignty in the BRICS Countries*. Cambridge: Cambridge University Press, 63–80.

Digital Sovereignty in the BRICS Countries. (2025). Schiffrin, A., Donahue, E. & Mancini, M. (eds.). Cambridge: Cambridge University Press.

Thumfart, J. (2025). Digital sovereignty in China, Russia, and India. In: Schiffrin, A., Donahue, E. & Mancini, M. (eds.). *Digital Sovereignty in the BRICS Countries*. Cambridge: Cambridge University Press, 41–62.

Vadiati, N. & Mehran, N. (2025). Smart mandate in Iranian cities: from digital sovereignty to the automated oppression of everyday life. *Dialogues on Digital Society*, 1 (3). DOI: 10.1177/29768640251375558.

Barandova, T.L. (2025). Tsifrovaya transformatsiya v stranakh BRIKS+: al'yansy i mezhdunarodstvennyye struktury koordinatsii (obzor zarubezhnogo opyta) [Digital transformation in the BRICS+ countries: alliances and interstate coordination structures (a review of foreign experience)]. *Rossiya v global'nom mire = Russia in the Global World*, 28 (3), 9–31. DOI: 10.48612/RG/RGW.28.3.1. (In Russian)

Ignatov, A.A. (2025). Sravnitel'noe issledovanie politiki po realizatsii tsifrovogo suvereniteta gosudarstva stranami-chlenami BRIKS [A comparative study of digital sovereignty implementation policies in BRICS member states]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsij = International Organisations Research Journal*, 20 (3). DOI: 10.17323/1996-7845-2025-02-04. (In Russian)

Karimnia, R., Maennel, K. & Shahin, M. (2022). Culturally-sensitive cybersecurity awareness program design for Iranian high-school students. In: *Proceedings of the 8th International Conference on Information Systems Security and Privacy (ICISSP 2022)*, 121–132. DOI: 10.5220/0010824800003120.

Krylov, D. (2025). Digital transformation of the United Arab Emirates as a tool of national modernization and foreign policy strategy (2023–2025). *Russia and the Moslem World*, 3 (329), 55–66. DOI: 10.31249/rmw/2025.03.05.

Larionova, M.V. & Shelepov, A.V. (2024). Indiya: formirovanie regulirovaniya tekhnologicheskikh kompanij dlya rosta tsifrovoy ekonomiki [India: shaping the regulation of technology companies for the growth of the digital economy]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsij: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika = International Organisations Research Journal*, 19 (2), 127–144. DOI: 10.17323/1996-7845-2024-02-07. (In Russian)

Lebedeva, M.M. (2008). Politicheskaya sistema mira: proyavleniya «vnesistemnosti», ili novye aktory – starye pravila [The world political system: manifestations of “extra-systemicity”, or new actors – old rules]. In: *“Privatizatsiya” mirovoj politiki: lokal'nye dejstviya – global'nye rezul'taty* [“Privatization” of world politics: local actions – global outcomes]. Moscow: Golden Bee, 53–66. (In Russian)

Morozova, S.S. (2025). Tsifrovoy suverenitet i global'noe sotrudnichestvo: konkuriruyushchie modeli tsifrovogo gosudarstva v Rossii, Kitae, SShA i ES [Digital sovereignty and global cooperation: competing models of the digital state in Russia, China, the USA, and the EU]. *Sotsial'nye i gumanitarnye znaniya = Social and Humanitarian Knowledge*, 11 (3), 224–235. DOI: 10.18255/2412-6519-2025-3-224-235. (In Russian)

Popova, I. (2024). Digital platforms regulation in Brazil: the political context of new laws adoption. *International Organisations Research Journal*, 19 (2), 93–109. DOI: 10.17323/1996-7845-2024-02-05.

Zinovieva, E.S. & Ignatov, A.A. (2024). The role of BRICS in the international ICT security regime. *Russian Journal of World Politics and Law of Nations*, 3 (1), 54–82. DOI: 10.24833/RJW-PLN-2024-1-54-82.

Zinovieva, E.S. & Shitkov, S.V. (2023). Tsifrovoy suverenitet v praktike mezhdunarodnykh otnoshenij [Digital sovereignty in the practice of international relations]. *Mezhdunarodnaya zhizn' = International Affairs*, 3. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2798> (In Russian)

Литература на русском языке:

Барандова Т.Л. (2025). Цифровая трансформация в странах БРИКС+: альянсы и межгосударственные структуры координации (обзор зарубежного опыта). *Россия в глобальном мире*. Т. 28. № 3. С. 9–31. DOI: 10.48612/RG/RGW.28.3.1

Зиновьева Е.С., Шитков С.В. (2023). Цифровой суверенитет в практике международных отношений. *Международная жизнь*. No 3. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2798>

Игнатов А.А. (2025). Сравнительное исследование политики по реализации цифрового суверенитета государства странами-членами БРИКС. *Вестник международных организаций*. Т. 20. № 3. DOI: 10.17323/1996-7845-2025-02-04

Ларионова М.В., Шелепов А.В. (2024). Индия: формирование регулирования технологических компаний для роста цифровой экономики. *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. Т. 19. № 2. С. 127–144. DOI: 10.17323/1996-7845-2024-02-07

Лебедева М.М. (2008). Политическая система мира: проявления «внесистемности»: или новые акторы – старые правила. В: «Приватизация» мировой политики: локальные действия – глобальные результаты / под ред. М.М. Лебедевой. М.: Голден Би. С. 53–66.

Морозова С.С. (2025). Цифровой суверенитет и глобальное сотрудничество: конкурирующие модели цифрового государства в России, Китае, США и ЕС. *Социальные и гуманитарные знания*. Т. 11. № 3. С. 224–235. DOI: 10.18255/2412-6519-2025-3-224-235

Krylov D. (2025). Digital Transformation of the United Arab Emirates as a Tool of National Modernization and Foreign Policy Strategy (2023–2025). *Russia and the Moslem World*. № 3 (329). P. 55–66. DOI: 10.31249/rmw/2025.03.05

The European Union's Strategy for Central Asia: Policy Shift from 2007 to 2025

NIKITA D. RUCHKIN*

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (Russia)

ALEKSEI V. VOVENDA**

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (Russia)

Abstract

European Union has developed close ties with countries of Central Asia since 2007, when the first major EU's strategy for Central Asia was adopted. Throughout these years we saw a visible shift in the relationship between Europe and Central Asian countries, mainly due to geopolitical and regional causes. This article is devoted to the analysis of the changes in EU-Central Asia cooperation strategies of 2007, 2019 and 2023 and the analysis of the joint declaration, published after the first EU-CA meeting in 2025. Authors focus on the main goals and aims of EU in the Central Asia and means to achieve them as stated in aforementioned documents, as well as the evolution of EU-Central Asia relations. Through a comprehensive analysis of official strategy papers, diplomatic engagements and joint declaration the article identifies the main modern goals of EU in the region of Central Asia.

Keywords

European Union, regional policy, cooperation strategies, Central Asia, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan, Uzbekistan

Для цитирования

Ruchkin N.D., Vovenda A.V. (2026). The European Union's strategy for Central Asia: policy shift from 2007 to 2025. *Governance and Politics*. 5(2). С. 70–85. DOI: 10.24833/2782-7062-2026-5-2-70-85

Conflicts of interest

the author has no conflicts of interest to declare

* Nikita D. Ruchkin – Master Student, Graduate School of International Relations, The Institute of Humanities, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint-Petersburg 195251, Russia. E-mail: nick.koulu@gmail.com

** Aleksei V. Vovenda – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Graduate School of International Relations, The Institute of Humanities, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint-Petersburg 195251, Russia. E-mail: vovenda-1c@mail.ru

European Union and its countries emerged as political players in Central Asia after the USSR collapse and “sovereignty parade” (Roy, 2000). Western countries were interested in the geographical position of the region as well as in the natural resources stored in the region (Roy, 2000). In the beginning of European-Central Asian relationship all countries included in this region were stated as “dictatorships, with notable exception of the Kyrgyz republic” (Roy, 2000). Therefore, main goals in building relationship between the West Countries and Central Asia were stated as promoting democratic values, primacy of the law and human rights. These three points laid the foundation for all future EU-CA relations and were reflected in all EU strategies for Central Asia.

European Union started its complex interaction with the region in 2007¹, year when first ever strategy for Central Asia was adopted. After that strategy was updated in 2019² following the geopolitical shift on the Eurasian continent. Turning point in the EU-CA relations was adopting the 2023 “Joint Roadmap for Deepening Ties between the EU and Central Asia”³. This document showed the growing connection between the two regions. In this article authors examine the shift in the EU strategy towards Central Asia throughout the three editions of

the document. Considering the joint EU-CA Summit⁴ held in April 2025 in Samarkand, Uzbekistan, it is essential to analyze the level of connection and cooperation between European Union and Central Asia countries.

The following research methods were used: 1) source analysis – a comprehensive study of EU strategies and declaration after Samarkand’s Summit; 2) comparative analysis – it contains comparison of EU goals and aims in the Central Asia before and now, to make an informative conclusion on prospects of such cooperation; 3) cross-regional analysis – listing of connections between EU- and CA-countries, to conclude the trends for this relationship.

Official EU strategies, documents, news articles and scientific reports were used as sources for the research. For the comparison of the strategies’ goals model proposed by the UN Economic and Social Commission for Asia and the Pacific (UNESCAP)⁵ was used.

* * *

First EU strategy for Central Asia (2007). The first ever European Union strategy towards EU was adopted on 31st of May 2007 as the 10113/07 Council of the European Union document⁶. It described Central Asia as a region, that has a “centuries-old tradition of bringing Europe and Asia together”⁷.

¹ The EU strategy for Central Asia 2007. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-10113-2007-INIT/en/pdf> (accessed 10.02.2026)

² The EU strategy for Central Asia 2019. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/fact-sheet_centralasia_2019.pdf (accessed 10.02.2026)

³ Joint Roadmap for Deepening Ties between the EU and Central Asia 2023. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-14587-2023-INIT/en/pdf> (accessed 10.02.2026)

⁴ EU-Central Asia Summit (Samarkand, 4th April 2025) // Joint Declaration. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-7745-2025-REV-1/en/pdf> (accessed 10.02.2026)

⁵ Regional cooperation: conceptional framework and Asia-Pacific experience // UNESCAP. URL: https://www.unescap.org/sites/default/files/ch2_0.pdf#:~:text=Although%20trade%20liberalization%20is%20usually%20at%20the,e%2Dcommerce%2C%20transport%2C%20energy%20and%20other%20infrastructure%20services (accessed 10.02.2026)

⁶ The EU strategy for Central Asia 2007. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-10113-2007-INIT/en/pdf> (accessed 10.02.2026)

⁷ Ibid

“The first ever strategy adopted by EU in 2007 was presented as the first document that provided the region the key areas for development as well as the goals and instruments to tackle some of the regional problems” (Apokins, 2015). In our research we divided the goals of the strategy according to the model proposed by the UN Economic and Social Commission for Asia and the Pacific (UNESCAP)⁸. These areas are as follows: cooperation in financial issues; in ICT, transport, infrastructure and energy; in research, academic and cultural exchange; in trade, investment and technology transfer; in political and security issues.

The first sphere of cooperation mentioned in the UNESCAP model is the “cooperation in financial issues”. According to the strategy EU is to support economic diversification and further integration of Central Asia into the world trade. As well, “EU is aimed to support the Central Asian states’ effort to implement and improve EU Partnership Agreements”⁹. Economic interactions between two parties are also to be based on the funds delivered through the regional organizations”.

Considering this EU emphasized the importance of Partnership and Cooperation Agreements (PCAs) between EU and Central Asian countries. The strategy also mentions “the importance of the regional organizations in terms of building cooperation channels between European Union and Central Asian countries”¹⁰.

Second and third spheres of cooperation were “Cooperation in ICT, transport, infrastructure and energy” and “Cooperation in trade, investment and technology transfer”. Here EU aims to improve transport connections and strengthen energy sector since the theme of energy sources plays crucial role in all EU’s strategies for the Central Asia. European Union mostly focuses on providing technological solutions and supporting renewable energy enlargement in the Central Asian countries.

These goals are closely interconnected with the first financial sphere, but here EU for the first time mentions the idea of European companies and countries investing in the Central Asian countries and promoting trade relations between two regions. This sphere is considered the “professional” one, as it speaks to the governments and businesses of the region and the development of economic situation in the region. In this regard cooperation was conducted with the help of the European Bank for Reconstruction and Development (EBRD) and bilateral projects between EU-countries and Central Asian countries. Significant amount of financial aid was provided through the Central Asian Regional Economic Cooperation (CAREC) program¹¹. More thoroughly cooperation between EU and Central Asian countries with help of this initiative will be analyzed later on. The first strategy focused mainly on securing transport connections and energy resources for stabilizing

⁸ Regional cooperation: conceptional framework and Asia-Pacific experience // UNESCAP. URL: https://www.unescap.org/sites/default/files/ch2_0.pdf#:~:text=Although%20trade%20liberalization%20is%20usually%20at%20the,e%2Dcommerce%2C%20transport%2C%20energy%20and%20other%20infrastructure%20services (accessed 10.02.2026)

⁹ The EU strategy for Central Asia 2007. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-10113-2007-INIT/en/pdf> (accessed 10.02.2026)

¹⁰ Ibid

¹¹ European Bank for Reconstruction and Development. 2025 // CAREC Program. URL: https://carecprogram.org/?page_id=8768. (accessed 14.02.2026).

production chains in the region (Apokins, 2015). Also, one of the main goals in this regard was “supporting renewable energy sources and combating environmental challenges”¹².

Fourth sphere of cooperation considered is also of a great importance as it speaks to the societal aspect of the relationship: “Cooperation in research, academic and cultural exchange”. Here the main goals of the strategy are to develop and improve the education system and to encourage intercultural dialogue. These goals speak to the humanitarian aid programs in the region and to unifying the educational standards in the EU-countries and in the Central Asia. To be competitive, work force in the region should be well-educated and possess basic skills for their occupation. Therefore, different programs were started to enhance the education level in the Central Asian countries. The most important program mentioned in this strategy is “The EU-Central Asia Education Initiative”¹³. The program’s goal is to align the higher education systems with the European Bologna Process. Most of the funds aimed to develop connections between Central Asian and European higher education institutions in such qualifications as short cycle, bachelor, master and doctorate¹⁴. Global educational initiative such as Erasmus Mundus and Erasmus+ also become present for Central Asian students making it easier to achieve European level of education (Yun, Pakulin 2025). In the field of the intercultural dialogue EU is

committed to its “White Paper on Intercultural Dialogue”¹⁵.

And the last but not least fifth sphere of cooperation was “political and security issues”. The most important goals here are enhancing cooperation on human rights and implementation of the rule of law. The other goal of the EU and Central Asian countries is to combat common threats and challenges.

Considering Central Asia geographical border with Afghanistan, EU most important goal was and remains “keeping stability in the region and providing security for its economic partners” (Apokins, 2015). EU assessed the need of the counter-crime measures on the countries’ borders, to control arms, drug, and people trafficking in the region. To tackle this, EU reaffirmed its commitment to support Border Management Programme in Central Asia (BOMCA), that was launched in 2003 and provides technology and experience to the Central Asia countries’ custom services¹⁶. EU-countries, such as Lithuania, Hungary, Italy, Poland and the leader of BOMCA – Latvia, all of them contributed funds and personnel to develop border security and train custom workers. The EU’s goal was to provide Central Asia its EU Rule of Law initiative to develop fair and modern judicial system in accordance with international standards. This was in line with the EU’s long-term interests in the region. The 2009 EU Rule of Law Initiative report states “The Central Asian states possess both traditional and

¹² The EU strategy for Central Asia 2007. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-10113-2007-INIT/en/pdf> (accessed 14.02.2026)

¹³ The EU-Central Asia Education Initiative – EUCAM. URL: <https://eucentralasia.eu/the-eu-central-asia-education-initiative/> (accessed 14.02.2026)

¹⁴ EU cooperation in education in Central Asia. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/eu_cooperation_in_education_in_central_asia_2.pdf (accessed 14.02.2026)

¹⁵ White Paper on Intercultural Dialogue: “Living Together as Equals in Dignity”// Council of Europe, 2008. URL: https://www.coe.int/t/dg4/intercultural/source/white%20paper_final_revised_en.pdf (accessed 14.02.2026)

¹⁶ Home – BOMCA. URL: <https://www.bomca-eu.org/en/> (accessed 12.02.2026).

Soviet legacies within their legal systems, which make them susceptible to personalism, patronage and corruption. Such tendencies can be overturned, but it will take a generation and a serious, well-planned commitment from the EU marked by clearly stated benchmarks, a substantive publicly

agreed document, and greater transparency and coordination among the technical programmes on the ground”¹⁷.

Using the aforementioned UNESCAP model we divided these goals in the following Figure 1, as all mentioned spheres and their goals focuses on the regional stability

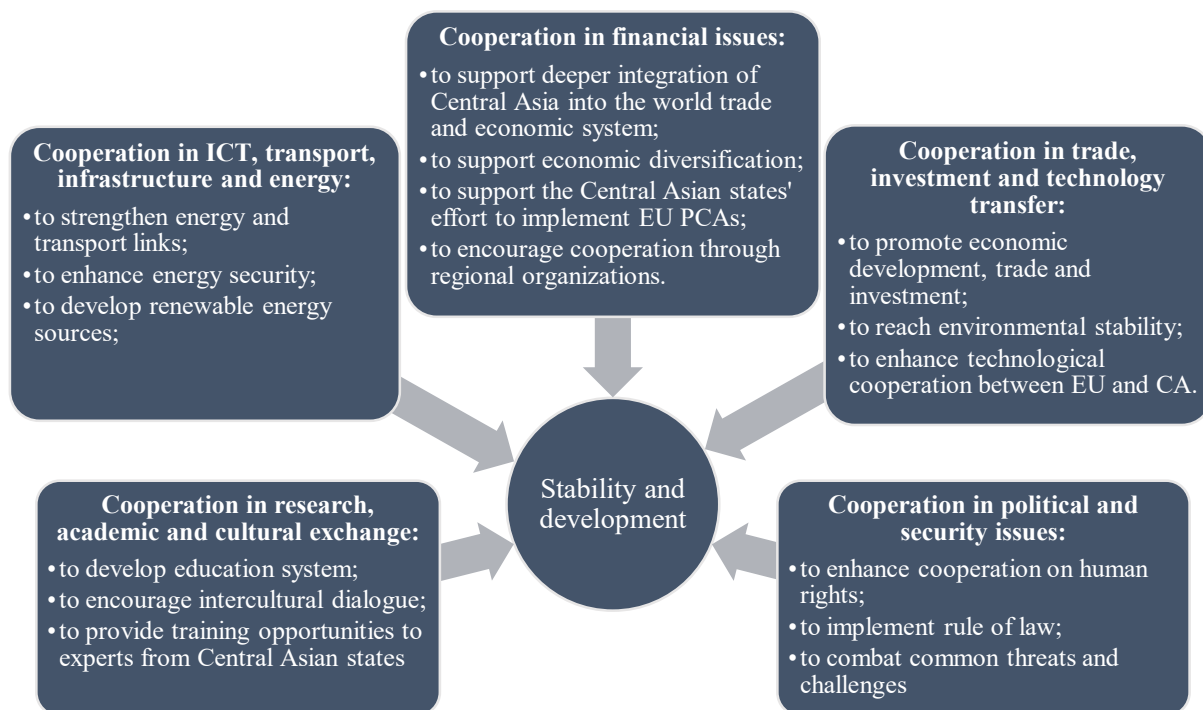

Figure 1. EU 2007 strategy's goals in the framework of the regional cooperation spheres model

and development.

The 2007 EU strategy framed independently-emerged Central Asian countries as a new strategic partnership. Goals and aims of the first document encompassed all of the spheres leading to the developing relations. If we to categorize the priority of the goals to their appearance in the document, we can observe that the most important areas are human rights and the rule of law. After that we will see the financial and cultural spheres which encompass development

of education and new trade and investment opportunities. As well, EU aims to include Central Asian countries to work closer with European Union's institutions in the field of common matters. Energy sector emerged in the first strategy but it is yet to be much more implicated into the future EU goals and aims in the region.

Second EU strategy for Central Asia (2019). First EU strategy was aiming for a five-year period after its adoption – Europe-

¹⁷ The EU's Rule of Law Initiative in Central Asia – EUCAM. URL: <https://eucentralasia.eu/the-eus-rule-of-law-initiative-in-central-asia/> (accessed 12.02.2026)

an Council reviewed the results of the cooperation in 2013¹⁸. Most of them weren't as satisfying, as was expected, though EU saw the challenges as opportunities for renewing cooperation strategy (Mikhailenko, Sukhrob, 2019). One of the main reasons and the sign of progress of EU-CA cooperation was the establishment of the European Commission representatives in Turkmenistan – last Central Asian country without proper EU representation (Prokhorenko, 2019). The boost to renewing strategy was drafted in the 2017, where EU reaffirmed their commitment to develop a strong and durable relationship with Central Asia¹⁹.

Considering proposed UNESCAP model we will start by the “cooperation in financial issues” and “cooperation in trade, investment and technology transfer” spheres of regional cooperation. Financial goals include moving towards common rules and a more integrated regional market and as part of this lays the economic modernization and further cooperation in the framework of the PCAs. Trade and investment goals according to the strategy include promotion of an open investment environment and regional exchanges on the business environment. Then the goal of growth of small and medium-sized enterprises is set to achieve job creation.

As we can examine, the economic part of the strategy became less vague since the 2007 strategy. Now with the help of its instruments drafts the EU's goal is presented

in the development of a clear plan to make Central Asian countries competitive on the global market. That includes further investments in the infrastructure of the region, in the promising companies and of course in the energy sector. In regard to the first four goals EU continued its work through EBRD and CAREC²⁰. Up until 2019 EBRD invested around €1.4 billion in Central Asia countries (Smolaga, 2019). Projects included the development of transport routes and energy plants. The European Union also promoted future cooperation between the Union and Central Asian countries within the framework of the WTO²¹.

It is also important to mention EU's special initiative launched two years after renewing the 2007 strategy. EU started Global Gateway project to counter China's Belt and Road Initiative (BRI) (Tagliapietra, 2024). Its aim is to promote EU goals on the global level and to invest in the global infrastructural development. And according to the initiative Central Asia is considered one of the most important regions that require funds for regional development. “This initiative and bilateral cooperation between EU-members and Central Asian countries can provide know-how solutions to the management and economic modernization (like “Team Europe” program)”²². According to the statistics, Foreign Direct Investments (FDI) in the Central Asian Countries in the period between the two strategies (2007-2019) reached \$378.2 billion²³. European Union

¹⁸ The EU strategy for Central Asia 2019. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/fact-sheet_centralasia_2019.pdf (accessed 14.02.2026)

¹⁹ Ibid.

²⁰ European Bank for Reconstruction and Development. 2025 // CAREC Program. URL: https://carecprogram.org/?page_id=8768. (accessed 14.02.2026).

²¹ Second Central Asia Trade Policy Forum: Economic integration through WTO accession and membership. URL: https://www.wto.org/english/thewto_e/acc_e/acc_0306202409_e/acc_0306202409_e.htm. (accessed 14.02.2026)

²² Team Europe in Central Asia. URL: https://eucentralasia.eu/wp-content/uploads/2024/12/EUCAM_PB40_EU-Central-Asia-EU-development-cooperation-with-Central-Asia-From-abstract-to-concrete_261124.pdf (accessed 14.02.2026).

²³ FDI to Central Asia Reached 378.2 billion Over Past 13 years. URL: <https://astanatimes.com/2020/12/fdi-to-central-asia-reached-378-2-billion-over-past-13-years/> (accessed 16.02.2026)

invested 40% of that (roughly \$151.28 billion). The main beneficiary of these investment was Kazakhstan with 77.7% of these FDI²⁴.

Third sphere of “cooperation in ICT, transport, infrastructure and energy” was now limited to the main ideas of then to-be-implemented Global Gateway principles of sharing know-how solutions in the sphere of energy. “Cooperation in research, academic and cultural exchange” mostly continues the last strategy’s goals of fostering research and innovation skill development for youth.

Here we see a continuation of the previous strategy’s goals but with a positive out-come. EU continues to support educational programs in Central Asia, provides know-how solutions to higher education and further implementation of the Bologna Process²⁵. In 2010 Kazakhstan was the first Central Asian country to join the Process, making it easier for students from the other Central Asian countries to apply for a higher education program in Kazakhstan. And in this regard EU continues to support the development of educational programs in Central Asia (like Central Asia Education Platform²⁶).

EU also support Central Asian countries pursuit of stable network system. With help of the European Delivery of Advanced

Network Technology to Europe (DANTE) company EU managed to replace existing satellite connections with a high-speed internet network. This was done with an aim to interlink more than 500 universities in the Central Asian countries allowing them to share knowledge and to have stable access to the World Web²⁷.

The goals of the fifth sphere of “cooperation in political and security issues” now were focused on the goals that weren’t fully achieved through cooperation in the framework of the 2007 strategy. And the goals became much clearer compared to the previous ones with promoting peace in Afghanistan being the cornerstone of the security sphere. Also, EU aims to cooperate further on promoting human rights and the rule of law. For this to work the delivery of successful reforms is also considered as one of the political goals.

In regard to the “Security” goals it is important to refer to the EU Council’s report on the strategy²⁸. So according to the strategy EU aims “to support Central Asian countries’ right to participate in building the region’s security framework”²⁹. The Union acknowledges that Central Asia countries are “to determine the best structures and mechanisms to promote dialogue and cooperation in the region at their own pace, region-to-region dialogue”³⁰. According to

²⁴ FDI to Central Asia Reached 378.2 billion Over Past 13 years. URL: <https://astanatimes.com/2020/12/fdi-to-central-asia-reached-378-2-billion-over-past-13-years/> (accessed 16.02.2026)

²⁵ Development of the Central Asian Higher Education Area based on the principles of the Bologna Process. URL: <https://www.in-global.eu/wp-content/uploads/2024/02/2.Presentation-of-the-CA-HEA-Central-Asian-Higher-Education-Area-discussion-on-possible-cooperation.pdf> (accessed 18.02.2026)

²⁶ Central Asia education Platform (CAEP) – Project overview. URL: <https://pegotec.net/portfolio/central-asia-education-platform-caep/> (accessed 18.02.2026)

²⁷ The EU Education Initiative for Central Asia five years on: lessons learnt? EUCAM. URL: <https://eu-centralasia.eu/the-eu-education-initiative-for-central-asia-five-years-on-lessons-learnt/> (accessed 18.02.2026)

²⁸ Council Conclusions on the New Strategy on Central Asia. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/39778/st10221-en19.pdf> (accessed 18.02.2026)

²⁹ Ibid

³⁰ Ibid

the strategy Central Asian countries play the key role in supporting peace processes in Afghanistan³¹. Therefore, EU encouraged further political and economic engagement between countries. This process was expected to lead to the stabilization of the region that would lead to economic development of Central Asian countries. Undoubtedly, the EU's economic interests were considered as well. EU also reaffirmed the

statement of 2007 strategy considering the "promotion and protection of the rule of law (in the frame-work of the EU Rule of Law Initiative³²), of human rights and fundamental freedoms"³³.

Considering the reviewed goals, we are again to divide them into the spheres of regional cooperation by the model provided by the UNESCAP. This scheme is depicted in the Figure 2.

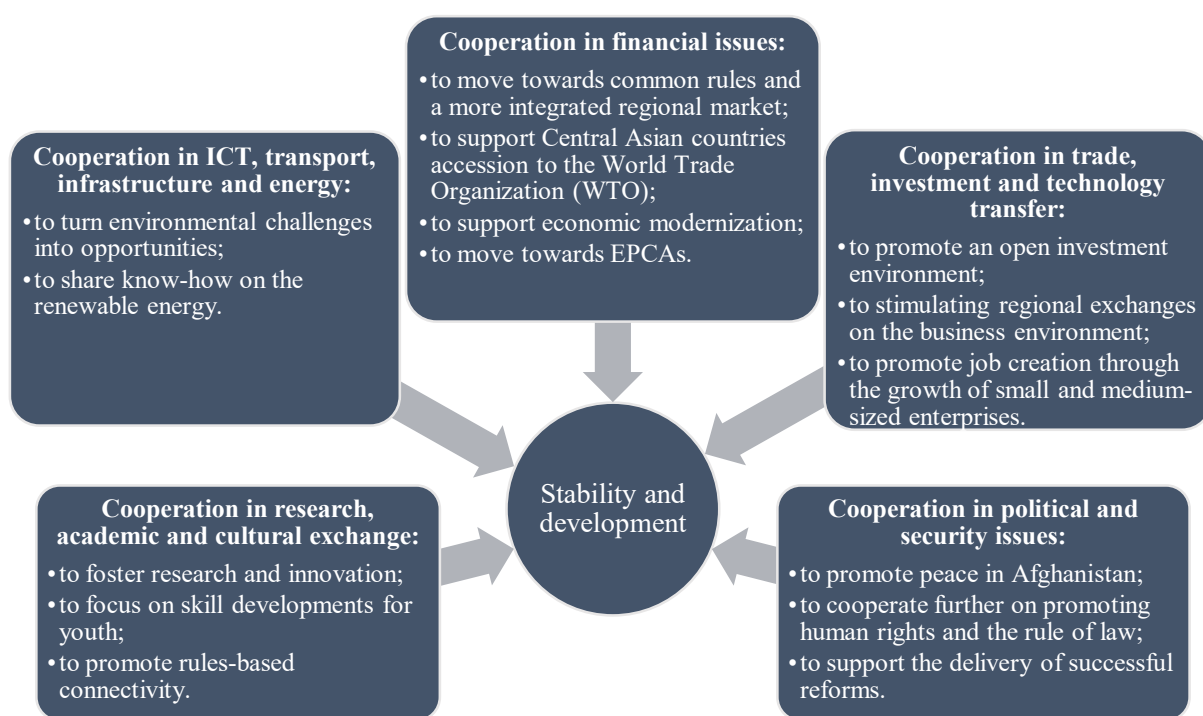

Figure 2. EU 2019 strategy's goals in the framework of the regional cooperation spheres model

New 2019 strategy became more economically-, politically- and security-focused. The achieved progress in the infrastructural, research and technological areas is mirrored in the continuation of the goals mentioned in 2007 strategy. As we can observe from the previous mentioned Global Gateway project – new strategy was meant

to compete with the growing China's BRI interest in the region. The cornerstone of the document remains so-called "resilience" sphere which include issues of political and security concerns. The goals now are leaned for a better balance between EU's and Central Asian countries' interests.

³¹ Council Conclusions on the New Strategy on Central Asia. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/39778/st10221-en19.pdf> (accessed 18.02.2026)

³² The EU's Rule of Law Initiative in Central Asia – EUCAM. 2009. URL: <https://eucentralasia.eu/the-eu-rule-of-law-initiative-in-central-asia/>. (accessed 18.02.2026)

³³ Ibid

Joint Roadmap for Deepening Ties between the EU and Central Asia (2023). The Joint Roadmap became the formal declaration to show the EU and Central Asian countries cooperation³⁴. The introduction to the document mentions that “in the current geopolitical context, new challenges as well as new opportunities have arisen for both EU and Central Asia”³⁵. The Joint Roadmap didn’t have a set of basic goals like in the first strategies. This time it was divided into five key areas which all had clear actions to be undertaken by EU and Central Asian countries in the near future. The document underlined the interest of both EU and Central Asia in deeper cooperation.

In the review of this document we will combine the UNESCAP model we used and the EU’s classification of the strategy’s “key areas”. In the text of the article we will use the EU classification of the goals. In the final visualization we will use the UNESCAP model to ensure continuation of examining strategies through the lens of this model.

Key area number one is called “Deepening the interregional political dialogue and cooperation”. These tasks were presented as the basis of future cooperation – political agreements between EU officials and Central Asian countries’ officials. The new strategy proposed a new mechanism for the EU-CA relationship which is the planned joint summit that was to take place in 2024

(then it was rescheduled to be held 2025) in Uzbekistan. Also, the new strategy mentioned the necessity of regular meetings between the EU and Central Asia especially the annual ministerial meetings. This area also included the continued support for the Rule of Law initiative, defense of the international law and setting labor standards. Thus, the compliance with European standards to work with the EU was underlined once more. “Central Asian countries are to imply European (or EU-approved) standards in key political areas to continue their cooperation”³⁶.

The next Joint Roadmap’s key area is deeply connected with the first one through the setting European-like standards for now economic, trade and investment spheres³⁷. “European Union undertakes the responsibility of organizing the biennial EU-CA economic forum with focusing on the Global Gateway initiative”³⁸. The Global Gateway became one of the most important economic tools of the European Union in its cooperation with other regions. “With all its bureaucratic struggles and economic standards’ differences with the Central Asian countries – both regions seem to be interested in deepening economic cooperation”³⁹. This key area of the Joint Roadmap also aims to “support the European investments and opportunities for European business in Central Asian countries, as well as developing

³⁴ Joint Roadmap for Deepening Ties between the EU and Central Asia 2023. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-14587-2023-INIT/en/pdf> (accessed 10.02.2026)

³⁵ Ibid

³⁶ Ibid

³⁷ Ibid

³⁸ Global Gateway: Commissioner Sikela reinforces EU-Central Asia partnership to boost prosperity - International Partnerships. URL: https://international-partnerships.ec.europa.eu/news-and-events/news/global-gateway-commissioner-sikela-reinforces-eu-central-asia-partnership-boost-prosperity-2025-03-20_en. (accessed 18.02.2026)

³⁹ David and Goliath: The EU’s Global Gateway versus China’s Belt and Road Initiative. <https://www.bruegel.org/newsletter/david-and-goliath-eus-global-gateway-versus-chinas-belt-and-road-initiative>. (accessed 18.02.2026)

skills of Central Asian entrepreneurs to enter the European market”⁴⁰. Therefore, according to the strategy EU gives an opportunity for Central Asian goods and workers to enter European market. Though the total turnover of the EU’s trade with Central Asia remains low, EU is region’s main export destination with about a third of its overall exports. According to the official EU statistics “EU goods imports from Central Asia continue to increase (by 68% in 2024), but exports from the EU to Central Asia decreased slightly (by 5%)”⁴¹.

The next Joint Roadmap’s key area focuses on “engaging on energy, climate neutral economy and cooperating on the European Green Deal (EGD) through the development of intraregional connectivity projects (such as CAREC for example, which remains one of the main EU regional instrument to support the development of the Central Asian countries”⁴²). Regions are “to develop together the connectivity through a sustainable Trans-Caspian Transport Network to establish a stable flow of goods”⁴³. In the shifting geopolitical stage both EU and Central Asia need to create a safe connection route as an alternative to the Silk economic route. This is supported by the Article G of the third key area of the

document that states that EU and Central Asia are to “explore linkages with Eastern Partnership (Armenia, Azerbaijan, Georgia, Moldova) countries in the Southern Caucasus and with like-minded partners in key connectivity...”⁴⁴. EU also mentions the necessity of developing a digital connectivity network between the Central Asian countries. To this point EU focuses on the “Global gateway strategy of Digital interconnection” and working towards “providing broadband Internet access to rural areas”⁴⁵.

The next Joint Roadmap’s key area is connected with energy and resources. Most of the articles are focused on the European Green Deal and its interconnection with Green Central Asia Initiative, Regional Green Agenda Program, addressing “climate change, protecting biodiversity and water resources”⁴⁶. As was mentioned in the previous strategies EU continues to support Green energy solutions in Central Asian countries. In February 2026 ministers of Foreign affairs of Central Asia reassured the cooperation between their countries and “EU declared an aim to achieve goals mentioned in the Joint Roadmap”⁴⁷. These ecological projects also include addressing the Aral Sea problem and “supporting the legal framework for the International Fund for saving the Aral Sea”⁴⁸.

⁴⁰ Joint Roadmap for Deepening Ties between the EU and Central Asia 2023. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-14587-2023-INIT/en/pdf> (accessed 20.02.2026)

⁴¹ EU trade relations with Central Asia. Facts, figures and latest developments. URL: https://policy.trade.ec.europa.eu/eu-trade-relationships-country-and-region/countries-and-regions/central-asia_en (accessed 20.02.2026)

⁴² European Union - Central Asia: opportunities for cooperation in the field of environmental protection and water management. URL: <https://carececo.org/en/main/news/EU-CA-partnership/> (accessed 20.02.2026)

⁴³ Joint Roadmap for Deepening Ties between the EU and Central Asia 2023. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-14587-2023-INIT/en/pdf> (accessed 20.02.2026)

⁴⁴ Ibid

⁴⁵ Ibid

⁴⁶ Ibid

⁴⁷ Berlin Declaration by the Ministers of Foreign Affairs of Central Asia and Germany. German Federal Foreign Office. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/en/newsroom/news/2755728-2755728> (accessed 20.02.2026)

⁴⁸ Joint Roadmap for Deepening Ties between the EU and Central Asia 2023. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-14587-2023-INIT/en/pdf> (accessed 20.02.2026)

Next Joint Roadmap's key area is to address the common security challenges. Most of the points are focused on the continuing work between governments of the Central Asian countries and EU-members "in the framework of European security organizations, such as European Peace Facility (EPF), EU-CA High Level Political and Security Dialogue (HLPSPD), European Security and Defense College (ESDC) and United Nations Regional Centre for Preventive Diplomacy for Central Asia (UNRCCA)"⁴⁹. Centre of attention here remains the "Afghanistan issue" where EU and Central Asian countries are to "develop common approaches for a peaceful and prosperous Afghanistan"⁵⁰. Also, document mentions the necessity to tackle violent extremism, terrorism, disinformation, human and drug trafficking by developing joint solutions and strengthening border control (as was mentioned in the previous strategies).

The last Joint Roadmap's key area is dedicated to strengthening people-to-people contacts and mobility. EU is "set to support joint training programs for diplomats to continue EU-CA dialogue. European Union (together with regional organizations such as CAREC and countries' government) tend to expand on the tourist sector cooperation"⁵¹. "EU promotes the concept of the "Central Asian Cultural Capitals" to attract tourists and to connect these cities with the respective European Cultural Capitals"⁵². Both regions aim to strengthen cooperation in the educational sphere building on the Erasmus+ Mobility partnership, Horizon Europe program and EU-countries scholarships⁵³.

Now, as was mentioned in the beginning of the chapter we are to visualize the reviewed goals in the UNESCAP model with considered modifications. The Joint Roadmap's goals are depicted in the Figure 3.

Adopted Joint Roadmap provided a clear step-to-step instruction for future deepening ties. Following the 2025 Joint summit it is safe to say that EU is deeply interested in continued development of EU-CA prosperous relations. The sphere of political and security issues got divided into two different key areas. That shows the EU's and Central Asian countries' concern specifically in the political and security issues. More specified energy sector goals mark the common interest in the energy, climate neutral economy and further cooperation with the help of Global Gateway framework and other regional organizations. It institutionalizes dialogue and cooperation and set clear goals for every sphere touched in the document. EU turns to a more pragmatic-based approach: economic tools and transport corridors combined with renewed energy projects.

EU-CA summit in Samarkand, April 4th 2025. The EU-CA Summit was held on April 4, 2025, in Samarkand, Uzbekistan, under the motto "Investing in the Future." The summit itself, as well as the agenda, suggests that this high-level meeting was an important step in building strategic relations between the EU and Central Asian countries. The importance of the event is further emphasized by the status of the participating officials. "The summit was attended by the Heads of State of the five Central Asian countries, EU high-ranking officials, includ-

⁴⁹ Joint Roadmap for Deepening Ties between the EU and Central Asia 2023. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-14587-2023-INIT/en/pdf> (accessed 20.02.2026)

⁵⁰ Ibid

⁵¹ Ibid

⁵² Ibid

⁵³ Ibid

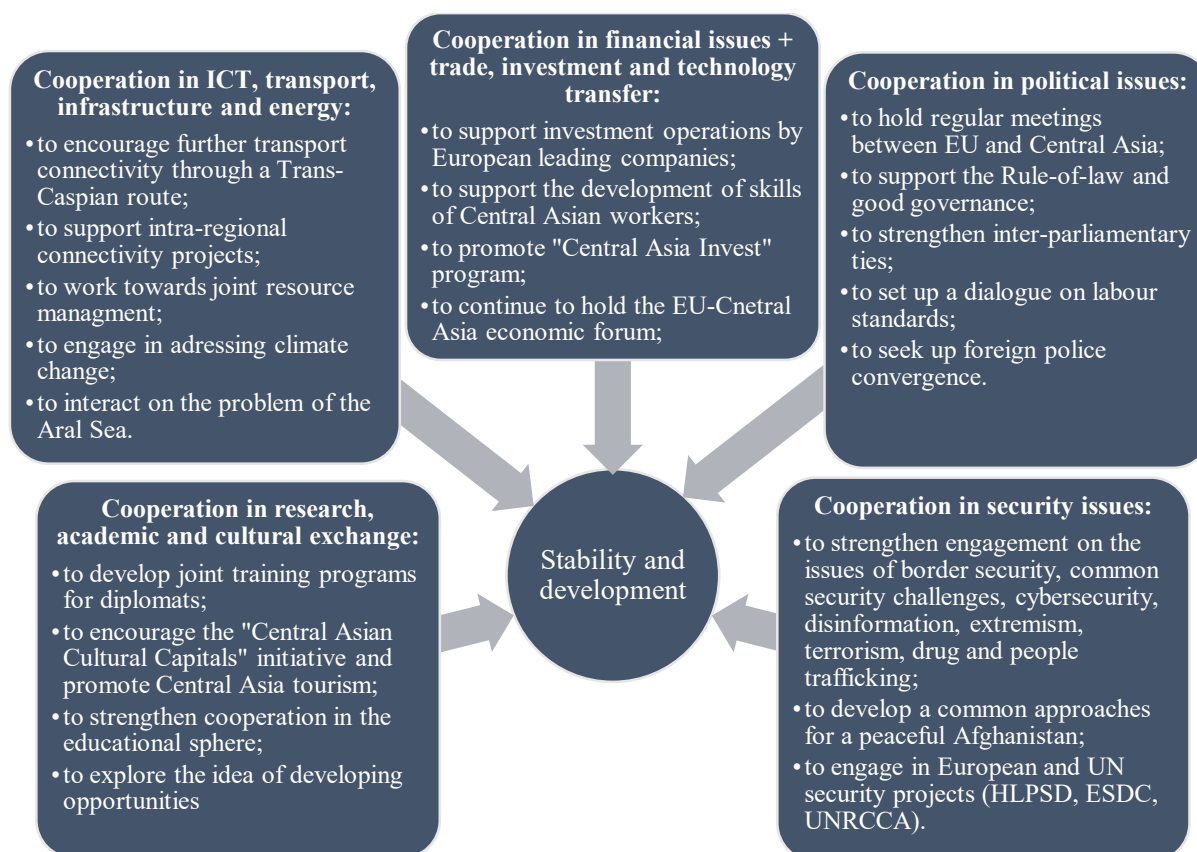

Figure 3. EU 2023 Joint Roadmap's goals in the framework of the regional cooperation spheres model

ing the Presidents of the European Council and the European Commission, as well as the President of the European Bank for Reconstruction and Development”⁵⁴. It is noteworthy that the first summit, which brought together all the relevant high-ranking officials followed a series of previous meetings, visits (such as the series of visits by Josef Sikel, the European Commissioner for International Cooperation, in March 2025), and high-level consultations between the EU and the Central Asian countries.

The summit's agenda covered the following topics: “strengthening multilateral cooperation, addressing common security chal-

lenges, energy issues, developing trade and investment ties etc.”⁵⁵ The Joint Declaration following the first European Union-Central Asia summit stated that the parties “reaffirming our commitment to deeper cooperation in an evolving global and regional geopolitical landscape, have decided to upgrade relations between the European Union and Central Asia to a strategic partnership”⁵⁶.

Nevertheless, despite the challenging goal, the summit showed that the parties, especially the EU, “are predominantly focused on energy and trade, without considering cooperation in all the declared areas in a comprehensive manner at the

⁵⁴ First EU-CA summit: main results. URL: <https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/per-viy-sammit-es-tsentrallynaya-aziya-klyuchevye-itogi> (accessed 20.02.2026)

⁵⁵ Ibid

⁵⁶ Joint Declaration following the first European Union-Central Asia summit. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2025/04/04/joint-declaration-following-the-first-european-union-central-asia-summit/> (accessed 20.02.2026)

current time”⁵⁷. For example, the International Climate Forum did not take place on the sidelines of the summit. Specific project initiatives were in the fields of energy and economics were discussed: an investment package of €12 billion⁵⁸ through the Global Gateway strategy and energy cooperation through the development of the Trans-Caspian Transport Corridor infrastructure. The choice of these two topics is obvious since the EU is one of the top three trading partners in Central Asia, as confirmed by a series of Enhanced Partnership and Cooperation Agreements (EPCAs). Energy is considered a key issue for the EU in terms of diversifying its energy market.

Undoubtedly, the summit is an important event in strengthening relations between the EU and Asian countries within the adopted Joint Roadmap for Deepening

Ties between the EU and Central Asia 2023. However, the existing documents aimed at strengthening a comprehensive partnership are declarative in nature, and the roadmap can be adjusted. The following question remains open: whether holding such comprehensive summits is part of the EU’s strategy to strengthen its status as a common strategic partner in the region, aimed at implementing bilateral agreements under the Enhanced Partnership and Cooperation Agreements (EPCAs).

Strategy shift from 2007 to 2025

To evaluate the current EU-Central Asia relations it is necessary to compare the existing bilateral agreements – the results are presented in Table 1.

Table 1.

Level of cooperation between the EU and Central Asian countries

Country	PCA	EPCA	Characteristics of cooperation
Kazakhstan	Yes, in force since 1999	Yes, signed in 2020	Deepest & most advanced partnership. EU’s EPCA covers 29 areas beyond trade (like justice, energy, transport, environment, human rights). Key EU energy and raw materials partner. Enhanced political dialogue.
Kyrgyzstan	Yes, in force since 1999	Yes, signed in 2024	Standard PCA cooperation with prospects of developing EPCA. Engagement under EU’s “Global Gateway”. Focus on Rule of Law and Education initiatives. Member of EU’s GSP+ scheme.
Tajikistan	Yes, in force since 2004	Not yet, talks initiated in 2025	Standard PCA cooperation with prospects of developing EPCA. Development cooperation focus on education, health, rural development. Strategic cooperation in water-energy/security context (border management).
Turkmenistan	Signed 1998, but not ratified	No	Most limited formal framework. Relations governed by the 1998 Interim Trade Agreement. Political dialogue is regular but formal integration is low. Key interest is energy (gas) and connectivity.
Uzbekistan	Yes, in force since 1996	Yes, signed in 2025	Rapidly deepening partnership. Post-2016 reform agenda opened doors. EPCA signature marks strategic upgrade. Strong cooperation in rule of law, economic modernization, green transition. An EU GSP+ beneficiary.

We also created a timeline of the EU-Central Asia cooperation relationship development with the information from strategies,

realized projects, agreements and cooperation treaties in Figure 4:

⁵⁷ First EU-CA summit: main results. URL: <https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/per-viy-sammit-es-tsentrallynaya-aziya-klyuchevye-itogi> (accessed 20.02.2026)

⁵⁸ Ibid

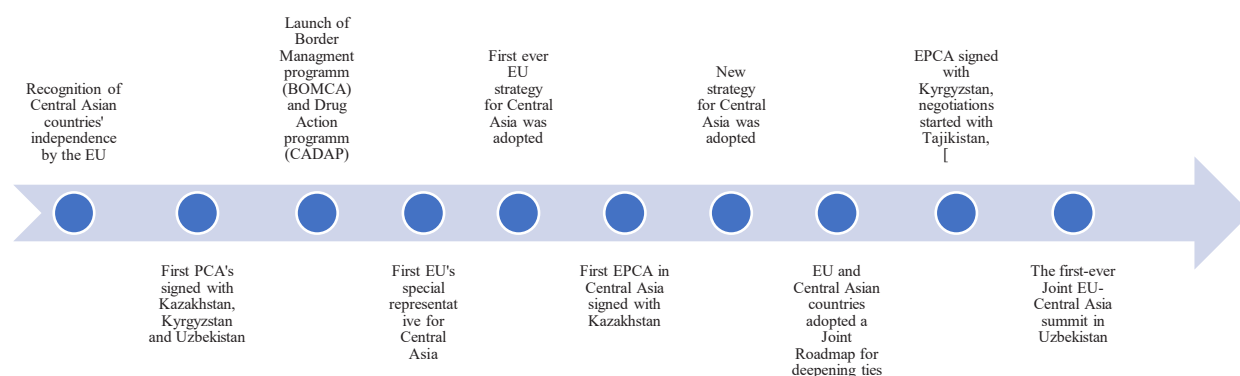

Figure 4. Timeline of EU-CA relationship development

To sum up, the shift in EU's policy in the Central Asia shows the growth of its interest in the Europe-Asian relations and current Joint Roadmap, Joint EU-CA Summit in Samarkand and broadening EPCAs agreements shows the strengthening connection between two regions. Central Asia is a region with a great potential in terms of resources: natural, labor and social ones. Countries are now trying to adjust to the existence in the sphere of interest of three major Eurasian powers: China, Russia and European Union. It is vital that Central Asia continues to expand its connection on the continent being Eurasian "geographical core".

It is important to emphasize that despite the parties' declared interest, the presence of positive results in trade, and agreements on developing cooperation in the energy sector, the climate agenda, and the humanitarian sphere, the mechanisms and institutional tools that the parties are willing to offer are not clarifying at all. Only the first summit has been held, and there is no clear date for the next such meeting. The final document is declarative and framework-based, and the EU needs this format and nature of the documents to guarantee the promotion of its interests, which are aimed at implementing

bilateral agreements under the Enhanced Partnership and Cooperation Agreements.

Early engagement stressed energy security, financial stability and most importantly the compliance with international standards (whether they are economical, political or other). Then strategies evolved into mostly principled pragmatism with energetic, security and economical projects prioritized over social and cultural ones. While the latter not completely disappeared from the strategies the role of humanitarian goals is clearly less underlined than in the first EU document.

Considering reviewed timeline and movement towards signing EPCAs clearly shows the Central Asian countries commitment to developing relations with the European Union. And the emphasized "pragmatic-oriented" core of the last joint document is fully supporting the countries' flexibility approach to the international engagements⁵⁹.

But the key research question remains open: who will be the parties to this cooperation. The results of the EU-CA relations are expected in the short and medium term, or there will be bilateral partnership formats for interest groups, where consolidated solutions will only be declarative in nature.

⁵⁹ Diplomatic Flexibility: The Strategy of Central Asian Countries. URL: <https://valdaiclub.com/a/highlights/diplomatic-flexibility-the-strategy-of-central-asi/> (accessed 20.02.2026)

Получено в редакции: 3 марта 2026 г.

Принято к публикации: 21 мая 2026 г.

DOI: 10.24833/2782-7062-2026-5-2-70-85

УДК: 327.8

Международная политика / исследовательская статья

СТРАТЕГИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В ОТНОШЕНИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ИЗМЕНЕНИЕ ПОЛИТИКИ В ПЕРИОД 2007-2025 ГГ.

Ручкин Никита Дмитриевич, магистрант Высшей школы международных отношений, Гуманитарный институт, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.
195251, г. Санкт-Петербург, вн. тер. г. муниципальный округ Академическое, ул. Политехническая, д.29 литера Б
E-mail: nick.koulu@gmail.com

Вовенда Алексей Викторович, кандидат политических наук, доцент Высшей школы международных отношений, Гуманитарный институт, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.
195251, г. Санкт-Петербург, вн. тер. г. муниципальный округ Академическое, ул. Политехническая, д.29 литера Б
E-mail: vovenda-1c@mail.ru

Аннотация: Европейский союз развивает тесные связи со странами Центральной Азии с 2007 года, когда была принята первая крупная стратегия ЕС для Центральной Азии. В течение этих лет наблюдается заметный сдвиг в отношениях между Европой и странами Центральной Азии, главным образом по геополитическим и региональным причинам. Данная статья посвящена анализу изменений в стратегиях сотрудничества ЕС–Центральная Азия в 2007, 2019 и 2023 годах, а также анализу совместной декларации, опубликованной после первой встречи ЕС–Центральная Азия в 2025 году. Авторы сосредотачиваются на основных целях политики ЕС в Центральной Азии и средствах их достижения, изложенных в вышеупомянутых документах, а также на эволюции их отношений. На основе анализа официальных стратегических документов, дипломатических контактов и совместной декларации в статье определены основные современные цели ЕС в регионе Центральной Азии.

Ключевые слова: Европейский союз, региональная политика, стратегии сотрудничества, Центральная Азия, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликтов интересов

References:

Apokins, I. (2015). Reviewing the EU Strategy for Central Asia: Results and Future Prospects. *L'Europeen Formation* 375. Centre international de formation européenne, pp. 10–17. DOI: 10.3917/eufor.375.0010

Roy, O. (2000). *The New Central Asia: The Creation of Nations*.

Smolaga, M. (2019). Multilateral Development Banks as Instruments of EU–Asian Relations. In *Power Shifts in East Asia and Their Implications for Asia–Europe Relations*, pp. 159–186. DOI: 10.18778/8142-287-1.09

Tagliapietra, S. (2024). The European Union's Global Gateway: An institutional and economic overview. *The World Economy*, 47, 1326–1335. DOI: 10.1111/twec.13551

Mikhaylenko V.I., Sukhrob R. (2019). Na puti k novoy strategii Yevropeyskogo Soyuz dlya Tsentral'noy Azii [Towards a New Strategy of the European Union for Central Asia]. *Istoriya i sovremennoye mirovozzreniye*, 3, 95–102. (in Russian)

Prokhorenko I. (2019). Novaya strategiya Yevropeyskogo Soyuz v Tsentral'noy Azii: vozmozhnosti i predely "myagkoy sily" [The New Strategy of the European Union in Central Asia: Potential and Limits of "Soft Power"]. *Analiz i prognoz. Zhurnal IMEMO RAN*, 4, 68–80. DOI: 10.20542/afij-2019-4-68-80 (in Russian)

Yun S.M., Pakulin V.S. (2025). Programma «Erasmus+» v Tsentral'noy Azii: priority, rezultaty, vliyaniye [The Erasmus+ Program in Central Asia: Priorities, Results, and Impact]. *Sovremennaya Evropa*, 3 (131), 159–172. DOI: 10.31857/S0201708325030131 (in Russian)

Литература на русском языке:

Михайленко В.И., Сухроб Р. (2019). На пути к новой стратегии Европейского Союза для Центральной Азии. *История и современное мировоззрение*. № 3. С. 95–102.

Прохоренко И. (2019). Новая стратегия Европейского Союза в Центральной Азии: возможности и пределы "мягкой силы". *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*. № 4. С. 68–80. DOI: 10.20542/afij-2019-4-68-80

Юн С.М., Пакулин В.С. (2025). Программа «Эразмус+» в Центральной Азии: приоритеты, результаты, влияние. *Современная Европа*. № 3 (131). С. 159–172. DOI: 10.31857/S0201708325030131

Информация для авторов

Журнал «Управление и политика» принимает к публикации оригинальные и отличающиеся новизной и научной ценностью рукописи по политической теории, проблемам и трансформации политических институтов и процессов, вопросам политической идеологии, международной политики и государственного управления.

Рукописи принимаются в электронном виде на сайте журнала, где также подробно изложены требования к подаче рукописей: www.gr-mgimo.ru, а также по почте: gr@inno.mgimo.ru

В журнал принимаются исследовательские и аналитические статьи, теоретические и обзорные статьи, книжные рецензии.

Требования к рукописям:

- Представление статьи в журнал «Управление и политика» подразумевает, что: статья не была опубликована ранее в другом журнале, статья не находится на рассмотрении в другом журнале, все соавторы согласны с публикацией текущей версии статьи;

- объем без метаданных – 40 тыс. – 80 тыс. знаков;
- Microsoft Word (.doc or .docx), 14 Times New Roman, 1.5 интервал;
- статья имеет следующую структуру:
 - ФИО автора и место работы (имя, степень, должность, полное наименование организации с почтовым адресом, e-mail) в отдельном файле .doc;
 - краткое название, отражающее ключевую проблему статьи;
 - аннотация (200-250 слов), которая должна содержать краткое изложение статьи и включать ключевые слова (8-10). Она должна содержать цель, исследовательский вопрос, методы и результаты исследования;
 - текст статьи должен быть логически разделен на несколько частей: введение (содержит цель статьи, исследовательский вопрос, объяснение, почему этот вопрос важен, обзор литературы); методология (методы исследования, теоретическая база, этапы исследования); результаты (результаты исследования представлены в логической форме); обсуждение (оценка результатов, их актуальность, важность и ограничения), заключение;
 - автор обязан сообщить редакции о потенциальном конфликте интересов, указав такую информацию. При отсутствии конфликта интересов автор добавляет в конце статьи следующую фразу: «Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов»;
 - Рисунки и таблицы не должны быть отсканированы, и должны быть редактируемы. Картинки должны быть высокого качества и присылаться отдельно (форматы .jpg или .png). Рисунки и таблицы должны нумероваться и иметь отсылку к ним в тексте, а также источники данных. В рукописи должно быть указано, где следует разместить каждый рисунок/таблицу/рамку, например: <рисунок 1.1 здесь>. Изображения с низким разрешением 72 dpi (из Интернета) не принимаются. Ответственность за получение разрешения на использование изображения лежит на авторе. Автор несет исключительную ответственность за точность используемых изображений и/или карт. Если рукопись содержит специальные символы (китайские, арабские, символы, математические символы и т.д.), то необходимо предоставить PDF-версию рукописи и указать используемые специальные шрифты;
 - Список литературы должен быть составлен в алфавитном порядке. Он включает научную литературу, аналитические отчеты и статьи в научных журналах. DOI следует указывать в конце ссылки. Ссылки на статистические данные, отчеты, законодательные документы, интернет-ресурсы должны быть оформлены в виде сносок с полным описанием и URL-адресом в постраничных ссылках. В журнале приветствуются ссылки на надежные источники, научные статьи, опубликованные в авторитетных журналах.

Журнал использует стиль ссылок APA:

примеры:

в тексте: (Иванов, 2021, с. 3-4) ... (Smith & Fox, 2021, pp. 3-4)

в списке литературы:

Smith, K., Fox, R. (2021). *Book in Political Science*. Publishing House. 312 p.

Smith, K., Fox, R. (2021). Article in Political Science. *Governance and Politics*, 1(1), 2-9.

Подробнее: <https://apastyle.apa.org/style-grammar-guidelines/references/examples>

Литература на русском языке дается в соответствии с требованиями ГОСТ 7.1 и ГОСТ 7.82, а также дается в транслитерации с переводом на английский язык

Brief Author's Guide

Peer-reviewed and open-access journal Governance and Politics welcomes submissions of original and outstanding research manuscripts in the field of political science.

The Journal is focused on political theories, political institutions and processes, political ideology, international politics, public administration and governance.

The Journal is published by the School of Governance and Politics of the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) and is of relevance to academia, practitioners and policymakers. Only manuscripts of sufficient quality, relevant research question and sound methodology that meet the aims and scope of Governance and Politics will be subject to a double-blind peer-review.

The requirements for a research article are the following:

- the submission of an article implies that it has not been published earlier in another journal or book, is not under consideration in another journal, has no more than three co-authors, all of whom agree with the publication of the submitted version of the article;
- length of the article without metadata: 40,000 – 80,000 symbols (with spaces);
- Microsoft Word format (.doc or .docx), 14 Times New Roman, 1.5 interval;
- the article has the following structure:
 - author's full name and affiliation (name, degree, occupation, ORCID, full affiliation with postal address, e-mail) in a separate .doc file;
 - short title reflecting the key problem of the article;
 - abstract (200-250 words). The abstract should provide a brief summary of the paper and include all key-words (8-10). It should contain *the purpose, research question, methods, and results of the research*;
 - the text of the article should be logically divided into several integral parts: introduction (*contains the aim of the article, research question, discussion on why this question is important, literature review*); methodology (*research methods, theoretical basis, stages of research*); results (*the results of research are presented in a logical way*); discussion (*assessment of the results, their relevance, importance and limitations*), conclusion;
 - the author is obliged to inform the editors about a potential conflict of interest by indicating such information. *If there is no conflict of interest, the author adds the following phrase at the end of the article: The author declares the absence of conflict of interest*;
 - Figures and tables should not be scanned so that they could be edited. Pictures should be of high quality and sent separately (.jpg or .png). *Figures, tables and pictures should have number and reference in the text as well as a source of data. A manuscript should indicate where each figure/table/box should be placed, e.g. <figure 1.1 here>. Images with low resolution at 72dpi (internet sourced) are not accepted. It is the author's responsibility to obtain permission for the use of image. The author is solely responsible for the accuracy of the images and/or maps used. If manuscript contains special characters (Chinese, Arabic, Cyrillic, characters not generally used in Western European languages, symbols, mathematics etc.) then a PDF version of the manuscript needs to be submitted and the special fonts used need to be listed*;
 - **References:** List of references should be composed alphabetically. It includes academic literature, analytical reports and articles in academic periodic journals. DOIs should be given in the end of a reference. References on statistics, reports, legislative documents, internet resources should be organized as footnotes with full description and URL.

The Journal uses the APA style of references:

examples:

in the text: (Smith & Fox, 2021, pp. 3-4)

in References:

Smith, K., Fox, R. (2021). **Book in Political Science**. Publishing House. 312 p.

Smith, K., Fox, R. (2021). Article in Political Science. *Governance and Politics*, 1(1), 2-9.

For more examples and references instructions:

<https://apastyle.apa.org/style-grammar-guidelines/references/examples>

© МГИМО МИД России

СМИ зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 26 июля 2022 г., серия ПИ № ФС77-83595 (онлайн-версия, сетевое издание: 13 июля 2022 г., серия Эл № ФС77-83596)

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

Адрес редакции: 119454, г. Москва, проспект Вернадского, д.76,
Факультет управления и политики,
+7 495 229-54-37
e-mail: gp@inno.mgimo.ru

Точка зрения авторов может не совпадать с точкой зрения редакции

Периодичность – 4 номера в год

Отпечатано в производственном отделе
Издательского дома МГИМО.
119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76.
mgimo.ru/id; id@inno.mgimo.ru
Подписано в печать: 30.06.2026
Тираж 200 экз. / Объем 11,25 усл. п.л. / 1-й завод 38 экз. / Заказ № 1065

© Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

The Founder: Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

The Publisher Address: 119454, Moscow, Prospect Vernadskogo, 76,
School of Governance and Politics.
Phone/fax: +7 495 229-54-37
e-mail: gp@inno.mgimo.ru

Authors' point of view may not coincide with that of the Editorial Board's one

Published by MGIMO University Press

МГИМО

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ
ДОМ

выпускает учебные
издания по

42

иностранным
языкам:

አማርኛ

АМХАРСКИЙ

English

АНГЛИЙСКИЙ

العربية

АРАБСКИЙ

Afrikaans

АФРИКААНС

বাংলা

БЕНГАЛЬСКИЙ

Български

БОЛГАРСКИЙ

Tiếng Việt

ВЬЕТНАМСКИЙ

ᐱᐢᐱᐢᐱᐢᐱᐢᐱᐢ

ГОТСКИЙ

Ελληνικά

ГРЕЧЕСКИЙ

دري

ДАРИ

Dansk

ДАТСКИЙ

עברית

ИВРИТ

Bahasa Indonesia

ИНДОНЕЗИЙСКИЙ

Español

ИСПАНСКИЙ

Italiano

ИТАЛЬЯНСКИЙ

中文

КИТАЙСКИЙ

조선어 / 한국어

КОРЕЙСКИЙ

ພາສາລາວ

ЛАОССКИЙ

Latina

ЛАТИНСКИЙ

Монгол

МОНГОЛЬСКИЙ

Deutsch

НЕМЕЦКИЙ

Nederlands

НИДЕРЛАНДСКИЙ

Norsk

НОРВЕЖСКИЙ

فارسی

ПЕРСИДСКИЙ

Polski

ПОЛЬСКИЙ

Português

ПОРТУГАЛЬСКИЙ

پښتو

ПУШТУ

Română

РУМЫНСКИЙ

Русский

РУССКИЙ

Српски

СЕРБСКИЙ

Kiswahili

СУАХИЛИ

Тоҷикӣ

ТАДЖИКСКИЙ

Türkçe

ТУРЕЦКИЙ

Українська

УКРАИНСКИЙ

اردو

УРДУ

Suomi

ФИНСКИЙ

Français

ФРАНЦУЗСКИЙ

हिन्दी

ХИНДИ

Hrvatski

ХОРВАТСКИЙ

Čeština

ЧЕШСКИЙ

Svenska

ШВЕДСКИЙ

日本語

ЯПОНСКИЙ

УЧЕБНАЯ И НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

ПО ТЕМАМ:

•
международные
отношения

•
страны и регионы
мира

•
мировая
экономика

•
международное
право

•
иностраные
языки

mgimo.ru/id

vk.com/mgimoid

books@inno.mgimo.ru